

Глава II. Патриарх Никон до низложения и время междупатриаршества

Время междупатриаршества по оставлении Никоном патриаршей кафедры принадлежало к числу самых смутных времен, какие только известны в нашей церковной истории. Смуты и нестроения, происходившие тогда в Русской Церкви, были троякого рода: одни происходили преимущественно в Москве от бывшего патриарха Никона и из-за Никона; другие - в Киевской митрополии, едва только начавшей присоединяться к Московскому патриархату, но еще отстаивавшей свои прежние права; третьи - более или менее во всей Великой России от вновь появившегося русского раскола. Смуты и волнения, особенно первого и последнего рода, достигли такой степени, что для прекращения их и умирения Русской Церкви потребовался большой Собор, какого ни прежде, ни после у нас не бывало.

I. Положение патриарха Никона по оставлении им кафедры и смуты от него и из-за него в Москве

Поверив Никону, что он оставил навсегда патриаршую кафедру в Москве и впредь до избрания нового патриарха поручил править Церковью Крутицкому митрополиту Питириму, царь Алексей Михайлович в конце того же месяца (31 июля 1658 г.) указал боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому, да окольному Родиону Матвеевичу Стрешневу, да дьяку Александру Дурову переписать всю домовую и келейную патриаршую казну "после великого *господина, бывшего патриарха Никона*", т. е. все имущество, принадлежавшее как патриаршему дому, или кафедре, так и лично, или келейно, патриарху Никону: такая перепись делалась и прежде - после патриархов Филарета Никитича, Иоасафа и Иосифа. При этом подробно описаны были: а) церковные вещи: образа, кресты, панагии, сосуды церковные и облачения, богослужебные книги и разная церковная утварь; б) домашние вещи: рясы, клобуки, камилавки, шубы, серебряные кубки, братины, ковши, тарелки и пр., бархаты, атласы, соболи, сукна, ковры и пр.; в) наличные деньги, поступившие в патриаршую казну с духовенства, с патриарших монастырей и вотчин и из других источников (денег оказалось в сложности 844 золотых, 3402 ефимка и 17615 тогдашних рублей); г) жалованные грамоты и другие многочисленные документы на разные патриаршие имения; д) книги, рукописные и печатные, славянские и греческие и на иных языках, отчасти находившиеся в палатах патриарха, каменных и деревянных, а преимущественно помещавшиеся под Крестовою церковью трех святителей - Петра, Алексия и Ионы, Московских чудотворцев. По окончании переписи патриаршего имущества все, что оказалось в нем "келейного", т. е. все вещи, принадлежавшие собственно патриарху Никону, какого бы рода они ни были, по приказанию государя были отделены, переданы патриаршему дьяку Ивану Кокошилову да патриаршему

стряпчему Симону Грязному и чрез них отправлены в Воскресенский монастырь к бывшему патриарху. В частности, замечательно, что государь приказал отослать туда же к Никону не только все книги на иностранных языках, купленные на его келейные деньги в Новгороде старцем Арсением Греком и находившиеся у этого Арсения, но и все многочисленные греческие книги, письменные и печатные, приобретенные на Афоне старцем Арсением Сухановым на денежную казну государеву и находившиеся под церковью трех святителей Московских - Петра, Алексия и Ионы; те и другие книги по царскому указу были отданы для отсылки в Воскресенский монастырь патриаршему боярину Борису Нелединскому да дьякам Ивану Кокошилову и Ивану Калитину.

Внимание и милость Алексея Михайловича к бывшему патриарху простерлись еще далее. Царь оставил за Никоном все три монастыря его строения: Крестный, Иверский и Воскресенский со всеми приписными к ним четырнадцатью монастырями и со всеми их вотчинами, в которых числилось крестьян земледельцев больше шести тысяч, а число приходских церквей простиралось до 50, если иметь в виду лишь те вотчины, которые находились в епархиях Тверской и Новгородской (сколько было церквей в вотчинах, находившихся в пределах Московской епархии, неизвестно). Таким образом, Никону оставлена была целая довольно значительная область, церковная и владельческая, в которой он мог самостоятельно действовать как иерарх и как владелец. Он независимо правил всеми этими монастырями, церквами и вотчинами, творил в них суд и расправу, сам посвящал для них священников, диаконов, причетников, а для монастырей сам ставил и настоятелей и другие власти и по своему усмотрению распоряжался всеми доходами с монастырских вотчин и угодий. К этим доходам присовокуплялось еще ежегодно по две тысячи рублей, которые высылал царь за взятые им у Воскресенского монастыря камские соляные варницы. При таких условиях, казалось, Никону можно было жить совершенно спокойно и быть довольным, если бы в нем действительно существовала решимость оставить навсегда Московскую патриаршую кафедру и не скрывалось желание вновь занять ее. На первых порах он, по-видимому, и был спокоен и доволен и с великим усердием занялся сооружением в своем монастыре соборного храма во имя Воскресения Христова, так что даже сам вместе с братиею носил кирпичи на эту постройку. Царь, довольный спокойствием Никона, прислал ему на монастырь "премную и великую милостыню". Обрадованный Никон писал государю: "Ныне от премногия милости твоя приемше дерзновение, трегубо Господа Бога молим, дабы паки и паки распространил и наполнил св. благодати своя сердце твое присно миловати нас, смиренных, и убогую сию пустыню, в нейже ныне обретаемся". Затем открывал государю свою мысль, которую имел, когда еще был "на престоле великого архиерейства" в Москве, лить для Воскресенского монастыря большой колокол с изображением на нем Воскресения Господня и ликов царя Алексея Михайловича и его царицы и умолял: "Изволь оную святую и священную вещь, еже есть колокол, совершить премногим своим милосердием, а меди есть моей на патриарше дворе у казеннаго дьяка Парфения близко трехсот пуд, и, аще чего неостанет, милостию своею исполни". Еще

далее извещал государя: "Начатки твоим государевым жалованьем храму св. Живоносного Воскресения изобразившаяся и уже немало возвышены", но в нынешнее лето недостало камня и кирпича для постройки, а к будущему лету уже есть деланного кирпича до семисот тысяч и еще ожигается. Наконец, просил, чтобы государь приказал выжечь в Звенигороде или в самом Воскресенском монастыре до тысячи бочек известки. При таких ревностных хлопотах о сооружении Воскресенского собора Никон находил возможность - что весьма замечательно - заняться и литературным трудом: составил Сказание о создании Иверского монастыря и о перенесении в него мощей святого Иакова Боровицкого. Это Сказание, написанное Никоном, когда он назывался только патриархом, окончено не прежде августа 1658 г., потому что упоминает уже о поставленном в том месяце новом архимандрите Иверского монастыря Филофее, а к концу октября и напечатано в типографии того же Иверского монастыря. Но еще в то же лето, когда Никон оставил свою кафедру, один из близких к нему бояр, Никита Алексеевич Зюзин, много раз, как сам свидетельствует, посылал к нему дьяка Федора Торопова с словами: "Что, государь, оставил престол свой? Оставь свое упорство и возвратись". И Никон каждый раз чрез того же дьяка присылал ответ: "Будет-де тому время, возвращусь". Значит, пред близкими своими он вовсе не скрывался, что имеет желание и надежду возвратиться на свою кафедру. Он только не хотел сам проситься, а ожидал времени, когда его попросят, позовут, и он возвратится с честью. Между тем ожидания не сбывались: дни проходили за днями, недели за неделями - от царя не было ни просьбы, ни приглашения, а духовенство как бы совсем забыло своего бывшего патриарха и не обращалось к нему ни по каким церковным делам, которыми правил с соизволения самого же Никона Крутицкий митрополит Питирим. Никон, естественно, томился, досадовал и долго молчал; наконец, не вытерпел своего томления и досады и обнаружил их.

Прошло более осми месяцев со времени отречения Никона от патриаршей кафедры. Настала неделя ваий (в марте 1659 г.), в которую, бывало, он совершал в Москве торжественное шествие на осяти. Теперь это шествие совершал, как и следовало, Крутицкий митрополит, местоблюститель патриаршего престола. Никону об этом донесли, и он в том же месяце марте написал к государю: "Как случилось ныне такое невероятное и непристойное деяние, о котором я слышал от многих и в действительности которого удостоверился? Уже некто дерзнул олюбодействовать седалище великого архиерея всея Руси и незаконно действовать деяние св. недели ваий... И я дивлюсь твоему благородию, как ты попустил без священного Собора обесчестить сие священное дело... И отселе, не знаю, достоин ли ему (митрополиту Крутицкому) святительская деяти... Если с твоей воли то было. Бог тебя да простит, а впредь Господа ради воздержись не в свои дела вмешиваться". Выходка Никона была совершенно несправедливая и оскорбительная. И государь для объяснений с ним послал 1 апреля думного дворянина Прокопия Елизарова да думного дьяка Алмаза Иванова. Они по данному им наказу говорили Никону: "В прошлом году, как ты оставил святительский престол своею волею, государь присылал к тебе князя Алексея Трубецкого, и ты объявил, что Московским патриархом никогда не будешь и

дела тебе до архиерейского чину никакого нет, а ныне пишешь к государю о действе, совершенном в неделю ваий, называя его прелюбодейством, - писать тебе к государю о таких делах, когда ты оставил свою паству, не следовало бы. То действо учинил митрополит с повеления государева по прежним примерам. В прежние годы до патриаршества то действо совершали митрополиты, а в междупатриаршество - Крутицкие митрополиты, потому что они всегда на Москве как бы наместники патриарховы. Да ты же сам, когда приходил к тебе от государя князь Трубецкой, благословил митрополита Крутицкого ведать и править все дела церковные, как прежде бывало во дни междупатриаршества, и вместе благословил избирать на святительский престол нового патриарха, а о себе сказал, что возвратиться на тот престол никогда и не помыслишь". Никон отвечал: "Я писал государю, что действо в неделю ваий без первого архиерея митрополитам недостойно, а Крутицкий - в митрополитах меньший. Первый архиерей - во образ Самого Христа, а митрополиты, архиепископы и епископы - во образ учеников и апостолов. Рабу на седалище господина дерзать не должно, а что до патриаршества и в междупатриаршество действовали в неделю ваий митрополиты, то все делали они неведением". Никону заметили: "Да ты и сам, когда был Новгородским митрополитом, совершал то же действо в неделю ваий, и при тебе, как был первым архиереем, тоже действовали митрополиты Новгородский и Казанский? Зачем же тогда ты этого не исправил? А теперь, когда ты оставил паству, тебе не следовало бы и поминать о таких делах". Никон: "И я, будучи митрополитом в Новгороде, действовал в неделю ваий неведением, а сделавшись патриархом, за многими суетами не улучил того исправить. Святительский престол я оставил своею волею, никем не гоним, а чтобы называться патриархом - я не отрицался; не хочу только именоваться Московским, потому что оставил патриарший престол в Москве своею волею, и слова, сказанные мною князю Трубецкому, держу и теперь неизменно, а чтобы возвратиться на прежний престол - и в мыслях у меня нет. Как тогда, оставляя престол, я благословил, так и теперь благословляю избрать нового патриарха". После этого Никону сказали, чтобы впредь к государю о таких делах он не писал, так как паству свою он оставил и на свое место избрать патриарха благословил, почему ему и не следует в те дела вступаться и смущать своими письмами. "В древние времена, - отвечал Никон, - и пустыnnики возвещали благочестивым греческим царям об исправлении духовных дел, а я ни за какие вины от Церкви не отлучен и хотя волею своею оставил паству, но попечения об истине не оставил и впредь, когда услышу о каком духовном деле, требующем исправления, молчать не буду". Никону заметили, что в древности пустыnnики писали государям о ересьях, которые обличали, а ныне благодарение Богу никаких ересей в Русской Церкви нет и обличать ему некого. В заключение Никон сказал, что он, как и прежде писал к государю, прощает его, если митрополит Крутицкий в неделю ваий действовал с его повеления, и посылает государю благословление. Такая неосновательная и мелочная притязательность Никона, такое вмешательство его в дела Церкви, от которых сам же прежде отказался, не могли не возмутить как царя с окружающими его боярами, так и высшее духовенство и нарушили те мирные отношения, какие установились было доселе между царем и бывшим патриархом.

Царь, однако же, по доброте своей желая успокоить Никона, скоро отправил к нему еще другого своего посла, дьяка Дамиана Башмакова, который и прибыл в Воскресенский монастырь 17 мая. Представившись Никону, Башмаков спросил патриарха о его спасении от имени государева и поднес государеву жалованье - церковного вина, муки пшеничной, меда-сырца и рыбы. Никон благодарил за жалованье и спросил о государевом многолетнем здоровье. Это было утром в Отходной пустыне, или скиту, который построил для себя Никон из камня в 150 сажнях от Воскресенского монастыря, на берегу реки Истра, в виде башни о четырех ярусах, с весьма малыми кельями и двумя такими же церквами и успел освятить еще в конце июня 1658 г., незадолго до своего удаления из Москвы. Отстояв литургию в одной из своих скитских церквей, Никон отправился в предшестве боярских детей в свой большой монастырь, где встречен был архимандритом с братиею и стрельцами, стоявшими по сторонам. Эти стрельцы в числе десяти по челобитью Никона назначены были государем для охраны Воскресенской обители еще в 1657 г., когда он посетил ее, и с того времени постоянно состояли при обители на государевом жалованье, даже и после оставления Никоном патриаршей кафедры. В монастыре Никон пригласил Башмакова в свою келью. Здесь Башмаков прежде всего объявил Никону, что по письму его к стольнику, князю Юрию Ивановичу Ромодановскому, государь пожаловал Воскресенскому монастырю новый огород вместо прежнего и велел огородить этот новый огород и взорать для монастыря. Никон благодарил за государеве жалованье, но заметил, что братии в монастыре 80 человек да детей боярских, и служебников, и всяких работников больше 200, и одного огорода под овощи для них мало, а у государя есть и иные огороды... Затем Башмаков по поручению от государя говорил Никону: "Несправедливо, будто людям духовного чина дан заказ приезжать к тебе в монастырь. Такого заказа от государя никогда не было, и по дорогам застав никаких нет. А только митрополит Питирим, заметив, что некоторые духовные лица ленились приходить на праздники в соборную церковь на молебствия и отговаривались тем, будто ездят в те праздники к тебе в монастырь, приказал, чтобы желающие из духовенства ехать к тебе наперед заявляли ему о своей поездке. Скажи, кто сообщил тебе про тот будто бы заказ духовным людям ездить к тебе". Никон отвечал: "Как вспомню, отпишу государю". Еще говорил Башмаков: "Несправедливо также, будто во вторник на Светлой неделе Крутицкий митрополит и пестрые и черные власти просили у государя позволения ехать к тебе с образами, а государь чрез окольного Федора Михайловича Ртищева запретил им это. Во вторник государя и дома не было: он находился в Новодевичьем монастыре на празднике; да и к самому государю власти приходили с образами только в среду. Объяви, кто тебе про то сказывал?" Никон отвечал, как прежде, что отпишет государю, и спрашивал про князя Алексея Никитича Трубецкого и про других воевод. "Князь Трубецкой, - сказал Башмаков, - стоит под Конотопом и осажденным людям чинит большую тесноту (это действительно было в мае 1659 г.), а князю Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому сдались города Мстиславль да Кричев..." Из кельи пошел Никон с Башмаковым в братскую трапезу, после трапезы отпел с братиею панихиду по царевне Анне Алексеевне (умерла в мае 1659 г.) и повел своего

гостя на постройку церкви и говорил: "Достроить ее нечем, каменщиков нет, да и денег нет; что пожаловал государь на церковное строение, то все изошло, а с монастырских вотчин денег в приходе бывает немногим более ста рублей: хлеб родится плохо". Возвратившись с Башмаковым в свою келью, Никон заговорил о властях: "Между властями многие - мои ставленники; они обязаны меня почитать, они давали мне от себя письма за своими руками, что будут почитать меня и во всем слушаться, - при этом читал Никон тетрадь за рукою епископа Коломенского. - Я оставил святительский престол на Москве своею волею и Московским не зовусь и никогда зваться не буду, но патриаршества я не оставил, и данная мне благодать Св. Духа от меня не отнята. В Воскресенском монастыре были два человека, одержимые черным недугом, я об них помолился, и они от своей болезни освободились. Также когда я был на патриаршестве, и в то время по моим молитвам многие благодатию Божиею от различных болезней освободились". Вот какими помыслами занята была душа Никона! Сам оставил Московскую кафедру, отказался от всякой власти над духовенством и всею Церковью, а требовал, чтобы его по-прежнему чтили и его слушались, и в подтверждение своих прав на уважение ссылался еще на чудодейственную силу своих молитв.

Хотя не было царского заказа, как утверждал Башмаков, ездить к Никону в Воскресенский монастырь, но был приказ, чтобы без ведома и позволения государева, а не одного только митрополита Крутицкого никто туда не ездил. И вот 9 июля 1659 г. двое патриарших певчих дьяков - Иван Тверитинов да Савва Семенов - сами явились к царю Алексею Михайловичу с повинною, что они ездили к Никону и пробыли у него со второго по шестое число, и выражали готовность рассказать все слышанное от Никона. Царь велел боярину Петру Михайловичу Салтыкову допросить их, и они в поданной ему сказке показали, что Никон после расспросов о здоровье государя и о Москве говорил им: "Услышите, какие недобрые к вам вести будут вскоре (как видно, Никон тогда уже получил известие о страшном поражении московского войска под Конотопом войсками изменника Выговского и татарами, случившемся в конце июня 1659 г.). Когда я был на Москве, на меня роптали, будто я Выговского принял, но ведь при мне никакой от него неправды не было, а ныне он отошел от великого государя, неведомо почему. Когда я был, то великому государю бивал о нем челом и во всем заступался. И ныне, если отпишу хотя две строки к Выговскому, он будет по-прежнему служить великому государю - надобно только держать их умеючи - и меня послушает, и прежде во всем добром он меня слушал". Легко понять, какое впечатление должны были произвести на царя и его советников эти горделивые слова бывшего патриарха.

Вместе с певчими Тверитиновым и Семеновым, как они показали, был у Никона дьякон из Ярославля Косьма. Никон звал его к себе особо и возложил на него какое-то поручение. И этот дьякон, приехавший с названными певчими в Москву, подал 10 июля государю следующую сказку: "Патриарх Никон велел мне говорить от его имени великому государю: как-де мы были на престоле в царствующем граде Москве, мы приказывали митрополитам и архиепископам и грамоты рассылали, чтобы везде молили Бога о победе над врагами, и тогда

Богом хранимо было наше государство, и враги наши на нас не ополчались. Если и ныне государь укажет петь в Москве молебствия с литиею о победе и разошлет о том грамоты во все города, то и ныне подаст Бог победу и одоление на супостаты. Но ныне, как нам ведомо, власти о том не радят, пьют, бражничают и в монастырях архимандриты и игумены пиры делают и всяких людей к себе зовут ради своих товаров, а о молитве к Богу не радят". Совет Никона царю, очевидно, не заключал в себе ничего особенного, чего бы не понимал царь и без этого совета, но Никону, кажется, хотелось только сказать, что при нем все было хорошо в Церкви, а без него пошло все худо и церковные власти предалась нерадению и безнравственности - попросили бы его снова в Москву на кафедру.

К крайней досаде Никона, просить его не просили, сколько ни ожидал он. А между тем из Москвы приходили к нему новые и новые слухи, для него неблагоприятные, которым он охотно верил и которые только более и более его раздражали. Раздражение достигло высшей степени, и в конце того же июля бывший патриарх послал к государю следующее письмо: "Мы *слышали*, что ты повелел ныне возвратить то, что прежде дал св. великой церкви. Умоляю тебя Господом Богом, не делай этого. Писание говорит: *Дайте, и дастся вам...* Поревнуй убогой вдовице, давшей две медницы, и другой, возлившей миро на ноги Христовы... Еще у тебя много благ, и не свое собственное ты даешь, но Божие Богови". Слух этот, по всей вероятности, был ложный: ниоткуда не известно, чтобы Алексей Михайлович отнимал или намеревался отнять что-либо у великой церкви, т. е. у Успенского собора, да и вообще у Церкви.

"По долгу моему я просил у тебя чрез писание прощения, и ты чрез стольника своего Афанасия Ивановича Матюшкина прислал свое милостивое прощение. Ныне же, слышу, ты многое творишь мне не как прощенному, а как последнему злодею. Ты велел взять мои худые вещи, оставшиеся в келье, и письма, в которых находятся многие тайны. Как первосвятитель я имел у себя многие твои государевы тайны, много и от других, которые, прося у меня разрешения своих грехов, писали их своими руками, чего никому не подобало ведать, даже и тебе, государю. Удивляюсь, как скоро дошел ты до такого дерзновения. Прежде боялся судить и простых церковных причетников, а ныне не только сам захотел ведать грехи и тайны бывшего архипастыря всего мира, но и попустил то другим мирским людям. Почему ныне наши судятся от неправедных, а не от святых?.. *Слышим*, что это было для того, чтобы не остались у нас писания твоей десницы, которые ты писал, жалуя нас либо почитая великим государем, также и иные не по нашей воле, но по своему изволению". Очень возможно, что при описании патриаршей казны, домовою и келейной, по удалении Никона от кафедры царь велел взять и рассмотреть его келейные бумаги, но не с целью узнать грехи и тайны, какие исповедовали пред Никоном верующие в поданных ему записках, и не для того, чтобы отобрать все царские письма у Никона, в которых последний был назван великим государем, а скорее с целью убедиться, не найдется ли в этих бумагах каких-либо улик против Никона в его измене. Известно, что Никон находился в тесных

сношениях с Выговским, который тогда воевал против государя, и про Никона распущены были слухи, сохранившиеся у иностранных писателей, будто бы он, когда был в силе, брал тайно деньги от польского короля и от австрийского посла Аллегретти.

"Не знаю, откуда началось сие (название Никона великим государем), а думаю, тобою, великим государем, такие начатки явились: ты писал так во всех твоих грамотах, и во всех отписках к тебе из всех полков так писано, и во всяких делах, и невозможно этого изменить. Да потребится злое мое и горделивое проклятое прозвание, хотя и не по моей воле оно было. Надеюсь на Господа, что не найдется нигде моего на то хотения или веления, кроме лживого сочинения, из-за которого ныне много пострадал и страдаю Господа ради от лжебратии. Что мною сказано было смиренно, то передано за гордое, что благохвально, то передано за хульное, и ложными словами до того увеличен гнев твой на меня, как, думаю, ни на кого другого; чего я не хотел и не произволял, чтобы называться великим государем, за то туне укорен и поруган пред всеми людьми. Думаю, и тебе памятно, как по нашему указу кликали меня по Трисвятом во св. литургии великим господином, а не великим государем, и о том было наше повеление". Но несправедливо, будто от царя началось название Никона великим государем: так начали величать его в официальных бумагах еще в 1652 г., как мы видели, некоторые настоятели монастырей, хотя владыки называли его еще только великим господином. А в следующем году, когда Никона величали уже великим государем и владыки, и бояре, и сам он, в официальных бумагах называл его этим именем и государь, хотя в иных бумагах титуловал его еще великим господином. Равно несправедливо и то, будто со стороны Никона не было на такое название ни хотения, ни произволения, когда сам он во всех своих бумагах постоянно величал себя великим государем и никому не запрещал так величать его. Если бы только он захотел и дал указ, чтобы его не называли таким гордым именем, воля его несомненно была бы исполнена всеми находившимися под его властью.

"Некогда я был единотрапезен с тобою и питан, как телец на заколение, многими тучными брашнами по обычаю Вашему государеву. А ныне, июля в 25-й день, когда торжествовалось рождение (вернее, тезоименитство) благоверной царевны Анны Михайловны, все возвеселились о добром том торжестве и насладились трапезы твоей - один я, как пес, лишен богатой Вашей трапезы... Многие и враги приемлют Вашу благодать, а я, когда не очень был богат нищетою, тогда наиболее и сподоблялся Вашей милости; ныне же, когда Господа ради лишился всего и нищенствую, я лишен и Вашей милости... Умоляю, перестань Господа ради гневаться на меня... Ныне я оболган пред тобою более всех... Не дай мне, грешному, немилосердия, непусти истязать мои худые вещи... За немного пред сим дней ты приказывал с князем Юрьем, что якобы ты один ко мне добр и князь Юрий; ныне же ты не только сам явился ко мне немилостивым, но и хотящим миловать меня возбраняешь, и всем заказ крепкий положен приходить ко мне... А в чем моя неправда пред тобою? Что я Церкви ради просил суда на обидчика? Но не только не получил праведного суда, а получил ответы, полные немилосердия. Слышу ныне, что вопреки

законов церковных ты сам изволишь судить священные чины, которых судить не поверено тебе от Бога". Сожаление Никона о царской трапезе в том положении, в какое он сам себя поставил, представляется по меньшей мере странным. Слова Никона, будто он Господа ради лишился всего, чем прежде владел на Московской кафедре, и теперь нищенствует, несправедливы: не Господа ради лишился он всего этого, а по своей прихоти и не нищенствовал он теперь, а владел тремя богатыми монастырями своего строения с шестью тысячами крестьян и многочисленными угодиями. Не по какой-либо немилости к Никону царь запретил ходить к нему без его государева позволения, а потому что многие, посещая Никона, передавали ему разные вести из Москвы, иногда ложные или преувеличенные, а Никон верил всему этому и писал государю резкие письма. Укоры Никона царю, будто он начал сам судить священные чины, основывались только на слухе, а если бы слух и был справедлив, то какое право имел теперь Никон укорять за это царя и вмешиваться в дела Церкви, когда сам добровольно оставил ее и отказался от всякой власти над нею? В заключение своего письма Никон, опровергая тех, которые говорили, что он взял с собою много патриаршей ризницы и патриаршей казны, писал: "Я взял один саккос, и то недорогой, простой, а омофор прислал мне Гавриил Халкидонский... Из казны же я не взял, но только удержал, сколько нужно будет издержать на церковное строение, и по времени хотел отдать, да еще дал в отшествие мое Воскресенскому казначею, чтобы расплатиться с рабочими. А где прочая патриаршая казна, это явно пред всеми: строен двор московский, стал тысяч десятков и более; насадный завод тысяч десятков стал, и тем я ударил челом тебе на подъем ратный; тысяч с десять в казне налицо; девять тысяч дано ныне на насад, на три тысячи летось лошадей куплено; шапка архиерейская тысяч пять-шесть стала, а иного расходу Св. Бог весть, сколько убогим, сирым, вдовам, нищим, - и тому всему в казне есть книга". Из этого письма патриарха Никона видно, что у него действительно много было врагов вокруг царя, о чем незадолго пред тем и извещал его сам царь, который, следовательно, не прерывал с ним своих сношений. Но Никон вместо того, чтобы против врагов искать себе защиты и благорасположенности у царя, который почти один, как уверяли, был к нему добр, как будто намеренно старался еще сам возбуждать против себя царя своими вовсе не уместными теперь притязаниями и крайне оскорбительными для царя письмами.

Несмотря на это, государь показал тогда свою заботливость о безопасности Никона. Страшное поражение московского войска под Конотопом крымскими татарами и казаками Выговского в конце июня 1659 г. произвело общую тревогу между русскими. Пронеслись слухи, будто татары двигаются на Москву. В августе по государеву указу люди всех чинов спешили на земляные работы для укрепления столицы. Царь, зная, что Воскресенский монастырь не укреплен, послал предложить Никону более безопасное убежище в Колязинском монастыре преподобного Макария. Никон будто бы сказал на это посланному: "Возвести благоч. царю, что я в Колязин монастырь не пойду; лучше мне быть в Зачатейском монастыре, в Китай-городе в углу, нежели в Колязине. А есть у меня по милости Божией и государевой свои крепкие монастыри, Иверский и Крестный, и я, доложась государю, пойду в свой

монастырь. Возвести великому государю, что я иду к Москве доложиться ему о всяких своих нуждах". Посланный спросил, про какой Зачатейский монастырь изволит говорить патриарх. "Про тот, - отвечал Никон, - что на Варварском крестце, под горою, у Зачатия". "Да там только большая тюрьма, а не монастырь", - заметил посол. "То и есть Зачатейский монастырь", - сказал Никон. Скоро затем Никон действительно приехал в Москву и, остановившись на своем Иверском подворье, в тот же день послал возвестить царю, что прибыл ради некоторых нужных потреб и желает видеть его царские очи. На другой день царь, посоветовавшись с боярами, послал думного дьяка Алмаза Иванова спросить Никона: ради каких нужных потреб пришел он? Никон отвечал Алмазу: "Я тебе о нужных моих потребах говорить не буду и чрез тебя посылать мое благословение не хочу". На третий день царь известил Никона, чтобы явился к нему наверх вечером, и, когда Никон прибыл, встретил его на переднем крыльце, и, введши в палату, посадил его, как бывало прежде, спрашивал его о здоровье и душевном спасении и только, потому что тут же находились и бояре. Посидев "мало", царь и патриарх пошли к царице и к царским детям, и потом царь отпустил Никона в его Воскресенскую обитель, дозволил ему посетить две другие его обители, Иверскую и Крестную, и просил его на следующий день к себе на обед, но Никон отказался, намереваясь рано утром в тот день выехать из Москвы. Царь прислал Никону на дорогу две тысячи рублей и для охраны его кроме прежних десяти назначил еще двадцать стрельцов, которые с того времени и состояли при Воскресенском монастыре. Возвратившись в эту обитель, Никон послал к государю письмо, в котором благодарил его за его великую милость и за присылку стрельцов из Савина монастыря, только просил пожаловать им порошу и продолжал: "Есть на патриаршем дворе моя лошадка, что прислал мне грузинский царь Александр, и у меня было замечено подарить ее государю моему свету царевичу Алексею Алексеевичу; изволь, государь, ту лошадку взять. Да есть на патриаршем дворе две мои худенькие каретки: одна куплена у Василья Волынского, другую подарил князь Иван Голицын старый; вели, государь, выдать мне хотя одну из них, чтобы сделать возчишко для дороги, а тележка, в которой я с Москвы съехал, изломалась".

В сентябре Никон отправился в своей Иверский монастырь и прожил там до половины декабря, если не далее. А оттуда, взяв с собою несколько серебряных сосудов и других вещей, переехал в Крестный монастырь, где и оставался до половины сентября следующего 1660 г. В обоих монастырях занимался монастырскими делами и в Крестном окончил главную каменную церковь во имя Воздвижения Честного Креста, которую и освятил 2 сентября (1660), устроил большой колодезь, обложил его диким камнем и соорудил над ним каменную церковь во имя Происхождения Честных Древ и 8 сентября освятил деревянную церковь во имя всех святых, которую построил в монастырской роще. Известно несколько писем, какие писал Никон из Иверского и Крестного монастырей к преданному ему боярину Никите Зюзину, находившемуся тогда в Новгороде на государевой службе. Два письма из Крестного монастыря особенно ясно отражают в себе тогдашнее состояние духа их автора. От 3 февраля Никон писал Зюзину: "Из писания твоего, которое мы

получили 30 января, мы узнали, что Вы печалитесь о нас, но мы милостию Божию не скорбим, а радуемся о покое своем. Добро архиерейство во всезаконии и чести своей, и надобно поскорбеть о последнем всенародном событии. Когда вера евангельская начала сеяться и архиерейство чтилось в христианских царствах, тогда и самые эти царства были в чести, а когда злоба гордости распространилась и архиерейская честь изменилась, тогда, увы, и царства начали падать и пришли в бесчестие, как известно о греках. То же было и у нас... Довольно указать один случай: безвинного патриарха (Иова) отставили, и еще при жизни его как бы благозаконно возвели Гермогена - и сколько зла произошло от того!.. Твоему благородию неизвестно, что все архиереи - нашего рукоположения, но не многие из них по благословию нашему служат государю, а кто не благословен, тот ничем не разнится от отлученного... Нам первообразных много, вот реестр их: Иоанн Златоуст, Афанасий Великий, Василий Великий и здешний Филипп митрополит". Т. е. Никон, самовольно оставивший свою кафедру и по оставлении ее имевший все средства к безбедной жизни, не стыдился приравнять себя по страданиям Златоусту и другим великим страдальцам за истину и правду. В письме от 28 июня Никон говорил: "Вы снова пишете ко мне и по-прежнему скорбите о мне и о моих скорбях, но меня, плачущего, утешит Господь в будущем веке, как обещал любящим Его. А ныне о себе писать нечего, кроме болезней и скорбей многих: едва жив в болезнях своих. Крутицкий митрополит да чудовский архимандрит прислали дьякона Феодосия, жившего у Крутицкого, с многим чаровством меня отравить. И он было отравил, да едва Господь помиловал: бесцем камнем и индроговым песком отпился. Да и иных со мною четырех старцев испортил... Лежал немало без памяти, едва не умер, а старцы по три дня лежали и тем же, чем я, отпился. И ныне животом скорбен, и впредь не знаю, что будет. О всем этом писано государю к Москве" . Этот черный дьякон Феодосий прибыл к Никону еще в Воскресенский монастырь, в то время как Никон возвратился из Москвы, порассказал ему много худого про Крутицкого митрополита Питирима, у которого прежде жил, и понравился Никону, так что последний взял его с собою в монастыри Иверский и Крестный, велел пребывать в его крестовой службе и иметь пищу с его келейными старцами. Находясь уже в Крестовом монастыре, Феодосий будто бы составил тайно в монастырской бане вместе с портным мастером Тимошкою Гавриловым какую-то отраву, которою и отравил было патриарха Никона. Их, однако ж, в бане видели, когда они приготавливали состав отравы, служилые люди и донесли о том Никону. Никон велел приказному своему дворянину Василию Поскочину расспросить обоих подозреваемых, и Феодосии во всем сознался, подписал вместе с Тимошкою расспросные речи и подал патриарху собственноручную повинную челобитную, в которой поведал, что его послали отравить Никона Крутицкий митрополит Питирим и чудовский архимандрит Павел и посулили ему за то Новгородскую митрополию. Никон отправил 7 июня отписку по этому делу к государю. Царь приказал 5 сентября боярину князю Алексею Трубецкому, думному дворянину Елизарову да думному дьяку Алмазу Иванову вновь расспросить дьякона Феодосия и портного Тимошку против расспросных речей их обоих и повинной челобитной дьяконовой, что присланы были от

Никона. Тимошка сначала сказал было, что Феодосий учил его делать какой-то состав, показывал ему какой-то корень, сам повинился при расспросе и подал повинную челобитную. Но Феодосий на очной ставке с Тимошкой совершенно заперся во всем и говорил, что писал повинную челобитную по научению и поневоле за пристрастьем поляка Николая Ольшевского, который бил его плетьюми девять раз, и также поневоле по тому же пристрастью подписал и расспросные речи, которые прочитали ему уже после того, как он к ним руку приложил. Затем государь приказал расспросить Тимошку и Феодосия под пыткой. И Тимошка, когда его подымали на дыбы, жгли огнем, били плетьюми, повторял одно, что прежде клеветал на Феодосия, что последний не учил его делать никакого состава и не показывал ему никакого корня, что так говорить на Феодосия принудили его, Тимошку, пытками поляк Ольшевский по велению патриарха да находившийся при патриархе стрелецкий сотник Осип Михайлов. А дьякон Феодосий во время таких же страшных пыток утверждал по-прежнему, что Крутицкий митрополит и чудовский архимандрит вовсе не посылали его для отравления Никона, что повинную челобитную подал и к расспросным речам приложил руку поневоле, не стерпя побоев от поляка Ольшевского и сотника Михайлова, и повинную ту принудил его писать Ольшевский по патриархову велению с готового образца - челобитной, которую составил подьячий Васька Ларионов. Таким образом, показания обвиняемых, данные ими в Москве под пыткой, нимало не подтвердили показаний, данных ими в Крестном монастыре. Могло быть, что Никон с своими келейными старцами совершенно случайно принял в пищу или питии что-либо ядовитое и, предполагая тут отраву, заподозрил в покушении на нее из числа своих приближенных диакона Феодосия лишь потому, что он пришел от Крутицкого митрополита, а побои при допросе заставили Феодосия наговорить на себя то, в чем он был невинен.

Между тем как Никон проживал в своем Крестном монастыре, царь Алексей Михайлович решился наконец рассмотреть и решить дело об оставлении Никоном патриаршей кафедры и избрании ему преемника, столько уже времени тяготившее всех. С этою целию в феврале 1660 г. царь созвал в Москве Собор и в то же время отправил стольника своего Матвея Степановича Пушкина в Крестный монастырь к Никону спросить его мнения по этому предмету. В 16-й день февраля все собравшиеся на Собор митрополиты, архиепископы, епископы и прочие духовные лица по приказанию государя предстали пред лицо его в Золотой палате, где находились уже бояре, окольные и думные люди. В своей речи к духовенству государь говорил: "Мать наша, св. соборная Церковь, вот уже год и семь месяцев не имеет жениха и пастыря, с тех пор как бывший ее пастырь самовольно оставил свой престол и отрекся от него. Это видели митрополиты Сарский и Подонский Питирим и Сербский Михаил, Тверской архиепископ Иоасаф, архимандриты, игумены и другие, которые были в тот день с Никоном в службе. От них взяты сказки за их руками, и те сказки мы пришлем к вам на Собор. И вам бы о Св. Духе рассудить о сем крепко, единодушно и праведно, без всякой ненависти и тщетной любви, по правилам св. апостолов и св. отцов, памятуя Страшный суд и воздаяние". На другой день, 17 февраля, Собор открылся в патриаршей крестовой палате. По

указу государя боярин Петр Михайлович Салтыков принес на Собор сказки множества лиц, духовных и светских, которые были свидетелями отречения Никона от кафедры или которых посылал тогда царь для переговоров с Никоном, писанные 14 - 15 февраля, следовательно, еще пред открытием Собора. В последующие дни представлены были Собору еще другие сказки, писанные уже 20~22 февраля, следовательно, по открытии Собора. Все эти сказки Собор внимательно выслушивал, сличал, в чем они сходны и в чем несходны, требовал словесных объяснений от свидетелей, писавших сказки и находившихся тут же, которые то подтверждали свои показания, то исправляли или даже давали новые сказки, и пришел к заключению, что "святейший патриарх Никон оставил свой патриаршеский престол своею волею". Об этом послал Собор боярина Петра Михайловича Салтыкова доложить государю. Государь чрез того же Салтыкова указал Собору сделать выписку из правил святых апостолов и святых отцов и на основании ее рассудить "об отшествии бывшего патриарха Никона", а у выписки этой быть архиепископам: Маркеллу Вологодскому, Илариону Рязанскому, Макарию Псковскому, архимандриту чудовскому Павлу и игумену Александрова монастыря Симону. Выписка была сделана не только правил, но и толкований на них. И Собор 27 февраля, выслушав все эти правила и толкования, рассуждал: а) бывший патриарх Никон презрел прошение великого государя чрез князя Алексея Трубецкого не оставлять кафедры; презрел такое же моление архиереев и прочих людей, находившихся при отречении его; не поведал причины своего отречения ни государю, ни архиереям; не оставил о том писания даже всему священному Собору; б) со времени отречения его, Никона, от кафедры прошло уже год и 7 месяцев; в) все свидетели, которые допрашиваны были на Соборе, с евангельскою клятвою подтвердили истинность своих сказок и в этих сказках согласно показали, что Никон отрекся от своего патриаршества и обещался потом не быть на кафедре; г) да и сам Никон в своей отписке государю, которую государь прислал на Собор с боярином Петром Салтыковым, своею рукою написал: "Бывший патриарх Никон". Принимая во внимание все эти обстоятельства и прилагая к ним священные правила, прочитанные на Соборе, Собор выразил свое решение так: "Правила св. отцов все согласно и невозбранно повелевают на место епископа, отрекшегося своей епископии или оставившего ее без благословной причины более шести месяцев, поставить иного епископа".

Но этим решением Собор не мог ограничиться. Недостаточно было сказать только, что вместо отрекшегося от кафедры Никона следует избрать иного патриарха; необходимо было сказать вместе, как же поступить с самим Никоном, считать ли его и впредь патриархом и какие права за ним оставить. На решение этих вопросов как бы вызывал Собор и сам Никон. Посланный к нему в Крестный монастырь стольник Пушкин возвратился и 6 марта дал письменную сказку, что он прибыл к Никону 24 февраля и по указу государя говорил ему: "Когда ты изволил оставить патриаршеский престол и государь посылал к тебе не раз боярина князя Алексея Никитича Трубецкого, чтобы ты возвратился на престол, ты отказал боярину, на престол не возвратился и подал великому государю благословение выбрать другого патриарха, кого пожелает.

После посланы были к тебе думный дворянин Елизаров и думный дьяк Алмаз Иванов, ты и им сказал те же речи, что на патриаршеском престоле впредь быть не хочешь, и об избрании на свое место патриарха благословение государю подал". Никон отвечал: "Как приезжал ко мне от государя боярин князь Трубецкой, он на патриаршество меня не звал, а говорил мне о том в Москве в соборной церкви, чтобы я на престол возвратился. И думный дворянин Елизаров также меня не звал, только выговаривал. А великому государю от меня благословение всегда: невозможно рабу не благословить своего государя. Но на такое дело (тут Никон изменил прежнему своему слову, не раз данному), чтобы поставить патриарха без меня, я не благословляю: кому без меня ставить патриарха и митру на него возложить? Мне дали митру патриархи Вселенские, и митрополиту возложить на патриарха митру невозможно (неправда: на самого Никона возложили митру не патриархи, а митрополит Казанский, который и поставил его в патриарха согласно с церковными правилами). Я оставил престол, но архиерейства не оставлял, и все власти моего рукоположения и при поставлении своем дали в своем исповедании клятвенное обещание пред всею Церковию не хотеть им иного патриарха, кроме меня, - как же им без меня ставить новоизбранного патриарха?" При этом Никон вручил Пушкину свое письмо к государю и примолвил: "Если государь изволит мне быть в Москве, то я по указу его новоизбранного патриарха поставлю и, приняв от государя милостивое прощение, простясь с архиереями и подав всем благословение, пойду в монастырь. Только бы государь не велел отнимать у меня монастырей моего строения да указал давать мне часть от соборной церкви, чтобы мне быть сыту". В письме к государю, которое привез Пушкин, Никон также говорил, что для благозаконного и праведного избрания нового патриарха должен быть призван он, Никон, и что он, когда избрание соборно и благочестиво совершится, преподаст новоизбранному чрез рукоположение ту же благодать, которую прежде сам приял, и разрешит всех архиереев от данного ими при поставлении на архиерейство клятвенного обещания не хотеть иного патриарха, кроме его, Никона. Оба эти документа, письмо Никона и сказка Пушкина, прочитанные 14 марта по воле государя в его Золотой палате в присутствии его самого, бояр, окольничих и царского духовника, благовещенского протопопа Лукиана, показали, что Никон не только продолжает считать себя патриархом, но одному себе усваивает право рукоположить нового патриарха для Москвы и по рукоположении его желает еще пользоваться частью из его патриарших доходов от соборной церкви, - тем необходимее было Собору заняться решением вопроса о самом Никоне, как отрекшемся от своей кафедры.

И Собор действительно занялся. Снова обратились к церковным правилам, а вместе и к церковной истории. Собрано было множество примеров, из которых одни показывали, что патриархи и вообще архиереи, самовольно оставившие свой престол, вновь на престол свой не возвращались; другие показывали, напротив, что такие архиереи снова возвращаемы были на свои кафедры; третьи, что архиереи, самовольно отрекшиеся даже от своего архиерейства, снова сподоблялись архиерействовать; четвертые, что еще при жизни патриархов и епископов, самовольно оставивших свой престол, на их места поставлялись иные патриархи и епископы. В 20-й день марта по

приказанию государя собрались в его Золотой палате знатнейшие бояре, окольные и думные люди, потом пришли туда же и предстали государю митрополиты, архиепископы и епископы и прочие власти и сказали, что принесли составленные по его государеву указу выписки из священных правил. Когда после краткого молебствия все духовные и светские сели, царь приказал читать выписки рязанскому архимандриту Стефану, а по окончании чтения пригласил всех духовных высказывать свои мнения, кто что ведает. Первый высказал свою мысль ученый епископ Полоцкий Каллист, за ним говорили Крутицкий. Рязанский и другие архиереи и архимандриты. Мнения оказались различны, и эта разность обнаружилась еще более в последующих заседаниях Собора. Одни, и преимущественно греческие, архиереи: Парфений Фивский, Кирилл Андросский, Нектарий Поголианский, которые по повелению государя также приглашены были для участия в Соборе, утверждали, что Никон, самовольно отрекшийся от своего престола, должен быть лишен архиерейства и даже священства; другие, к числу которых принадлежал и пользовавшийся большим уважением за свою ученость иеромонах Епифаний Славинецкий, говорили, что Никон, хотя и самовольно отрекся от кафедры, не должен быть лишаем архиерейства и священства. Третье мнение выразил ученый архимандрит полоцкого Богоявленского монастыря Игнатий Иевлевич, обративший на себя внимание царя своими речами к нему в Полоцке. В речи своей пред царем и Собором 10 мая этот архимандрит высказал: детям отца и словесным овцам верховного пастыря судить не подобает, и Собору русского духовенства не иначе возможно рассудить и разрешить правильно дело своего патриарха Никона, как только по согласию с большим Собором великой Церкви Константинопольской и со Вселенским патриархом. Славинецкий подал государю особую записку с изложением своего мнения, сущность которого состояла в следующем: по правилам, Никона, хотя и отрекшегося от своей кафедры, можно вновь возвести на нее, если он достоин, а если недостоин, то нужно прежде судить его и низложить, и только тогда на место его можно будет возвести другого, а судить Никона нельзя без Цареградского патриарха. Впрочем, на основании прежних примеров можно и теперь, без суда над Никоном, возвести на оставленную им кафедру другого патриарха; только и Никона не следует отчуждать архиерейского служения и чести. Если же он, находясь в этой чести, начнет творить смятение, то тем самым повинен будет лишению архиерейского сана. Равным образом и в присутствии Собора, когда Епифания спросили его мнение, он в 26-й день мая отвечал: "О том, чтобы Никон был чужд архиерейства и священства, я не только писать, но и говорить не дерзаю; я не нашел таких правил, чтобы архиерея, самовольно оставившего свой престол, но не отрекшегося от архиерейства, отчуждали от архиерейства и священства". А в 15-й день июня сказал, между прочим, что вновь поставленный на место Никона патриарх как престольный будет иметь полную власть запретить бывшему патриарху, т. е. Никону, если последний ему не покорится и без его благословения дерзнет совершать архиерейские действия. С своей стороны и греческие архиереи подали свою записку на имя царя и Собора и говорили, что несправедливо некоторые, по дружбе к Никону и неверно толкуя правила, не соглашаются с мнением всего Собора, который

определил низложить Никона и лишить священства до тех пор, пока он не смирится и не станет молить о возвращении ему священства пред новым патриархом и Собором. Напрасно указывают на пример Цареградских патриархов, которые хотя и оставляют свою кафедру один за другим, но не лишаются чрез то своего архиерейства и продолжают священнодействовать: эти патриархи оставляют свою кафедру не самовольно, а поневоле, по насилию и прелезаконно прогоняются от своего престола нечестивыми турками. Совсем другого рода пример известен из деяний Третьего Вселенского Собора. Когда Евстафий, епископ Памфилийский, отрекся от своей кафедры, это отречение вменено было ему в вину, и он лишен был архиерейства и священства. Когда же он со смирением и слезами притек к Вселенскому Собору и просил возвратить ему имя и честь епископа, Собор разрешил ему именоваться епископом, равно священнодействовать и рукополагать, но только по приглашению и с дозволения местного епархиального епископа. Вот по этому образцу следует поступить и с Никоном. Вследствие этой записки греческих архиереев Епифаний подал государю новую свою записку, в которой говорил, что из двух решений Собора первое - об избрании и поставлении нового патриарха на место Никона - признает правильным и благополезным, а второе - о низложении Никона и лишении его священства - понять не может. Изложив причины, почему не может согласиться с этим решением, Епифаний присовокупил: "Я не имею в виду прекословить священному Собору и не осуждаю писания, написанного от греческих архиереев и богомудрого Дионисия архимандрита (святогорца), но заявляю мнение моего худого ума, чтобы оно, если покажется свящ. Собору благословным, было принято, а если не благословным, было отвергнуто". Начались опять прения на Соборе. Греки отстаивали свое мнение и ссылались особенно на 16-е правило Двукратного Собора, которое гласит: "Аще кто из епископов, пребывая в своем достоинстве, и не хочет отрещися, и не желает пасти народ свой, но, удаляясь из своей епископии, более шести месяцев остается в другом месте, таковой да будет совершенно чужд епископския чести и достоинства". Греки уверяли, что вслед за сим в греческом тексте того же правила сказано еще: "Безумно убо есть епископства отрещися, держати же священство". Эти последние слова подействовали на самого Епифания, он не дерзнул прекословить им и дал свое согласие на низвержение Никона. После того государь дал приказ Епифанию составить соборное определение. Но Епифаний, когда, возвратившись домой, вздумал проверить уверения греков, не нашел подействовавших на него слов в греческом тексте правил и поспешил представить государю новую записку, в которой говорил: "Я прочел истинное правило греческое (16-е Двукратного Собора) и не нашел в нем слов "безумно бо есть епископства отрещися, держати же священство". Почему отрекаюсь от моего согласия на низвержение Никона, каюсь и смиренно прошу прощения. Новопоставленный патриарх вправе будет или благословить бывшего патриарха Никона, да архиерействует в том монастыре, где будет жить, или запретить ему архиерействовать, если не поклонится новопоставленному патриарху и без его благословения дерзнет архиерействовать, а если запрещения не послушает, то да низвержется. Я готов исполнить повеление Вашего величества и составить соборное определение об избрании и поставлении нового патриарха - это

согласно с правилами, но о низвержении Никона писать не дерзаю, потому что не нашел такого правила". Государь поколебался и, вероятно, потребовал отзыва от некоторых других членов Собора, если не от всего Собора, потому что сохранилось "Слово отвещательное" к царю не одного, а нескольких лиц по этому предмету. Они писали, что хотя Никон, самовольно оставивший свою паству и не шесть только, но более уже *восемнадцати* месяцев живущий вдали от нее, по правилам и даже по царским законам заслуживает низложения, но по древним примерам и ему, "аще повелит святое и превеликое твое царство, и св. Собор, и синклит", можно оказать "снисхождение человеколюбие", какое оказал Третий Вселенский Собор епископу Памфилийскому Евстафию, и не лишать его архиерейства и священства: "Зане аще и господин Никон в прочих внешних вещех и во отречении своем погрешил, яко человек, но в догматах благочестивыя и православныя веры бе благочестивейший и прав и во апостольских и отеческих преданиях Восточныя Церкви бе зело ревнитель... И да не явимся тяжки, молим о том великое твое царство и с дерзновением пишем к тебе, яко к царю христианнейшему, кротчайшему и благоутробнейшему". Царь охотно согласился на снисхождение Никону, и тогда Епианий, обрадованный таким исходом дела, написал до крайности витиеватое и напыщенное деяние соборное, в котором изобразил общими чертами весь ход Собора от начала до конца, но изложил только те рассуждения Собора, которые касались вопроса об избрании нового патриарха на место Никона, а совершенно умолчал о тех, которые касались вопроса о низложении Никона, и окончательное решение Собора выразил так: "Да вместо благоговейнаго Никона, бывшаго патриарха Московскаго, самовольно престол свой патриаршеский оставльшаго, ин святейший патриарх Московский правильно изберется, благодатию Духа Святаго восхиротонисуется и в душевную всего благочестиваго рода российскаго пользу на престол патриаршеский возведется". Это соборное деяние в 14-й день августа 1660 г. подписали все присутствовавшие на Соборе: шестнадцать архиереев, многие архимандриты, игумены и протопопы, в том числе и греческие три архиерея с архимандритом Дионисием святогорцем, и полоцкий архимандрит Игнатий Иевлевич.

Никон, когда узнал об этом Соборе (самые акты соборные кем-то сообщены были Никону), отнесся к нему с крайнею неприязнию и называл его не иначе как синагогою иудейскою, а действия его антиканоническими, во-первых, потому, что он, Никон, не был приглашен на Собор для оправдания и осужден заочно; во-вторых, потому, что был судим теми, которые от него же получили рукоположение, словно отец детьми; в-третьих, потому, что Собор созван был одним царем без участия патриарха. Впоследствии Никон выражался даже, что Собор этот должно назвать не только сонмищем иудейским, но и бесовским, потому будто бы, что он созван был не по правилам и все соборование на нем происходило по царскому указу: что хотел царь, то и делали. Неудивительно, если так отнесся к Собору Никон, - удивительно, что и царь не оказал к соборному решению надлежащего внимания. Поколебался ли он в доверии к Собору ввиду происходивших на нем разногласий и побоялся, как бы не погрешить против церковных правил, или опасался новых смятений со стороны Никона, только к избранию нового патриарха, как определено было

Собором, царь вовсе не приступал и не делал никаких распоряжений. Все труды Собора, продолжавшиеся около полугода, не привели теперь ни к чему, хотя впоследствии, как увидим, они послужили важнейшим пособием для Восточных патриархов, вместе с новым Собором судивших Никона.

Между царем и бывшим патриархом вскоре после Собора возобновились было добрые отношения. В Воскресенский монастырь прибыл окольный Иван Михайлович Милославский и от имени царя говорил Никону, что боярин Борис Иванович Морозов (свояк и бывший воспитатель царя) изнемогает и что если была от него патриарху какая-либо досада, то простил бы его. Никон письменно отвечал царю: "Досады от него нам мы не ведаем, кроме любви и милости, а хотя бы и было что, мы, как подражатели Христовы, прощаем ему все, в чем яко человек согрешил пред нами, а когда Господь пошлет по душу его, мы напишем ему, если угодно Вашему благородию, и разрешительную грамоту. Много работал он тебе, великому государю, - поболезнуй же и ты о нем ныне, а отходящим от мира сего ничто столько не пользует, как милостыня и приношение жертв. Мы же, богомольцы твои, оскудели ныне всем в созидании церкви Воскресения Христова и св" Голгофы и св. Живоносного Гроба Христова, и потому молим твою кротость о милостыне на создание храма и на пропитание нам, бедным, и мы, пока жив боярин Борис Иванович, будем молиться о спасении его, а по кончине его не перестанем поминать его... Не грех будет, если и вотчинку пожалуешь на вечное пропитание служащим в церкви и пенязи... А всего полезнее было бы для души боярина, если бы он по смерти и положен был в дому Живоносного Воскресения при св. Голгофе, против великих врат: тогда память великого боярина не престала бы вовек, и Бог упокоил бы душу его по нашим смиренным молитвам со святыми". Не знаем, пожаловал ли что-либо государь Никону по этой просьбе, но другую его просьбу уважил. В январе 1661 г. последовал царский указ взять с монастырей Никонова строения (как и с других монастырей) даточных людей не только за этот, но и за два предшествовавшие года. Никон написал челобитную, в которой, перечисляя, сколько прежде доставлял он с своих монастырей даточных людей на службу государя, умолял его не брать ныне даточных людей с тех монастырей, по крайней мере за два предшествовавшие года. К Никону прислан был Родион Стрешнев известить, что царь его пожаловал и брать даточных людей с его монастырей за прошлые два года не указал. Из той же челобитной Никона видно, что со всех вотчин Воскресенского монастыря по милости государя не брались даточные люди и за все прежние годы "ради монастырского строения". В ноябре того же 1661 г., 1-го числа, государь прислал Никону с Григорием Никифоровичем Собакиным три тысячи рублей и просил, чтобы Никон написал разрешительную молитву для скончавшегося боярина Ильи Ивановича. Никон благодарил письмом государя за присланную милостыню, выражаясь, что "вложит" ее в церковь Живоносного Воскресения Господня, тогда строившуюся, и послал разрешительную грамоту, с тем чтобы она прочитана была духовником умершего боярина над его телом и вложена в его руки.

Но вскоре же, после бывшего Собора на Никона и после возвращения его из Крестной в Воскресенскую обитель, начались у него столкновения с соседями по земельным владениям, снова нарушившие мир между ним и государем. Какой-то Иван Сытин подал царю челобитную, что крестьяне Воскресенского монастыря скосили сено на его земле более трехсот копен, стреляли в него самого и покушались разорить его жилище. Царь прислал эту челобитную 15 декабря 1660 г. самому Никону, чтобы он послал произвести по ней расследование. Никон поручил своему боярскому сыну Ражейскому произвести сыск и сыскные речи отослал к государю. Дело на этот раз обошлось спокойно. Другой сосед по имениям, окольный Роман Боборыкин, у которого Никон и купил вотчину под свой Воскресенский монастырь, завладел кочеваровскою землею и ивановскими лугами, которые монастырь считал своими. Архимандрит и наместник монастыря били челом государю о праведном сыске по писцовым книгам. Указ государев почему-то позамедлил, а между тем пришло время снимать на спорной земле хлеб и сено, и Никон, не дождавшись царского указа, велел своим крестьянам сжать хлеб и скосить сено на той земле. Боборыкин принес жалобу. От царя присланы были сыщик и подьячий, которые и произвели сыск и хотели, как им было велено, дать суд и Воскресенским властям, но получили от них сказку, что "простому человеку нельзя судить людей Божиих, особенно освященных", которую и отвезли в Москву. Не дождавшись решения по произведенному сыску и царского указа, Никон приказал свезти спорное сено своим людям. Боборыкин снова принес жалобу, и 3 декабря 1661 г. присланы были по царскому указу те же сыщик и подьячий произвести новый сыск и взять монастырских крестьян в Москву для расспросов. Никон, который не мог не сознавать по совести, что поступил самовольно, вышел из себя и написал к государю следующее до крайности неприличное письмо: "Начинаю письмо к твоему благоразумию словами, без которых никто из нас, богомольцев ваших, не смеет писать к вам, государям: Бога молю, челом бою. И словом и делом исполняем мы это по долгу своему и по заповеди апостола Павла, но щедрот твоих умолить не можем. Не как святители или как рабы, но как рабчища мы отвсяду изобижены, отвсяду гонимы, отвсяду утесняемы. Видя св. Церковь гонимую, послушав слова Божия: *Аще гонят вы во граде, бегите во ин град*, удалился я и водворился в пустыне, но и здесь не обрел покоя... За Церковь Божию страждем ныне по заповеди: *Больши сея любви никто же имать, да аще кто душу свою положит за други своя*. И мы, видев братию нашу биенными, жаловались твоему благородию, но, не получив ничего, кроме укоризны и уничижения, по слову Господа: *Остави Мне мечь, Аз мию*, оставили ее и удалились в место пусто. Но злоначальный змий нигде нас не оставляет и наветует на нас сосудом своим избранным, Романом Боборыкиным, смущая твое благородие". Сказав затем, как Боборыкин завладел монастырскою землею и как производились сыски по его жалобам, будто бы ложным, Никон продолжал: "Роман, враг Божий, враждует на дом Божий и на нас, Ваших смиренных богомольцев, и то все лжет. Посему молим Вашу кротость перестать от гнева, оставить ярость и не слушать лукавующих. Откуда ты принял такое дерзновение сыскивать о нас и судить нас? Какие тебе законы Божии велят обладать нами, рабами Божиими? Не

довольно ли тебе судить в правду людей царствия мира сего, о чем ты мало заботаешься? В наказе написано твое повеление взять крестьян Воскресенского монастыря - по каким это уставам? Надеюсь, если и поищешь, то не найдешь здесь ничего, кроме беззакония и насилия. Послушай Господа ради, что было древле за такую дерзость над фараоном в Египте, над содомлянами, над царями Ахавом, Навуходоносором и другими... Если не умилишься и этими напоминаниями, то хотя бы предложить тебе и все Писание, ты не поверишь... Не довольно ли того, что я бежал и оставил все, еще ли угодно твоему благородию, чтобы я бежал, отрясая прах ног своих ко свидетельству в день Судный? Уже не зовусь великим государем и какое тебе прекословие творю? Всем архиерейским обладает рука твоя судом и достоянием. Страшно молвить, но терпеть невозможно - мы слышим, что по твоему указу и владык посвящают, и архимандритов, и игуменов, и попов поставляют и в ставленных грамотах пишут тебя равночестным Святому Духу так: "По благодати Святого Духа и по указу великого государя". Недостаточно Святого Духа, чтобы посвятить без твоего указа. Но кто на Духа Святого хулит, не получит прощения ни в сей век, ни в будущий... К тому же повсюду: по св. митрополиям, и епископиям, и монастырям - без всякого совета и благословения берешь насилуем нещадно вещи движимые и недвижимые, и все законы св. отцов и благочестивых царей и князей, греческих и русских, ты обратил в ничто, даже грамоты твоего отца и твои собственные. Уложенная книга хотя и по страсти написана, но и там написано: в Монастырском приказе сидеть от всех чинов архимандритам, игуменам, протопопам, священникам и честным старцам, и ты все то упразднил; судят и насилуют мирские судьи архиереев, архимандритов и все духовенство, и ты собрал великий Собор вопиющих о неправдах твоих в день Судный. Тогда восстанут на тебя и Св. Дух, Которого ты обесчестил, будто благодать бессильна без твоего указа, и св. апостолы, и св. отцы всех Соборов, и благочестивые цари и князья, которых повеления, правила, узаконения на пользу Церкви ты нарушил и все грамоты упразднил. Данное Церкви Божией и св. монастырям в наследие вечное, недвижимые вещи: слободы, села, озера, леса - ты поотнял и Бога себе причастником не сотворил. За то и Бог тебя оставил и оставит, если не покаешься, и не возвратишь взятое от Божиих Церквей и монастырей, и не утвердишь грамот, прежде им данных. Послушай, как вопиет на тебя св. Церковь за восхищенные тобою вещи... Ты что ни совершил с Божиею помощью - не воздал за то хвалы Богу. Прежние цари за всякую победу воздавали хвалу Богу, иные построили церкви, другие - монастыри, а ты ничего такого не сотворил, но и прежние церкви и монастыри обнищил и ограбил и не Бога прежде прославил, но сам себя выше меры превознес. Потому и отринул тебя Бог и посрамил, и сделались мы поношением для соседей наших... Ты всем проповедуешь поститься, а ныне неведомо, кто не постится; во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего и нет никого, кто бы был помилован. Нищие и маломощные, слепые, хромые, вдовицы, чернецы и черницы - все обложены тяжкими данями. Везде плач и сокрушение, везде стенание и воздыхание, и нет никого веселящегося в наши дни. Хотим еще поведать тебе нехитрую речью, от Бога ли то было или нет, следующее: 12 января 1661 г. был я у заутрени в церкви Св. Воскресения; по

прочтении первой кафизмы я сел на место и немного вздремнул. Вдруг вижу себя в Москве, в соборной церкви. Церковь полна пламенного огня, из людей я никого в ней не видел, но увидел, что все прежние архиереи встали из своих гробов в святительских облачениях и как бы совершали великий вход в алтарь; пред ними несен был твой большой царский венец и положен на краю престола; к ним присоединился и я. Тогда встал из своего гроба Петр митрополит, подошел к престолу и, протянув руку свою чрез царский венец, положил ее на Евангелие, то же сделали и все прочие архиереи и я, и начал говорить: "Брат Никон! Скажи царю, зачем он преобидел св. великую Церковь, собранные нами св. недвижимые вещи бесстрашно восхитил; это ему не в пользу. Скажи ему, чтоб возвратил, ибо чрез то навел на себя великий гнев Божий: дважды был мор, сколько тысяч перемерло, все запустело, и не с кем ему теперь стоять против врагов". Я отвечал: "Не послушает меня, хорошо бы, если бы один из вас ему явился". Петр продолжал: "Судьбы Божии не повелели тому быть, но скажи ты, а если тебя не послушает, то если бы кто и из нас явился, и того не послушает. И вот ему знамение, - и, указывая рукою от престола на запад, сказал: - Смотри". Вижу, западной стены церковной нет, виден царский дворец, и огонь, бывший в церкви, собрался, устремился на царский двор, и тот запылал". Если этим не уцеломудрится, - прибавил Петр, - то приложатся казни Божии, большие прежних". А еще один из тех седых мужей сказал: "Вот теперь двор, который ты купил для церковников, царь хочет взять и сделать в нем торжище мамоны ради своей, но не порадуется о своем прибытке - псы будут рождать там своих щенков". Все это было так, от Бога или мечтанием, не знаю, но только так было. Если же кто подумает человечески, что я это сам собою замыслил, то сожжет меня тот огонь, который видел. Об этом словесно сказано было окольному Родиону Матвеевичу Стрешневу, но сказал ли он твоему благородию или нет, не знаю... Мы столько терпим поруганий от твоих синклитиков! Один из них, ругаясь над тем, как мы по примеру Христа благословляем двумя руками, вздумал и сам благословлять своими проклятыми руками, как архиерей, и, беснуясь, называет себя патриархом по научению от сатаны. И не только сам благословляет, но и пса своего некоего научил действием отца своего сатаны также благословлять передними ногами. Если ты, ведая это, потерпишь такому проклятому и не отомстишь, то гнев Божий не укоснит прийти на тебя. А мы ради Христа не только принять поношения и укорения, но и умереть готовы". При чтении этого письма нельзя не подивиться озлоблению или ослеплению Никона. Сколько преувеличений, неосновательности, неправды в его словах! Как будто в самом деле он удалился с своей кафедры потому, что видел Церковь гонимую и желая положить душу свою за братию свою! Как будто он отовсюду был гоним, отовсюду утесняем! Как будто царь не имел права судить духовных лиц даже по гражданским делам, касавшимся их вотчин и земельных владений, не имел права требовать для допросов даже монастырских крестьян! Как будто царь Алексей Михайлович нарушил все правила св. отцов, уничтожил все грамоты, данные церквам и монастырям, отнял все их имения! Как будто он за одержанные победы не воздавал хвалы Богу! Как будто и прежде Алексея Михайловича наши владыки ставились не по утверждению и не по указу великого государя! И выводиться из этого, будто бы царь приравнивался Святому

Духу, поставляющему епископов, видеть в этом хулу на Святого Духа, заключать, что царь сам ставит и архиереев, и архимандритов, и попов, - это уже слишком много и произвольно. Утверждать, будто в Уложении написано, чтобы в Монастырском приказе заседали архимандриты, игумены, протопопы и попы, тогда как там этого вовсе не написано, и будто в Монастырском приказе мирские судьи вообще судят и насилуют архиереев и других духовных особ, тогда как они и их крестьяне судились там только по одним исковым на них делам, - это совершенно несправедливо. А страшные угрозы царю казнями Божиими и особенно на всемирном Суде? А это мечтательное сновидение, которым также думал утратить царя и которому, как сам сознавался в письме к Зюзину, в Москве только посмеялись?

Высказав свое озлобление против царя, Никон не замедлил высказать еще более резко озлобление свое против архиереев. В 1662 г., в неделю православия, он совершал литургию в своем Воскресенском монастыре и во время обряда православия торжественно проклял, или анафематствовал, стоявшего тогда во главе русской иерархии Крутицкого митрополита Питирима, - проклял за три будто бы вины: "За действие ваия (шествие на осляти), за поставление Мефодия, епископа Мстиславского, и за досадительное и поносительное к себе слово". Эта анафема возмутила всех в Москве. Царь потребовал мнения по этому делу от архиереев. Известны письменные ответы к царю митрополитов - Новгородского Макария и Ростовского Ионы, архиепископа Рязанского Ионы, епископов - Вятского Александра и Полоцкого Каллиста. Все они единогласно признали поступок Никона несправедливым и противоканоническим. "Я думаю, - писал, например, Каллист, - что клятва эта суетна и не может вмениться в клятву, потому что из трех вин, ради которых она произнесена, ни одна к тому недостаточна. Действие ваия никем не узаконено из св. отцов, равно и не запрещено не только митрополитам, но и никому из священных лиц: где правило, дозволяющее это действие митрополиту Новгородскому и запрещающее Сарскому и Подонскому? Вторая вина - поставление Мефодия, епископа Мстиславского, - неблагословная вина: преосвящ. Питирим, будучи наместником патриаршим, поставил его на кафедру праздную и по единогласному избранию и совету всех архиереев Великой и Малой и Белой России, а если поставил без воли старейшего архиерея, святейшего Никона патриарха, то потому, что Никон оставил свой престол с клятвою на него не возвращаться и отставлен от него Собором, так что ныне он не есть старейшина архиереям и не есть патриарх Московский, а только архиерей беспрестольный и безобластный. Третья вина - досадительные и поносительные слова - если и подлежит суду, то суду судей, правильно установленных, и по тщательном изыскании, а епископ, по правилам, может быть судим не одним или двумя епископами, но только всем Собором епископов, и Никон не вправе был поставить вопреки правил одного себя судиею и мстителем в этом деле, желая воздать месть за свою досаду. Но если бы даже вины, взведенные на Питирима, были достойны клятвы, клятва, произнесенная на него Никоном, суетна и не может вмениться, потому что по оставлении им кафедры и по соборном отставлении его от кафедры он, Никон, не пастырь и не кормчий Русской Церкви, не может управлять и наказывать.

Отчуждился он от паствы российской, отчуждил от себя престол с премногою клятвою - чужды стали и они ему. Зачем же творить правление в чужой ему области; зачем хочет наказывать тех, которых пасти вознегодовал? Если ныне он у нас уже не пастырь, то мы не должны слушать гласа его. И если он возопил гласом клятвенным на преосвящ. Питирима, этот глас нам незнаем, мы не принимаем его, и он для нас нимало не вреден". Когда получены были отзывы архипастырей, равно осудивших анафему, произнесенную Никоном на митрополита Питирима, последний подал царю 13 октября 1662 г. челобитную на Никона за эту незаконную клятву.

В этом-то году, когда раздражение Никона против царя и духовенства достигло, казалось, последней степени, явился в Москве Газский митрополит Паисий Лигарид, которому суждено было принять важное участие в несчастном деле Никона. Паисий, в мире Панталион, Лигарид родился на острове Хиосе, воспитывался в Риме под руководством иезуитов в тамошней коллегии, основанной для греков. По окончании учения возвратился было на родину с мыслию о распространении римской веры, но вскоре переселился в Молдовлахию и сделался дидаскалом ясского училища. Здесь умел понравиться Иерусалимскому патриарху Паисию, поступил в его свиту и в 1650 г. принимал участие в известном "Прении о вере с греки" старца Арсения Суханова. По возвращении в Иерусалим патриарх Паисий постриг Лигаридия, или Гордия, 16 ноября 1651 г. в храме Воскресения Христова в монашество, назвав Паисием, и отдал его под начало находившемуся тогда в Иерусалиме старцу Арсению Суханову. Тот же патриарх не замедлил возвести своего соименника Лигарида в сан митрополита Газского, который, однако же, недолго оставался в своей разоренной епархии и в 1656 г. опять очутился в земле Волошской, где и познакомился с ним Антиохийский патриарх Макарий, возвращавшийся из Москвы. Из Валахии Паисий Лигарид написал письмо к соотечественнику своему Арсению Греку, служившему при патриархе Никоне, и выражал желание побывать в Москве и видеть Никона. Никон в 1-й день декабря 1656 г. отвечал Лигариду: "Слышахом о любомудрии твоём от монаха Арсения и яко желаеши видети нас, великаго государя, тем и мы тебе яко чадо наше, по духу возлюбленное, с любовию прияти хотим; точию, прием сия наша письма, к царствующему граду Москве путешествовати усердствуй". И в тот же день написал еще четыре письма: к воеводе молдавскому Стефану, к воеводе мутьянскому Константину и к митрополитам - Молдавскому Гедону и Угровлахийскому Стефану, чтобы они отпустили Паисия Лигарида в Москву с любовию и снабдили всем потребным на дорогу. Неизвестно, почему не состоялась тогда поездка к нам Лигарида; она состоялась только спустя более шести лет, когда Никон не был уже великим государем. В 12-й день февраля 1662 г. прибыл в Путивль, как извещали царя местные воеводы, "из Иерусалима газского Предтечева монастыря митрополит Паисий, а с ним архимандрит его Леонтий, успенский игумен Пахомий, архидиакон Неофит, Троицкого монастыря келаря Арсения (т. е. Суханова), что живет на Москве, племянник его греченин Юрья, да толмач Христофор, да митрополичьих спевак четыре человека". С митрополитом приехали также четверо русских пленных, из которых двух выкупил он сам в Яссах у татар, заплатив тысячу ефимков.

Паисий объявил, что идет бить челом о милостыне по царскому указу. Паисий со всею своею свитою был пропущен в Москву и 9 апреля представлялся государю, поднес ему модель Гроба Господня, иорданскую воду, иерусалимские свечи и получил от него жалованья: кубок серебряный, камку, 40 соболей и тридцать рублей деньгами. Вскоре Паисий подал челобитную, в которой говорил, что его небольшая епархия Газская терпит крайние притеснения от турок и что он, не желая более переносить эти насилия, договорился давать выкуп за своих христиан ежегодно по 500 ефимков с условием, чтобы турки не теснили тех христиан и не обращали их в свою веру, а его самого не выгоняли из епархии. Государь приказал выдать Паисию еще сто рублей деньгами да на 50 рублей соболями из Сибирского приказа. Услышал о приезде Лигарида и патриарх Никон и прислал к нему Арсения Грека с следующим приветствием: "Приезду митрополита Газского и брата своего по духу бывший патриарх Никон очень и очень радуется; он уповает, что тобою все придет к глубочайшему миру и рушится средостение, возникшее между царем и патриархом". Паисий принял с удовольствием эти приветственные слова и в вежливых выражениях отвечал патриаршему послу.

Спустя около двух месяцев со времени прибытия Паисия Лигарида в Москву он в самый день Пятидесятницы подал по делу Никона письмо на имя государя и убеждал его ревностнее заняться этим делом для блага Церкви и государства. "Патриаршее достоинство, - писал Паисий, - превышает все прочие, и потому все признают крайне непристойным, что такое высокое седалище в продолжение четырех лет остается обнаженным и без своего украшения. Дело неслыханное, чтобы патриаршая Церковь столь долгое время пребывала в затмении, подобно луне, и лишена была своего законного пастыря, как вдовица, не имеющая мужа. Позволительно рассуждать так: если Никон действительно обременен преступлениями, то определением Собора как недостойный да извержется, ибо за преступлением следует наказание; если же он окажется невинным и не подлежащим никакому осуждению, тогда пусть свободно возвратится на свою кафедру, совершенно оправданный, и таким образом положится конец замешательству. Россия сделалась позорищем для всего мира, и все народы ожидают видеть развязку этой трагикомедии. К тому же да обнаружится невинность и правда, ибо доселе еще носится ложный слух, будто патриарх Никон бежал по причине угрожавшей ему опасности тайного убийства и вследствие открывшегося тиранского заговора. Такая молва наносит великое бесчестие всему государству укоризною в отцеубийстве и обвиняет прежде всего Ваше царское величество, потом сенат и весь народ в таком смертном грехе, о котором и подумать страшно... Таким-то суждениям и клевете иностранцев подвергаешься ты, Алексей, человек Божий, из-за одного Никона, осыпанного твоими милостями и благодеяниями. Но я вижу уже, что мед превращен в соль и прекрасное вино в оцет беспримерною неблагодарностию. Остается как можно скорее снести с Цареградским патриархом и подробно уведомить его как Вселенского обо всем, чтобы он мог произнести правильное суждение в таком важном деле, от которого чрезвычайно страдает слава всего царства... Донесение же к патриарху должно быть написано на греческом языке, чтобы удобнее могло быть понято без помощи переводчика и тайны Вашего

величества не разгласились между многими разномыслящими". В конце письма Паисий сделал приписку: "Сад, запертый для алчущих, и источник, запечатанный для жаждущих, как бы не существуют. Говорю к тому, что давно уже известно о собрании Вашим величеством из разных библиотек многих превосходных книг. Посему нижайше прошу дозволить мне свободный вход для рассмотрения и чтения тех греческих и латинских кодексов".

Патриарху Никону кем-то была сообщена копия с этого письма Паисиева, и он отправил к Паисию длинную грамоту на славянском языке, которую перевел для него на латинский язык учитель Епифаний Славинецкий и которую мы представим по возможности в сокращении. "Нетайно для нас, - говорил патриарх, - что твое преосвященство написал к царскому величеству о нынешнем нужном деле. Но я лучше сообщу тебе ведомость, что и как происходило от начала. Милостию Св. Духа наше смирение посажено на патриаршем престоле согласно с постановлением, бывшим во дни благочестивого царя Федора Ивановича и утвержденным всеми четырьмя Вселенскими патриархами и иными преосвященными архиереями. Шесть лет сидели мы на патриаршем престоле Московском и были согласны во всем с милостивым царем нашим, кроме церковного суда. Царское величество вопреки правил св. Соборов и св. отцов приял себе власть судить нас самих и иных преосвященных, митрополитов, архиепископов, епископов, монастыри и весь чин церковный. Да на что лучшее свидетельство? Ты и сам видишь на Москве, как приближается тиранское разорение Церкви, как по царскому указу мирские люди судят нас самих и всех архиереев. В июле 1658 г., когда царь устроил пир для грузинского царевича, один из вельмож ударил нашего стряпчего, и царь не наказал виновного, несмотря на нашу просьбу; 8 июля царь не пришел против обычая ни ко всенощной, ни к обедне в Казанскую церковь, рассердившись на меня; 10 июля также не пришел в соборную церковь, а только прислал ко мне в келью одного князя с неприличными словами и с бесчестием. И мы, слыша похвалку, вздумали дать место гневу и, окончив литургию, послали ключаря с извещением государю, что мы отходим ради его несправедливой ярости, следуя евангельскому слову: когда будут вас обижать в том граде, бегите в другой, отрясая прах от ног ваших. Царь прислал в церковь вельможу с теми же позорными словами, как и прежде. И мы вышли, и пробыли здесь, в Воскресенском монастыре, год и два месяца, и терпели недостаток в харчах, и отошли в другой монастырь и в третий, который находится на море, и в том пристанище жили год. Тогда царь собрал власти и, ничего не сказав им, как произошло мое отшествие с престола, велел написать на меня некоторым из живущих в его палатах лживые свидетельства, а иных мучениями заставил говорить о мне, что я добровольно оставил престол свой; епископам, архимандритам, игуменам дал дары, чтобы, не спросив моего ответа, почему я отъехал, все подписали против меня свои руки вопреки правилам. По 16-му правилу Двукратного Собора, епископ, удалившийся из своей епархии и пребывающий вдали от нее более шести месяцев без благословной причины, должен быть чужд епископского достоинства. А мой отъезд не таков, но, кажется, учинен по Евангелию, где говорится, что и Сам Христос отходил от ярости жидовской, и Павел из Дамаска и Петр из темницы ушли. Но вот

епископы, которые обвинили меня по тому правилу, сами достойны извержения, потому что они больше шести месяцев прожили в Москве на Соборе против меня. Они не должны были слушать царя и приходить без нашего повеления, как и обещались в своей архиерейской присяге не слушаться в таких случаях царя, хотя бы и смертию претил, да мало не все они от меня поставлены. Мы в иные уезды и паствы не отходили по сие время (а Иверский и Крестный монастыри разве не в иных уездах?), но живем в наших московских паствах, хотя недавно великое гонение и жестокою угрозу объявил нам от царского величества окольников Родион Матвеевич Стрешнев, сказав, что царь не хочет больше терпеть. А мы пред царем не знаем никакой вины, кроме того, что пишем к нему на его неправды: он довел до убожества монастыри, разорил церкви и без нашего благословения отнимает у них поместья. Сам вижу, что на Москве без избрания архиерейского поставляются епископы, архимандриты, игумены по царскому указу, и, кого мы властью, нам данною, вяжем, тех царь велит развязывать и ходит с ними на молитву. Если я проклял Крутицкого митрополита и Симеона Стрешнева, думного мужа (значит, Никон тогда уже исполнил свою угрозу), то не без причины. Крутицкий в неделю ваий незаконно ездил на осляти, поставил только по царскому указу епископа в епархию Киевской митрополии, подвластной Цареградскому патриарху, и во время поставления сидел на патриаршем месте, правит тремя епархиями - патриаршескою, Суздальскою и своею Крутицкою, в которой со времени своего поставления ни разу не был, подсылал злого человека, чтобы отравить нас. Думный Стрешнев проклят за то, что некоторую собаку, подобную ему, научил благословлять обеими ногами. Трех иноков проклял (это было уже по оставлении Никоном кафедры) за то, что они наругаются над исповеданием православной веры, которое прислал нам Паисий, патриарх Цареградский, и в св. литургии поступают против того, что мы правили думою и благословением святейших патриархов. Ты пишешь о книгах, до царского величества собранных из многих стран, что они лежат запертыми без употребления, - эти книги собраны не царскою волею, а нашим радением и отвезены теперь в наши дальние монастыри. Будь здоров и не забывай нас в своих молитвах". Никон, очевидно, старался изложить и даже извратить события в свою пользу.

Паисий, как сам говорит, "не без царского приказанья" отвечал Никону (от 12 июля): "Растерзал ты сердце мое твоим апологическим посланием, достоуважаемый патриарше! Оно содержит в себе изящно изложенную драму твоих славных подвигов и страданий, за которые воздаст тебе Господь мзду достойную в день воздаяния. Но, стоя промеж двух сражающихся, не знаю, куда мне обратиться: никто не может служить двум господам. Скажу без лести: Алексей и Никон, самодержец и патриарх, один ежедневно милует, другой и молится и благословляет... Бог дозволил человеку в раю дать имена всем тварям, но не дозволил ему дать имя самому себе, потому что он наименовал бы себя не Адамом перстным, а Всевышним. Поистине корень всех зол - самолюбие. С тех пор как твое блаженство принял титул великого государя, возросли из земли и плевелы... Нехорошо многовластие: да будет один властитель - один царь. Справедливо жалуешься на побиение твоего слуги, но, блаженнейший, как не всякий слуга царский представляет царя, так и не всякий

патриарший слуга представляет собою патриарха... О, если бы не было твоего бегства, причинившего столько несогласия. Ты ушел без приветов, полный гнева и волнения... Будь сам себе судьей и скажи, был ли кто патриархом, оставаясь вне патриархии столько времени? Возведи окрест очи твои и воззри на чад своих, нуждающихся в патриаршем водительстве. Доколе оставляешь в забвении паству свою? Доколе будешь гневаться?.. Послушай слов моих и соединишься с своими членами: ни Церкви, ни царству, ни тебе нет пользы, что ты остаешься вдали от кафедры вопреки правил... Четыре патриарха ожидают узреть конец сей распри: Москва, столица, сделалась позорищем для ангелов и человеков. Но ты говоришь, что против тебя был местный Собор, который положил несправедливое отрешение? А разве Афанасий и Златоуст не были оклеветаны?.. Жалуешься на Крутицкого, что ехал он на жребяти, когда это тебе одному позволено, но я слышу, что и Новгородский, и Казанский, и Сибирский архиереи в праздник ваий восседают на жребяти. А в твое отсутствие надлежало и в Москве совершить это Крутицкому, который общим и царским приговором назначен твоим наместником - епитропом... Но перехожу к главнейшей из твоих жалоб: царь, говоришь, ведаёт церковные дела, избирает архимандритов, устроил Монастырский приказ, берет с монастырей сколько ему угодно. Да ведь все это и другое подобное ты найдешь и в Св. Писании как права и обычные действия царей... Царю свойственно судить других, но не быть судимым другими. Не таков архиерей: он и судит и судим бывает, свидетельствует и на него свидетельствуют... Никто да не называет царя нашего, эту опору народную, унаследовавшего преемственно от предков свою власть с явственными правами, тираном: этот в высшей степени христианский государь милует всех щедро и, подобно Титу, прозванному любовью, раздает благодеяния... Ты можешь похвалиться, Никон почтеннейший, что он часто посещал твою келью; он предстоял тебе с таким смирением и почетом, что бояре соблазнялись не раз об унижении царского достоинства... Вспомни все его милости, патриарх, как из архимандритов возвел он тебя в митрополиты и на этот завидный патриарший престол... Тебе недоставало только одного - называться царем отцом. Возведи, блаженнейший, молитвенные руки твои к Господу, и молись о самодержце нашем и о всем народе, и из-за мелочных поводов не прибегай к отлучениям и проклятиям... Прости нам, если мы в чем-либо погрешили: всем известно, что ты филэллин и одеянием, и обычаем, и почетом... Будь здоров и долгоденствен".

Прочитав послание Паисия, Никон не отвечал ему ни слова, а сказал: "Отдаюсь на суд папы", - сказал не потому, будто бы был единомыслен с папою, а потому только, что знал правила Сардикийского Собора (3, 4 и 5), которыми дозволялось обвиняемым епископам, в случае недовольства их решением местного Собора, обращаться с апелляцией к папе, хотя эти правила относились собственно к епископам Сардикийской церковной области, находившейся в подчинении папе, но вовсе не относились к епископам других церковных областей, подчиненных иным патриархам. Слова Никона произвели, однако же, большую тревогу в Москве, тем более что он прислал Паисию самую выписку из правил о папском суде. Спустя несколько дней Паисий позван был в патриаршую палату на Собор для разбора заявления Никонова об апелляции к папе и для исследования, когда русские сделались христианами и откуда

пришла к ним святая вера. Русские без сомнения знали из своих летописей, что они приняли веру с Востока, а не с Запада. Но Паисий начал решать вопрос на основании греческих летописей, привел свидетельства из Курополата, Кедрина, Зонары, Никифора Каллиста о самых первых крещениях русских из Византии и свидетельства Матфея Властаря, что Русь от начала причислялась к фракийскому диоцезу Византийского патриархата и постоянно находилась под властью Цареградского патриарха. Отсюда для всех сделалось очевидным, что Никон не имеет ни малейшего права обращаться к суду папы. С этого времени молва о Паисии Лигариде как ученом человеке разнеслась по всему царскому дворцу, и Паисий очень часто был приглашаем членами царского синклита для совещаний по делу Никона. Один из этих знатных бояр, приходившийся дядею царю по матери, Семен Лукьянович Стрешнев, проклятый Никонов, предложил Паисию на бумаге до 30 вопросов, касавшихся Никона, с тем чтобы Паисий дал на них ответы самому великому государю царю чрез него - боярина Стрешнева. И Паисий 15 августа, следовательно, спустя только месяц с небольшим после своей переписки с Никоном, прислал Стрешневу письмо и вместе свои ответы. В письме Паисий говорил, призывая Бога во свидетеля, что не хотел бы начинать этого дела, которое неизбежно поведет его к столкновению и неприязни с патриархом Никоном, но по самому своему призванию чувствует себя обязанным возвещать истину, и выражал сожаление, что не знает русского языка, а должен довольствоваться плохими переводчиками. Царский толмач Стефан перевел ответы Паисиевы на славянский язык (перевод очень плох и темен); многие охотно их списывали, и, наконец, ответы попали в руки Никона. Никон поспешил написать на них целую огромную книгу под заглавием: "Возражение, или Разорение, смиреннаго Никона, Божию милостию патриарха, против вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу, и на ответы Паисиевы". Проследим содержание этой книги, из которой познакоимся вместе с вопросами Стрешнева и ответами Паисия, и таким образом узнаем, в чем обвиняли тогда Никона и как он оправдывался. (Книга содержит в себе по списку Воскресенского Новоиерусалимского монастыря XVII в. 955 листов в 4-ку).

"В предисловии Вашем, - так начинает Никон предисловие своей книги, - написано: *Рече Господь наш: Аз семь путь, истина и живот*. Зачем же, начав от истины. Вы написали все неистинно, как будет доказано впереди, и Вы узнаете, что *Вы отца вашего диавола есте, который в истине не стоит, яко ложь есть и отец лжи*". После того, обращаясь к Стрешневу, Никон замечает, что он не должен был лжесвидетельствовать и осуждать ближнего, но позаботился бы прежде исправить свои согрешения, и приводит на то целый ряд текстов из Евангелия. А обращаясь к Паисию, говорит, что он действительно призван, как сам выразился в письме к Стрешневу, возвещать и проповедовать истину, но призван учить и проповедовать только в своей епархии, а отнюдь не в чужих, и в доказательство приводит множество правил из Кормчей вместе с толкованиями на них, иные даже в двойном переводе, также отрывки из толкового Евангелия, из недельных церковных поучений, хотя, по правде сказать, все это строго не относилось к Паисию, так как он, когда писал ответы на вопросы Стрешнева, вовсе не учил вере и не проповедовал в чужой епархии.

"Да если бы, - продолжает Никон к Паисию, - я и был виновен в каких-либо прегрешениях, то не тебе одному творить суд или ответ о мне, потому что сам ты ничего от меня не видел и не слышал... ты поверил вопреки правил клевете одного непристойного мужа, хотя и синклитика, притом человека проклятого", - и приводит новый ряд правил, указывающих, что не должно принимать свидетельства на епископа от еретиков, людей отлученных и порочных и вообще от мирян без расследования (л. 1 - 17).

По первому вопросу Стрешнева и ответу Паисия Никон обвинялся в том, что при возведении его на патриаршество он в другой раз был рукоположен во епископа, а потому на основании 68-го апостольского правила должен быть извержен. Никон отвечал: я не своею волею взошел на патриарший престол, но по избранию Собора и царя, и не мне надлежало тогда делать разыскание, следует ли меня вновь рукоположить, а рукополагавшим. Впрочем, таков устав имеет св. соборная Церковь, много раз засвидетельствованный Вселенскими патриархами. Не я один рукоположен дважды, а и прежде все наши епископы вновь рукополагались при возведении их на митрополию или на патриаршескую кафедру. Патриарх Иов рукоположен был трижды: сперва на Коломенскую епископию, потом на митрополию, наконец, на патриаршество, и в последний раз рукоположен святейшим Иеремию, Вселенским патриархом. Гермоген - дважды: на Казанскую митрополию и на патриаршество. Филарет - дважды: на Ростовскую митрополию и на патриаршество, и в последний раз рукоположен Иерусалимским патриархом Феофаном. Иоасаф и Иосиф - так же по дважды, как потом и я. Если меня хотите извергнуть, то извергните прежде Вселенского патриарха Иеремию, придавшего нам таой устав, и прочих патриархов, подписавших тот устав; извергните также патриарха Иерусалимского Феофана, а с ними извергните и всех рукоположенных от них как изверженных (л. 17 - 23). По второму вопросу и ответу обвиняли Никона в том, что он запретил исповедовать и причащать разбойников, осуждаемых на смерть. Никон, резко упрекнув Стрешнева за то "проклятое бесчинство", что он приучил своего пса благословлять передними ногами, а также за то, что вздумал вопрошать "суемудренного незаконного пришельца", отвечал: я разослал по всем городам грамоты, чтобы разбойники покались, прежде нежели будут пойманы и взяты, а о том, чтобы пойманных на разбое исповедовать и причащать, я нигде не нашел правила. Господь сказал: *Ядый Мою плоть и пий Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем*. Кто же осмелится удостоить человека причастия и потом казнить? К этому Никон присоединил несколько правил, которыми убийцам запрещалось причастие на двадцать лет и повелевалось преподавать причастие с рассуждением только достойным. Здесь Никон, очевидно, не нашел возможности оправдать себя (л. 23 - 26).

По третьему вопросу и ответу обвиняли Никона в том, что он во время священнослужений украшался богатыми облачениями, смотрелся в зеркало, расчесывался щеткой. Никон отвечал: украшаться иереям для богослужения установлено от Бога еще в Ветхом Завете, а зеркала и щетки устроены в церкви до нас прежде бывшими патриархами, Иовом и другими, мы только не разоряем, да и все то же творят, что тут незаконного? Если по 16-му правилу

Седьмого Вселенского Собора епископы и клирики, украшающие себя пышными одеждами, должны исправиться, то нам всем следует начать это исправление (л. 26 - 28).

На четвертое обвинение Стрешнева и Паисия против Никона, что он и по отречении от кафедры рукополагает священников и дьяконов, Никон дал странный и уклончивый ответ и именно сказал: кто свидетельствует на меня, будто бы мне не должно рукополагать, пусть прочтет 36-е правило Шестого Вселенского Собора, и привел самое правило и толкование на него. А в правиле написано: "Определяем, да имеет престол Константинопольский равные преимущества с престолом древнего Рима, будучи вторым по нем, после же оно да числится престол великого града Александрии, потом престол Антиохийский, а за сим престол града Иерусалима" - и только (л. 28).

По пятому вопросу и ответу обвиняли Никона в том, что он сам отрекся от своей кафедры, и хотя это отречение было не письменное, а словесное, но оно произнесено было всенародно в Церкви, потому имеет полную силу, сам сложил с себя пред всею Церковию святительские ризы. Никон сначала укоряет обоих своих противников: Стрешнева за то, что он лично не был свидетелем события, о котором свидетельствует, а Паисия за то, что он, "лицемер и зломысленный", поверил клеветнику, да притом проклятому, которому законы запрещают верить, и в ответе своем прибавил еще от себя такое, о чем не было в вопросе. Потом рассказывает, что дело происходило так: царь при избрании нас на патриаршество дал клятвенное обещание пред Богом и всеми святыми хранить непреложно заповеди Евангелия, святых апостолов и святых отцов, и, пока он пребывал в своем обещании, повинуюсь святой Церкви, мы терпели. А когда царь изменил своему обещанию и на нас положил гнев несправедно, мы 10 июля, совершив во святой великой церкви Божественную литургию и засвидетельствовав пред Богом и всеми святыми о напрасном государевом гневе, вышли по заповеди евангельской из града Москвы, отрясли прах от ног наших и тогда же письменно известили царя, что уходим ради его несправедного гнева и что он даст за все ответ пред Богом. Кто ж укорит меня, что я поступил вопреки воле Божией, а не по правде, и какое тут отречение? А если мы по окончании обедни свергли с себя патриаршеские ризы, то у нас такой обычай: по совершении литургии все совлачаются от священных риз. А у вас, незаконный толковник, разве не совлачаются? Желая оправдать себя в том, что засвидетельствовал пред Богом и всеми святыми о несправедном гневе государевом и потом удалился из Москвы, Никон привел множество примеров, как ветхозаветные пророки и другие праведники свидетельствовались по разным случаям или Богом, или небом и землею, а еще более примеров, как Сам Христос, апостолы и святые уклонялись и убегали от угрожавших им бедствий (л. 28 об. - 38 об.). Тут Никон изменил истине: ложно истолковал совлечение им с себя патриарших риз и совершенно отверг то, что сказал в церкви пред народом: "Не буду более вашим патриархом".

Шестой вопрос и ответ не относились прямо к обвинению Никона. Вопрос был, согрешили ли архиереи, что не возбранили Никону такого злого

дела. Ответ: если их спрашивали и они не возбранили, то согрешили; а если не спрашивали, то не согрешили: виновен один Никон, причем Паисий привел слова Климента о Боге: "Никто не обретается здесь без Его света, но все принимают Его светлости, всяк богатеет Его милостию". Никон отвечал: "Не должно судить о том, что нам неизвестно" - и привел несколько текстов из Евангелия. А затем напал на Паисия: "Не нашел ты, что сказать от св. догматов, а как сам явился изверженным, противореча правым уставам св. апостол и св. отец, так и ответы творишь отверженными законами, написанными Климентом. Шестой Вселенский Собор отверг поврежденные апостольские заповеди, преданные Климентом: как же осмелился ты развращать законы Шестого Вселенского Собора и вводить зловерные, если бы ты не был, окаянный, и сам зловерен?" Никон привязался к одному имени Климента, а в словах его, приведенных Паисием, нет никакого зловерия, никакого закона (л. 38 об. - 40).

На седьмой вопрос Стрешнева: "Не добро ли было бы созвать Собор по делу патриарха, чтобы не случилось какого соблазна или замешательства в царстве?" - Паисий отвечал ссылкой на 37-е правило апостольское: "Дважды в году да бывает Собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия, и да разрешают случающиеся церковные прекословия". Никон сказал: да не одно 37-е правило апостольское, есть много и других правил о созывании Соборов, и действительно привел целый ряд таких правил, с толкованиями на них. Но ни одно из этих правил, - продолжал Никон, - не предоставляет епископам судить своего патриарха, кроме тех случаев, если он станет вводить что-либо новое на развращение Церкви, как вводишь ты, ответотворче, новые законы из отреченных книг, за что по правилам и должен быть извержен, подобно Максиму Кинику. Напротив, есть правила, что и митрополита своего не могут судить епископы, а может судить его только патриарх Цареградский; эти правила с толкованиями затем и приведены (л. 41 - 52).

На осмой вопрос, может ли сам царь созвать Собор без повеления патриаршего, был ответ: может по примеру древних благочестивых царей. *Никон*: нигде нет такого правила, в правилах говорится только: собираются Соборы, а не собирает царь или кто другой. Древние благочестивые цари собирали Соборы, но только "умолением, а не повелением и не принуждением" (л. 52).

В ответе на девятый вопрос Паисий написал: так как Никон вменил ни во что Собор, бывший на него в Москве, и назвал иудейским сонмищем, то за такое неуважение к Собору должен быть проклят как еретик, ибо Григорий Двоеслов почитал четыре Вселенские Собора наравне с четырьмя Евангелиями. *Никон*: собор, созванный не по св. правилам, не есть Собор. Были Соборы по приказанию царскому на Иоанна Златоуста, на митрополита Филиппа, но то не Соборы, а сонмища (за сим приводится много текстов, кого Господь признает Своими). Я не Вселенский Собор назвал сонмищем, но Собор тех, которых собрал царь и задарил, чтобы они говорили все, что он хотел, на отмщение мне, как и самое соборное деяние их являет: все оно полно лжи и нет

в нем ни одной истины. Соборы не должны собираться без воли митрополита или патриарха (следуют правила), а вот был по воле царя Собор Флорентийский, и незаконное деяние его отвержено. Послушай деяния Собора, бывшего при царе Федоре Ивановиче, об учреждении патриаршества в России (приводится все деяние этого Собора, а потом и деяние Собора Константинопольского, утвердившего патриаршество в России, еще прежде напечатанные в предисловии к славянской Кормчей). Видишь ли, раскольник св. Церкви и попутель св. канонов, как благочестивый царь все по правилам совещался с епископами, обращался к патриархам, как сами патриархи во всем свидетельствовались св. правилами, а не так, как ты, новый раскольник и, скажу, еретик, свидетельствуешься "отверженными Климентовыми правилами и прочими Езоповыми, и воронами, и иными ложными шпынскими проклятыми книгами"; ты и сам, как ворона, обходишь сушу и море, творишь расколы как в Мутьянской земле, так и здесь. Затем Никон привел ряд правил, что патриарх, как и всякий архиерей, есть глава своей Церкви, что епископы не могут судить своего митрополита и патриарха, что на архиереев не должно клеветать и что архиерей не должен учить в чужой епархии, как учит Паисий (л. 52 - 79).

На десятый вопрос, можно ли членам тела судить свою главу и епископам своего патриарха, Паисий отвечал: можно, потому что как все апостолы, так и преемники их епископы получили от Господа власть вязать и решить. *Никон - Паисию*: откуда ты приял посягать на то, что тебе не принадлежит; где нашел заповедь Божию, чтобы судить меня? Не слышал ли о не имущем брачной одежды, как он ввергнут был во тьму кромешную, где плач и скрежет зубов, - что да сотворит и тебе Господь по делам твоим за напрасное преобидение нас?.. Человеку можно жить без руки, без ноги, но без головы невозможно, потому не могут члены тела отсечь свою главу и остаться живыми и действующими. По 9-му правилу Четвертого Вселенского Собора: "Аще на митрополита области епископ или клирик имеет неудовольствие, да обращается или к экзарху великия области, или к престолу царствующаго Константинополя и пред ним да судится (л. 79).

По одиннадцатому вопросу и ответу Никона обвиняли в том, что он никогда не называл архиереев братиею своею, но считал их гораздо низшими себя, потому что они были от него освящены. *Никон*: неправда, будто я не называл архиереев братиею. Я когда совершал литургию, то говорил к ним по перенесении Даров, как положено в Служебнике: "Помяните мя, братия и сослужителие". И если я в нужнейших вещах совещался с ними, то как сказать, что считал их низжайшими себя? То правда, что они нами освящены, но ныне они уже не имеют освящения в себе, потому что нарушили 15-е правило Двукратного Собора, которое гласит: "Аще епископ или митрополит дерзнет отступить от общения с своим патриархом и не будет возносить имя его, но прежде соборного осуждения его учинит раскол, да лишится священства" (да не сам ли здесь патриарх отступил от своих епископов и митрополитов, оставил их и всю свою Церковь, отказавшись от управления ею?). Далее говорится о преимуществах патриархов и отличии их от епископов, приводятся правила с толкованиями и пр. (л. 79 - 84).

На двенадцатый вопрос, согрешил ли Никон, когда назвал себя великим государем потому только, что так назвал его царь, желая его паче обычая почтить, Паисий отвечал: "Истинно согрешил". *Никон*: да в чем же согрешил, когда ты сам говоришь, что так назвал его сам государь? А я скажу тебе даже, где и когда назвал. Когда государь из-под Смоленска пришел в Вязьму и мы с его царицею и всем семейством пришли туда же, то он "со многим молением говорил нам, чтобы писаться великим государем, а нашего изволения на то не было". Теперь же он порицает нас за то, что мы начали так писаться: Господь Бог рассудит в день Судный. Тут Никон допустил совершенную неправду: из-под Смоленска в Вязьму царь пришел уже под конец 1654 г., а Никон еще в 53 и в течение всего 54 г. величался великим государем и в своих грамотах, и даже печатных книгах, которые издавались с его благословения. Затем Никон продолжал: "Скажите мне, в чем разность между словами: государь и господин. Епископы все пишутся великими господами, а бояре и все люди - государями. И почему ныне все кого хотят, того и называют государем, даже меньших себя?" (л. 84 - 85).

По тринадцатому вопросу и ответу обвиняли Никона в том, что он назвал свой Воскресенский монастырь Новым Иерусалимом, причем Паисий выражался, что Никон начинает новое письмо, которого ждут евреи, что из его Нового Иерусалима произойдет антихрист, что Иерусалимов только два, земной и небесный, и непростительно выдумывать еще третий. *Никон*: новым Иерусалимом назвал Воскресенский монастырь сам царь, когда приходил сюда на освящение церкви со всем своим синклитом, и царская грамота о том сохраняется доселе. А что ты говоришь, будто я начинаю новое письмо, то я по св. канонам проклинаяю и тебя, начинающего вопреки правил издавать новые законы на соблазн людям. Не погрешил бы тот, кто обвязал бы вокруг шеи твоей жерновый камень и потопил бы тебя в море. Если ты не знаешь, где подобает родиться отцу твоему антихристу, мы покажем тебе то место от св. книг. И приводятся все места об антихристе и о последних временах из Евангелия и апостольских писаний, потом из ветхозаветных книг и отрывки из Ипполита, из Ефрема Сирина и др. Потом Никон старается разьяснить, что не грешно называть по образцу древнего Иерусалима Новый Иерусалим, как же грешат те, которые по образцу Животворящего Креста, на котором распят Господь, устрояют другие кресты; по образцу Воскресенского храма в Иерусалиме созидают и в других местах храмы во имя Воскресения Христова, с оригинальных Евангелий списывают копии и пр. (л. 85 об. - 100).

Четырнадцатый вопрос был, не говорит ли святой Герман, патриарх Цареградский, что жертвенник образует собою Вифлеем, а престол - Гроб Господень. Никон отвечал, что такие названия действительно приличествуют жертвеннику и престолу, и кратко объяснил, почему приличествуют. А потом снова обратился к тому же предмету, которым занимался в тринадцатом своем возражении, и стал опровергать сказанное Паисием, будто бы название Воскресенского монастыря Новым Иерусалимом означает, что древний Иерусалим уже не существует, престол апостола Иакова, брата Господня, престал, и Христос сказал неправду о Своей Церкви: *Врата адава не одолеют*

ей. Никон доказывал, что это название вовсе не имеет такого смысла, что Новый Иерусалим назван по образцу древнего, который продолжает существовать, хотя и под властью мусульман, что Церковь Христова не привязана к месту, и хотя рассеяна по разным странам, но есть едина, и что врата ада никогда ее не одолеют, - в подтверждение приведено множество текстов из Священного Писания, особенно из Апокалипсиса и толкований св. отцов (л. 100 - 116).

В пятнадцатом вопросе и ответе говорилось, что Никон разорил Коломенскую епископию для своего Воскресенского монастыря. *Никон*: вместо одной епархии открыть другую не значит разорение, но строение. Коломенская епархия близко прилежит к патриаршей области, а Вятская земля отстоит от нее более полуторы тысячи верст, и там множество людей и немало еще остатков язычества. Ради того по совету с царем и перенесена туда епархия из Коломны, а не ради Воскресенского монастыря, который тогда еще и не зачинался. Сколько давала доходов Коломенская епархия, столько и выделяется из патриаршей епархии (для Вятской). Также сколько было крестьянских дворов в Коломенской епископии, столько по указу государеву и там дано, а дворы Коломенской епископии взяты на государя, а после государь пожаловал их в Воскресенский монастырь, когда был здесь на освящении церкви, а не я взял или разорил. Если Коломенский епископ в указанную епархию нейдет вопреки правил и незаконно скитается, то его правила извергают: ему бы хотелось в митрополиты или в патриархи. Приводятся правила с толкованиями как об открытии новых епархий, так и о виновности епископов, не желающих идти в назначенные им епархии (л. 116 - 120).

В шестнадцатом вопросе и ответе говорилось, что архиереям неприлично строить города или обозы, а Никон строит себе город и обоз, полюбил жить в местах пустых и безлюдных и наполнил те места наймитами и боярскими подданными, что он имеет там даже больше поместьев и доходов, нежели на Москве патриархия. *Никон*: обоза я не строю, и если оградил себя оградой по обычаю иных монастырей, то никакой надежды на нее не полагаю, а огражден Божественною благодатию. Место это отнюдь не пусто, но весьма многолюдно, и не наймиты в нем живут и не люди боярские, но рабы Бога Вышнего. Нет здесь ни города, ни обоза, а только церкви и монастырь, который основан законно и по правилам (которые и приводятся вместе с толкованиями). Затем Никон резко укоряет Паисия, что он говорит ложь, руководствуется ложными книгами на соблазн людям и, оставя свое гнездо, скитается и учит в чужой епархии (л. 120 - 127).

В семнадцатом вопросе и ответе говорилось: неверно утверждает Никон, что он "не обретается вне от своего престола и епархии", проживая в Воскресенском монастыре, и удалился туда по благословным причинам. Московский патриарх должен жить в Москве, как Цареградский живет в Царьграде, Иерусалимский - в Иерусалиме. Если бы Москву постигло воинское разорение или другие бедствия, тогда можно было из нее перенести престол в другое место, как перенесены престолы из Антиохии и Александрии. Но Москва благодатию Божиею живет и царствует, и Никон тем виновнее, что удалился из

Москвы без особенного ведома царя и без совета всех архиереев и всего Собора, да и после удаления мог бы подробно изъяснить все царю чрез писание, мог бы созвать Собор, чтобы очиститься, оправдаться. Но ничего этого не сделал, а все делает только по страсти самолюбия и проклятой гордости. *Никон к Паисию*: неправда, и Восточные патриархи исходят от своих престолов, шествуют по странам, некоторые приходили даже к нам, как и многие митрополиты и епископы с Востока, и не переставали, однако ж, называться по именам своих епархий. Да и ты здесь, в чужой епархии, пишешься Газским митрополитом, хотя столько времени скитаешься вдали от Газы, ползая, как змей по земле, и извергая свои смертоносные слова для уязвления простых людей; даже бывал ли ты в Газе и есть ли там престол архиерейский? В Москве, правда, не было воинского разорения или подобного бедствия почему бы я мог удалиться из нее, но не больше ли войны гнев царский? Не видишь ли, до чего царь гневается на меня? Он верит всякой лжи против меня и по всей России сыскивает о делах наших; он вопреки правил своим повелением, ничего не сказавши нам, созвал Собор, который справедливо назвать не только сонмищем иудейским, но и бесовским, потому что он делал только то, чего хотел и что приказывал царь. Из Москвы я отошел не без ведома царева: царь знал, что гневается на меня без правды. И от него приходили ко мне князь Юрий Иванович Ромодановский да Афанасий Иванович Матюшкин, и я им говорил, что иду из Москвы от немилосердия государя, пусть ему будет просторнее без меня, а то, гневаясь на меня, он не ходит в церковь, не исполняет своих обещаний, данных при нашем избрании на патриаршество, отнял себе суд церковный, велел судить нас самих и всех архиереев и духовный чин приказным людям. О всем этом я по совершении литургии в соборной церкви засвидетельствовал пред Богом и святыми, пред архиереями и всем Собором, а "царь принудил их сказать то мое свидетельство отречением и многими пытками страдал, а всем архиереям свое государево жалованье давал для того, чтобы на меня подписались". И после отъезду из Москвы много было писано нами к государю от Божественного Писания о его царских делах, но он не слушает, а еще больше гневается. Созывать же Собор, чтоб пред ним очиститься и оправдаться, было нам неприлично и противно правилам: своего патриарха архиереи судить не могут. Говоришь о моем самолюбии и гордости, да какое тут самолюбие - терпеть все зло ради заповеди Божией? В чем наша гордость, когда мы исполняем на деле сказанное: *Удалися от зла и сотвори благо?* Ты проклинаешь гордость, но какую? Не ту ли, которою сам гордишься, величаясь митрополитом, когда по многим канонам недостойн даже священства, не только архиерейства? Но эту гордость и мы по св. канонам проклинаем трижды: да будешь проклят, да будешь проклят, да будешь проклят". При раскрытии этого возражения Никоном приведено много текстов Священного Писания, церковных правил с толкованиями и значительный отрывок из деяния Московского Собора 1660 г. (л. 126 об. - 142).

В ответе на восемнадцатый вопрос говорилось: следовало бы Никону, когда опасение его миновалось, возвратиться в Москву на кафедру: он пастырь, епископ, ему вверено множество душ, и он отдаст за них ответ Богу. Никон в защиту себя указывал на продолжающуюся злобу царя, привел множество

текстов Священного Писания, что нужно удаляться от всего злого, что христиане должны отличаться взаимною любовью, а между тем они постоянно ненавидят друг друга, и снова резко напал на Паисия Лигарида: "Ты меня не знаешь, не видел меня, и ничего от меня не слышал, и по клевете одного неверного человека пишешь ответы против меня. Ты явился чуждым Божественной благодати, потому что вопреки правил много лет проживаешь в чужой епархии и один, митрополит, дерзаешь судить и осуждать патриарха, возносясь гордостью, как сатана и антихрист" (л. 142 - 150).

В ответе на девятнадцатый вопрос Паисий писал: Никону следовало, когда он отходил, оставить вместо себя до своего возвращения наместника и приказать ему управлять Церковью, а то пришлось самому государю поручить это дело Крутицкому митрополиту. В опровержение этого Никону стоило только сказать правду, именно сказать, что он сам приказал на время митрополиту Крутицкому править делами Церкви, в чем и сознается в своем послании к Цареградскому патриарху Дионисию. Но Никон не сказал правды, а отвечал: "Нам, от злобы царския отходящим, аще бы и приказать, не послушал бы никто". Потом напал на Паисия, что он ничем не лучше язычника, потому что не молится и не постится, как поведали находящиеся при нем и заметили в Сергиевой лавре, когда он посетил ее. Напал на государя, что он приказал Крутицкому править делами, и привел ряд текстов из Библии и правил, что мирские власти не должны вмешиваться в церковные дела, не должны избирать и ставить архиереев; привел ряд изречений и примеров из Библии, как страшен гнев царский и как убегали от него пророки и другие святые мужи. Затем, обращаясь к себе, продолжал: "Царь говорит, что не гнал нас с престола, но мы тогда же засвидетельствовали пред Богом и всеми святыми о неправдах царя и его напрасном на нас гневе, да и теперь он не перестает гнать нас. Ему кажется легко, что дал волю всякому неправеднику злословить нас, как хочет и умеет, а нам от тех злодеев смерть приходит. Какого еще гонения, когда всех архиереев и других духовных созвал на нас, сказки готовые прислал на Собор и одних милостию и жалованьем, других страхом - всех принудил по своему хотению? А потом кто о чем ни бьет на меня челом, все с выговорами присылает государь, как к осужденному, своих думных, и которые боголюбцы посещали нас в нашей бедности или скорбели о нас, тех или в заточение сослал, или обложил лютыми прещениями... Или что лютее сего? Государь разослал по всему государству грамоты во все монастыри, чтобы ему подробно описали, сколько я будто бы взял, когда был на патриаршестве, из каждого монастыря казны, хлеба, лошадей, вотчин на промен в цену и без цены, также сосудов серебряных и золотых и иного чего, в каком году и месяце, а о себе не изволил государь подумать, сколько позабрал у великой церкви Успенской Пресв. Богородицы вотчин, людей, хлеба, рыбы, денег, лошадей и других потреб, также сколько позабрал от прочих церквей и монастырей, тогда как церкви и монастыри вовсе не повинны давать ему какие-либо дани" . Следует выписка правил в подтверждение последней мысли и отрывок из книги Никона Черногорца (л. 150 - 175).

На двадцатый вопрос, грешит ли государь, что оставляет Церковь вдовствующею, Паисий отвечал: "Если он делает это для достойных причин, нам неизвестных, то не имеет смертного греха, однако несвободен от меньшего греха, потому что многие соблазняются и думают, что дело то зависит от его лености и нерадения. А .самое главное радение царя - радение о Церкви, потому что никогда не укрепляются дела царские, пока не укрепятся дела матери его Церкви". *Никон*: "Радение о Церкви, управление делами Церкви не принадлежит царю. В числе чинов Церкви, которые дал ей Бог (1 Кор. 12. 28 - 30), нет царя. Всякому своя мера, и кто вступается не в свое дело, того ожидает тяжелое наказание (приводятся тексты Священного Писания). Хочешь ли видеть различие между царскою и иерейскою властью, размышляй: "Честен престол царский, украшен камнями, обложен золотом, но царю дано устроить только то, что на земле, большей власти он не имеет. А престол священства на небеси: что связывает священник на земле, то связывается на небеси. Он стоит между Богом и людьми и от Бога низводит нам милости, а от нас возносит к Богу молитвы и примиряет нас с Богом. Потому и цари помазуются священническою рукою, а не священники царскою и благословляют самую главу царскую, но меньший от большего благословляется... Глава Церкви - Христос, а царь не есть и не может быть главою Церкви, но только один из ее членов, потому и не может действовать в Церкви... Священство гораздо больше царства. Живительно, как человеколюбие Божие терпит то, что ныне не только сам царь приял на себя сан святительства, но и все находящиеся в его власти то же творят". Затем приводятся примеры, чему подвергались цари и другие мирские люди, посягавшие на что-либо церковное (л. 175 об. - 192 об.).

В ответе на 21-й вопрос Паисий писал: архиереи и бояре, которые не бьют челом царю, чтоб учинил в том деле совершенное исправление, весьма согрешают, потому что не показывают ревности об общем благе и оставляют Церковь в смирении, когда могли бы отвести от нее такой позор. Никон сам отрекся от своей духовной жены - Церкви, и через то умер для нее, и уже четыре года вовсе не печется о ней. Церковь вправе избрать и иметь у себя другого мужа. Никон возражает: архиереи действительно согрешают, но только в том, что действуют вопреки своей архиерейской присяге, данной при поставлении. Затем приводит самую присягу, рассматривает ее по частям и говорит: архиереи во всем солгали пред Богом и Церковию, обещались соблюдать правила святых апостолов и святых отцов и ничего не соблюдают, дерзают вопреки правил судить своего патриарха; обещались во всем повиноваться ему и не повинуются, не делают ничего по принуждению от царей, от бояр и князей и делают, за что и подлежат все извержению (приводятся правила). В опровержение же того, что он отрекся от своей Церкви, умер для нее, четыре года оставляет ее во вдовстве, Никон старается доказать, что не отрекался от своей Церкви, не оставлял ее и что, хотя бы и оставил, нет правила расторгать брак через четыре года, а он должен оставаться неразрывным на всю жизнь, для чего и выписывает множество правил с толкованиями о нерасторжимости брака. При этом Никон нападает на Паисия, жалуется на царя: "Ты называешь меня умершим для Церкви... Мертв тот человек, который, оставя свою епархию без вины и переходя с места на место, творит смуты в городах, как ты смутил мутьян и

изгнал их государя и, пришедши сюда, также творишь многие смущения и соблазны. Такому человеку, хотя он и жив, надлежало бы, по Евангелию, привязать к себе жерновый камень и утопиться в море... Царь сказал о нас, как передают слышавшие: если бы я не боялся Бога, то сделал бы патриарху то, чего он не ведает... А Родион Стрешнев и Иосиф Сукин, когда я сказал пред ними: "Мало христианства в царе", грозили в моей келье убить меня, говоря: "Если станешь произносить такие слова, я не потерплю более" (л. 192 об. - 219).

В 22-м вопросе Стрешнев, проклятый Никоном, спрашивал, важно ли проклятие Никона и нужно ли нам бояться его клятвы. Паисий отвечал: "Проклятие есть как бы молния, как бы меч обоюдоострый; если проклятие бывает по достоинству, то сожжет виновного, а если не по достоинству, то падает на того, кто произносит проклятие". Никон возразил: "Скажи мне, кого я проклял; если разумеешь Крутицкого митрополита, то я объясню тебе, за что я его проклял". И начал перечислять его преступления, что он ездил на ослы, поставил Мстиславского епископа, ни разу не посещал своей епархии и пр., подробно раскрывал важность каждого из этих преступлений, привел множество правил с толкованиями и спрашивал Паисия: "Как же ты и Крутицкий митрополит не антихристы и не отступники от Бога, когда вы отверглись от Его Божественных повелений и не слушаетесь правил св. апостолов и св. отцов?" (л. 219 - 245 об.).

На 23-й вопрос, прилично ли архиерею бить других, ссылать в ссылку, как делал Никон, Паисий отвечал, что, по его мнению, нет в человеке лучшей добродетели, как правда и кротость, и худшего зла, как гнев; указал в пример кротости на Авраама, Моисея, Давида и др. и объяснял, что самые одежды архиерейские: стихарь, саккос, омофор, митра и пр. - знаменуют кротость, чистоту и другие добродетели в архиерее. *Никон*: Авраам отметил смертью многих за племянника своего Лота, Моисей убил египтянина и не раз поражал казнями своевольных сынов Израиля, Давид убил Урию, и все святые хотя не мстили за себя, но по суду мстили и наказывали за всякую неправду. Сам Христос вервием изгнал из церкви непотребных торжников, и правила Церкви, даже градские законы греческих благочестивых царей не возбраняют архиереям бить и наказывать преступников (приводятся правила и законы из Кормчей). Почему и "мы как прежде смиряли в Церкви, иногда вервием, а иногда рукою помалу, так и ныне не отрицаемся то же творить врагам и бесстрашным людям по образу Христову и по правилам св. апостолов и св. отцов. А одежды архиерейские по своему смыслу отнюдь не возбраняют архиерею наказывать по справедливости виновных" (следует истолкование каждой из архиерейских одежд по порядку). В заключение Никон заметил Паисию: "Для других ты хвалишь терпение, а сам являешься нетерпеливым; ублажаешь кротость, а сам, как лев, яришься; превозносишь целомудрие, а сам всегда любодействуешь; заповедуешь любить добродетель и правду, а сам непрестанно враждуешь" (л. 245 об. - 268).

В 24-м вопросе Стрешнев говорил: царь поручил Никону досматривать всякие судьбы (дела) церковные и даровал ему все привилегии, которыми

Константин Великий почтил папу Римского Сильвестра. А Паисий на это сделал замечание: почести от царя надобно принимать осторожно; Никону было бы полезнее иметь менее привилегий, потому что иные его надмили; смотрелся он в них, как в зеркало, и с ним случилось то же, что пишут стихотворцы о Нарциссе, который в речной воде сначала любовался лицом своим, потом хотел поцеловать его и утонул. Эти вопрос и ответ чрезвычайно раздражили Никона, и он написал на них весьма обширную отповедь, в которой излил весь свой гнев на своих противников, особенно на царя, со всею необузданностию в словах и выражениях. Никон прежде всего утверждал, что царь не только не дал и не мог дать ему никаких прав в Церкви, но и отнял полученные им от Бога, не только сам не любит и не исполняет никаких заповедей Божиих, но ненавидит и преследует тех, кто исполняет эти заповеди: "Как ты говоришь, совопросниче, что царь вручил Никону досматривать всякие судьбы церковные? Разве не знаешь, что не от царей приемлется начальство священства, но от священства на царство помазуются и что священство гораздо более царства? Мы не знаем иного законоположника себе, кроме Христа, Который дал нам власть вязать и решить. Уж не эту ли привилегию дал нам царь? Нет, но он похитил ее от нас, как свидетельствуют его незаконные дела. Какие? Он Церковь обладает, священными вещами богатится и питается, славится тем, что все церковники: митрополиты, архиепископы, епископы, священники и все причетники - покоряются ему, оброки дают, работают, воюют; судом и пошлинами владеет. А мы такой привилегии не только не принимаем, но гнушаемся ею, бегаем от нее, как от антихристового узаконения... Господь сказал о последнем времени, что тогда восстанут многие лжепророки и за умножение беззакония иссякнет любви многих. Кто же лжепророки? Газский митрополит, который ничего не говорит от Божественных Писаний, но все от себя... Какого беззакония? Того, если кто восхитит себе не принадлежащее ему, как государь царь восхитил Церковь и все достояние ее в свою власть незаконно и потому нас ненавидит, как прелюбодей никогда не может любить законного мужа, но всегда помышляет о нем злое... Что вручил нам? Священство ли? Но сам того не имеет, как может другим преподавать? Не власть ли вязать и решить? Но и это ему не принадлежит, а одному Христу... Апостол сказал: *Ныне антихриста мнози быша: иже знает Бога, послушает нас, и иже несть от Бога, не послушает нас. О сем познаваем духа истины и духа лстча* (1 Ин. 2. 18; 4. 6). Кто же ныне антихристы? Крутицкий и ему подобные. Кто дух лстчий? Газский митрополит и подобные ему... Скажи мне, какие привилегии подарил мне царь, я скажу, какие он разорил и пренебрег. Христос дал апостолу Петру и прочим апостолам ключи Царствия Небесного - царь отнял те ключи у Петра и прочих апостолов и их преемников. Что связывают они на земле и Владыка Христос связывает на небеси, то царь разрешает на земле, а что они разрешают на земле и на небеси, то царь вяжет на земле... Господь сказал: *Аще пребудете в словеси Моем, воистину ученицы Мои будете*. Государь царь не только сам не пребывает, но и пребывающих ненавидит. Господь сказал: *Аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать видети*. Государь царь не только сам не соблюдает, но и соблюдающих казни предает. Простому человеку уподобил меня, по злобе своей зовет Никон и даже патриархом не именует и не меня только, худого

раба Божия, но и Господа моего Иисуса Христа поработил себе, все данное Ему в вечное наследие и св. Его Церкви усвоил себе и своим людям". Далее перебирается все учение о блаженствах, приводятся одна за другою многие евангельские заповеди, и все это прилагается к царю, и говорится, что царь ничего этого не соблюдает, а действует наперекор. "Ныне государь за одно слово, если кто молвит о правде, языки режет, руки и ноги отсекает, в невозвратное заточение ссылает... Он уничижил и обесчестил благодать Св. Духа и сотворил ее немощною, так что без царского указа ныне она не может действовать. Ныне архиереи пишут, что поставили того или другого архимандрита или священника по благодати Св. Духа и по указу великого государя... Он не содрогается, что такая хула на Св. Духа не отпустится ему ни в сей жизни, ни в будущей, но действует как великий архиерей и кого хочет, того приказывает рукополагать". После этого Никон обратился к грамоте Константина Великого папе Сильвестру, привел ее всю по частям и, прилагая каждую часть к царю, повторял, что царь не дал таких привилегий Никону и даже какие дал, те отнял. Привел также церковный устав равноапостольного князя Владимира, перечислил права и преимущества, данные Церкви последующими князьями, и утверждал, что "царь все законы всех благочестивых царей и вел. князей, преданные Церкви, ниспроверг и все, что отец его с святейшим Филаретом патриархом исправили, и обновили, и утвердили, все ни во что положил... Повсюду ведомо, что государь царь не любит Господа, потому что не хранит Его заповедей, и не есть ученик Христов, потому что не любит нас". Наконец, Никон старался доказать, что "священство есть более царства, что священство от Бога, помазание же на царство от священства". С этою целию подробно изложил, как учреждено священство в Ветхом Завете и как учреждено священство новозаветное; как распространилось христианство по разным странам и с ним церковная иерархия; как мало-помалу распространилась святая вера в России и у нас появились архиереи, митрополиты; как учредилось патриаршество в России, как Иеремия посвятил Иова и какую дал грамоту, как потом Феофан посвятил Филарета Никитича и какую дал грамоту. Сделавши отсюда вывод, что "священство началось не от человек и не от царей, а от Самого Бога", Никон продолжал: "Священство честнее царства; царство чрез священство помазуется чувственным елеем, а помазание священства совершается Св. Духом непосредственно", в подтверждение чего привел самые молитвы, которые читаются при рукоположении архиереев, разобрал весь чин царского миропомазания; привел молитвы, тогда читаемые, и самое поучение патриарха к царю при его миропомазании. В общем заключении этой своей части Никон выражал свои мысли уже несколько смиреннее или спокойнее, говоря: "Иные думают, что царь выше архиерея, и это подкрепляют, во-первых, тем, что господство происходит не от кого иного, как только от Господа Бога; во-вторых, тем, что если бы архиерей был выше царя, тогда бы и начатки от него шли до архиерея, чего не бывает; в-третьих, тем, что царю дано ограждать мечом закон и правду, защищать вдов и сирот, творить суд и расправу, чего архиерею не дозволено... Другие рассуждают, что архиерей выше царя. Власти архиерейской поручил Бог ключи Царства Небесного и дал силу вязать и решить на земле. Архиерейская

власть духовная, и ей подлежат вещи духовные, а власть царя мирская, и ей подлежат вещи временные. Царь обязан произнести исповедание веры пред архиереем, а последний, выслушав исповедание, должен рассудить, право ли верует царь или достоин клятвы... Оба эти мнения можно примирить. Господь Бог, когда сотворил землю, повелел двум светилам светить ей, солнцу и месяцу, и чрез них показал нам власть архиерейскую и царскую: солнцем - власть архиерейскую, месяцем - царскую. Солнце светит днем, как архиерей душам. А меньшее светило месяц, заимствующий свет от солнца, светит ночью, т. е. для тела, - так и царь приемлет помазание и венчание от архиерея, по принятии которых становится уже совершенным светилом и имеет святейшую силу и власть. Такова разность между теми двумя лицами во всем христианстве. Архиерейская власть во дни, т. е. над душами, а царская - в вещах мира сего. Царский меч должен быть готов на врагов веры православной, когда потребуют того архиерейство и все духовенство, и оборонять их от всякой неправды и насилия обязаны мирские власти. Мирские нуждаются в духовных для душевного спасения, духовные - в мирских для обороны. В этом отношении царь и архиерей не выше один другого, но каждый имеет власть от Бога... В вещах же духовных архиерей великий выше царя, и каждый человек православный должен быть в послушании патриарху, потому что он отец наш в вере православной и ему вверена православная Церковь" (л. 268 об. - 366).

На 25-й вопрос, может ли государь обратно взять привилегии, данные им кому-либо, Паисий отвечал: "Может, если тот, кому они даны, окажется неблагодарным". "Какие привилегии, - возражает Никон, - уж не эти ли, которые ради милости Божией давал государь в вечное наследие Господу Богу и Пресв. Богородице?" И приводит целиком две известные нам грамоты, пожалованные ему царем на Иверский монастырь: сначала ту, в которой государь в благодарность Никону за сбережение царского семейства во время моровой язвы пожаловал Иверскому монастырю несколько погостов в Новгородском крае с селами и деревнями, а потом ту, в которой государь утвердил "навекы неподвижно" за Иверским монастырем все вотчины, прежде ему пожалованные и им приобретенные. "Так же точно, - продолжает Никон, - и Крестному монастырю, и Воскресенскому грамоты государевы писаны для вечного государева постоянства и утверждения с Господом Богом, а не со мною, смиренным и грешным Никоном патриархом. У кого ж государь возьмет назад данное им Богу за многую Его милость? А хотя б и мне дано то было за мою работу и труды: за что взять, когда царь разгневался на меня несправедно?" Затем излагает историю Каина и делает замечание: "Если Каин согрешил тем, что несправедно принес жертву Богу, то во сколько более грешат те, которые, принеся малое что Богу, хотят, разгневавшись на кого-либо, возратить себе то?" Излагает историю Анании и Сапфиры, наказанных за их намерение утаить и взять себе часть того, что принадлежало Богу. Перечисляет множество примеров из Ветхого Завета, как строго наказывались люди за нарушение обетов, за клятвopреступление. Нападает на Паисия, называет его антихристом, раскольником, лицемером, лжесловесником и подобным и подробно опровергает его доказательства, будто он, Никон, неблагодарен государю (л. 366 - 420).

Переходим к 26-му возражению Никона, которое одно обширнее всех, взятых вместе 25 возражений его, доселе нами рассмотренных (л. 421 - 928). Оно направлено сперва против вопроса, а потом против ответа, в которых Никон обвинялся в хуле на царя. В вопросе было сказано: Никон бранил и бранит ныне государя за то, что государь учредил Монастырский приказ и посадил в нем судьями мирских людей, и за то, что поставлял по монастырям архимандритов и игуменов, кого хочет. "Я, Никон, не бранил и не браню государя, но злобу его осуждаю и не перестану осуждать" - так начал Никон свое оправдание и повел речь издалека. Прежде всего указал на Адама, Каина, царя Авимелеха, которые были наказаны за то, что несправедливо судили и поступили; на первосвященника Аарона и на казни израильтян за сопротивление ему; изложил словами Библии всю историю, как дал Бог израильтянам первого царя, и словами Евангелия всю историю суда над Иисусом Христом, делая по местам свои замечания и применения к своему времени вроде следующего: "Евреи говорили: *Не имамы царя, токмо кесаря* - так и ныне говорят: нам-де не надобен патриарх, добр и Крутицкий митрополит". Потом доказывал, что царь и мирские власти не вправе судить церковный чин, что лица духовные не должны прибегать к суду мирских властей, а должны сопротивляться их притязаниям и мужественно переносить от них за это гонения, и привел ряд текстов из Священного Писания, много правил с толкованиями из Кормчей, целые рассказы о святом Афанасии Великом, Василии Великом и Иоанне Златоусте, как непоколебимо отстаивали они свои права против мирских властителей, несмотря ни на какие угрозы и притеснения. С другой стороны, перечислил несколько царей, иудейских и израильских, из которых одни имели доброе отношение к Церкви, а другие посягали на ее права и за то подвергались наказаниям; из новозаветной истории указал на царя Константина Великого, столько сделавшего для Церкви, на царя Юстиниана Великого и привел несколько глав из его Свитка новых заповедей; наконец, из русской истории привел церковные уставы святого Владимира и Ярослава, ярлык хана бека святителю Петру, упомянув и о других таких же ярлыках; затем привел всю длинную речь царя Ивана Васильевича IV на Стоглавом Соборе и всю обширную главу Стоглава о святительском суде и дошел до Уложения царя Алексея Михайловича. Занявшись Уложением, Никон сначала сделал несколько общих замечаний, потом разобрал некоторые главы, и при этом постоянно обращался к составителю Уложения князю Никите Ивановичу Одоевскому, и поносил его и его товарищей без всякой меры, называл его беззаконником, врагом Божиим и всякой истины, богоборцем, отступником от Христа и подобным. В предисловии к Уложенной книге, которое Никон привел сполна, сказано, что царь приказал князю Одоевскому и его товарищам, князьям Прозоровскому и Волконскому, да дьякам Леонтьеву и Грибоедову, написать статьи из правил святых апостолов и святых отцов, из градских законов греческих царей и из разных узаконений прежних русских царей и великих князей и изложить, чтоб всем людям Московского государства суд и расправа были равны, приказал также созвать выборных людей из Москвы и из других городов, чтобы вместе с теми выборными людьми и освященным Собором обсудить новое Уложение, и что князь Одоевский с товарищами

действительно в точности исполнил волю государя, и Уложение, прочитанное пред царем, всем освященным Собором, синклитом и выборными людьми, было всеми утверждено. Никон против этого заметил: а) ведено было написать из правил и из прежних узаконений, а не новые законы вводить, написать, чтоб суд и расправа были равны всяких чинов людям Московского государства, а не патриарху, не митрополитам и вообще освященному чину; б) князь Никита Иванович Одоевский, человек прегордый, страха Божия в сердце не имеет, правил апостольских и отеческих никогда не читает и не понимает и враг всякой истины, а товарищи его - люди простые, Божественного Писания не ведущие, дьяки же - это заведомые враги Божии и дневные разбойники, без всякой пощады губящие людей Божиих; в) выборных людей созывали не по воле, а ради страха; г) князь Одоевский с товарищами все солгал, ничего не выписывал из правил святых апостолов и святых отцов и из градских законов греческих царей, но написал все новое, чуждое православия. Затем Никон остановился на первых словах 10-й главы Уложения: "Суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России судить боярам и окольничим" и пр. - и воскликнул: "Как ты, писатель царского суда и, скажу, беззакония, называешь суд судом государя царя? Суд есть Божий от начала, а не царев, не человеком предан, но Самим Богом". В подтверждение этого привел бесчисленное множество текстов из Пятикнижия, из книг Царств, особенно из Псалтири, из книг пророческих и из книг новозаветных и снова спрашивал: "Как же ты, писатель неправедный, не убоился обесчестить Господа Бога, говоря "суд царя и великого князя"? Кто ты, дерзнувший вопреки Божественных законов написать новые бесовские законы, как новый Лютер? Какой ты советник Богу, ни поп, ни дьякон, дерзнувший мудрствовать противное Богу и святым". И привел еще множество текстов и правил с толкованиями, доказывая, что заповеди Божии, каноны и уставы Церкви должно содержать неизменно без всяких прибавлений и что за отступление от них Бог посылает страшные казни, каковы: мор, голод и другие бедствия, какие тогда поражали Россию. Далее, выписав 25-ю статью 10-й главы Уложения, где сказано, что никакие судебные дела не должны происходить в приказах "в день Рождества Христова, в день св. Богоявления... в праздник рождения государя царя" и пр., Никон снова обрушился на князя с упреками: "Как ты в своем ложном и проклятом писании осмелился не исповедать Христа Господом Богом? Разве ты не мог написать "Рождество или Богоявление Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа"? И даже не назвал эти дни праздниками, а день государева рождения назвал праздником, т. е. человека предпочел Богу. Послушай Григория Богослова". И привел большие отрывки из Слов Григория Богослова на Воскресение Христово, на Рождество Христово и на Крещение Христово, а также несколько правил в доказательство, что праздники Господни суть действительно великие праздники и торжества и гораздо выше царских. Не удовольствовавшись этим, повел еще длинную речь об антихристе и, перечислив признаки его пришествия, спрашивал: "Видишь ли, писатель лжи, что провозвестил Божественный апостол? Не пришло ли ныне отступление от св. Евангелия и от преданий св. апостолов и св. отцов? Не явился ли человек греха, сын погибели, превозносясь паче всякого Бога и имеющий погубить многих? Какой же

больше погибели, когда, оставив закон и заповеди Божии, предпочли предания человеческие, т. е. Уложенную книгу, полную горести и лести? Антихрист приготовит и иных многих, как тебя, писатель лжи, и тебе подобных. Он сядет во храме Божиим, не в одном Иерусалиме, но повсюду в церквах, т. е. примет власть над всеми церквами и церковными пастырями, на которых ты, отступник, по действию сатаны написал суд творить простым людям, т. е. на патриарха, митрополитов, архиепископов, епископов и пр. О гонении же на Церковь Господь открыл возлюбленному ученику Своему Иоанну Богослову". Следуют длиннейшие выписки из Апокалипсиса и из толкования на Апокалипсис, многочисленные увещания словами Евангелия следовать только заповедям Божиим, не принимать новых учений и многочисленные укоры князю Одоевскому, что он, "отступник от Христа, написал в своем Уложении не от заповедей Христовых или св. апостолов", что он, "богоборец, не устыдился разорить не закон только и пророки, но и самое св. Евангелие" и, "разорив сам все св. заповеди, написал свое беззаконие в закон всем людям". Не станем рассматривать частных замечаний Никона на те или другие статьи Уложения - это повело бы нас слишком далеко, да и самые замечания маловажны. Чаще всего в них повторяется, что те или другие статьи противны заповедям Божиим и канонам Церкви или содержат в себе какие-либо несообразности. Упомянем только об одном замечании, которое сделал Никон на 5-ю статью 16-й главы, где говорится, что слободы патриарха и других властей и монастырские около Москвы взять за государя. "Зачем же ты, оставя Господа, - говорит Никон, - нападаешь на рабов? Патриарх и сам раб Божий и служитель св. Церкви и не имеет своих вотчин: его вотчины и крестьяне - Божие наследие. Цари, князья и другие боголюбцы жертвуют свои имения Господу Богу и святым Его к церквам в вечный поминок, а не патриарху, не владыкам, не монастырям, как и свидетельствуют самые грамоты тех боголюбцев... Священническая часть - Божия часть, наше достояние не наше, но Божие достояние". Этим замечанием, которое далее подкреплено правилами и текстами из Библии, оканчивается все, что хотел возразить Никон Стрешневу на его 26-й вопрос.

Обращаясь к Паисию Лигариду, Никон сказал: "Прочитай и ты, ответотворче, если хочешь, вместе с сущими с тобою, написанное мною" - и приступил к разбору самого ответа. Здесь было сказано: "Пускай бы прежде не бывало Монастырского приказа и он подлинно был учрежден царем Алексеем Михайловичем, но это сделано для лучшего порядка и суда, чтобы судьи могли правильно рассматривать челобитные и добрых оправдывать, а виноватых смирать". Никон не обратил внимания на слова "пускай бы прежде не бывало Монастырского приказа" - приказ был и прежде Алексея Михайловича, но не имел такой самостоятельности, такой широкой власти, таких подробных правил, какие даны ему в Уложении. Никон возразил только: "Где написано, чтобы царям, князьям, боярам судить патриарха, митрополитов, архиепископов, епископов и весь церковный чин? Такого правила не найдешь, если и прочтешь все правила, а найдешь разве в законах нехристианских и мучительских... Впрочем, об этом довольно уже показано прежде". Далее в ответе говорилось: "Да каков суд у самого Никона? Сидел ли он когда-либо на своем судебном месте? Никогда. Он только держал мирских людей, которые судили в его

приказах, и раздавал челобитные людям своего двора, которые иногда прямое делали кривым и кривое прямым. Так ли делают судьи? Так ли должны относиться к детям патриархи, отцы отцов?" *Никон*: "Кто посадил тебя на месте Божиим, чтобы судить патриарха? По каким законам становишь себя нашим судьей? Правила никому не позволяют судить патриарха, не только пришельцу, но и всем епископам" а пришельцу запрещают в чужой епархии учить или законополагать и за это извергают из сана. О тебе ж знающие люди говорят, что ты 30 лет был дьяконом у папы, и показывают книгу, напечатанную в Риме с твоим именем... А что ты говоришь о мирских судьях в патриарших приказах, это не без правды. Но так и у всех митрополитов, архиепископов и епископов в России. На основании правил Карфагенского Собора (75 и 96), позволяющих епископам иметь заместителей, у нас вошло в обычай и в закон, чтобы и в архиерейских судилищах были мирские судьи, и это не без царской воли. Они же служат владыкам посредниками для сношений с царем, так как в России никому не запрещено входить на царский двор: ни еретикам, ни жидам, ни магометанам, а запрещено только православным епископам архимандритам, игуменам и монахам". Нельзя не чувствовать, как слабо защищался Никон против того, что и у него в приказах, как в Монастырском приказе, судят духовенство мирские же судьи и что, значит, жалобы его на Монастырский приказ малоосновательны, если не совсем напрасны. Еще далее в ответе было написано: "А что царь может ставить архимандритов и всякие церковные власти - это одна из привилегий царских, и у всех народов обычай - царю раздавать должности, для чего и царский орел пишется двуглавым, расширяющим достоинство царя церковное и мирское". *Никон*: "Ты солгал и здесь, как и везде прежде. Нигде, даже в царских законах, не написано, чтобы царю избирать епископов и прочих властей; напротив, и в св. правилах и в законах царских это запрещено, как показано уже нами выше. А то правда, что царское величество расширился над Церковью вопреки Божественных законов и даже возгорелся на Самого Бога широтою своего орла" (следует множество текстов о царях Давиде, Соломоне, о Мессии и пр.). Наконец, в ответе было написано, что по толкованию Матфея Властара царь входил в алтарь к Святым Тайнам, потому что он помазан от Бога, ради чего и может избирать патриарха и прочие церковные власти. *Никон*: "Властара мы не знаем и такого правила о царе не знаем, а знаем, что по 69-му правилу Шестого Вселенского Собора царю не возбраняется входить в алтарь, когда восхощет принести дары Творцу. Но наш царь не только не приносит даров своему Создателю, но и прежде данное св. Церкви прежними царями и князьями себе усвоил на свои потребности... На него, государя, мать его св. соборная Церковь, возродившая его водою и Духом и помазавшая его на царство, плачется, обиженная, как последняя сирота и как вдова, поруганная от прелюбодея, Крутицкого митрополита, прося отмщения. Но он, государь, не мстит и сам восхитил все принадлежащие ей имущества в дом свой... Он берет и с самого патриарха великие дары трижды в год: на праздник Успения Пресв. Богородицы, в неделю ваий и в день преставления святителя Московского Петра - и отправляет те дары в свою царскую казну (следует опять множество текстов и правил об исполнении заповедей, об исполнении обетов). Как же ты говоришь, что царь может избирать патриархов,

митрополитов, архимандритов, когда он не исполнил ни в чем своих обетов пред Богом, почему недостоин входить и в церковь и должен всю жизнь свою каяться, а сподобиться св. причастия может только пред своею смертию. Он клятвопреступник и трижды нарушил свои обеты, данные при крещении его, при помазании его на царство и при избрании Никона на патриарший престол. На Никона он до сего времени непрестанно гнев свой держит неведомо за что и много раз принуждал Никона к суду с Романом Боборыкиным и Иваном Сытиным". Вслед за тем Никон рассказал о своей тяжбе с Боборыкиным и подробно изложил, как для расспросов по этому делу приходила из Москвы в Воскресенский монастырь 18 июля 1663 г. целая депутация, оставившая монастырь 6 августа.

Последнее 27-е возражение Никона принадлежало к числу наиболее кратких. Стрешнев спрашивал: "Некто называет нашего вельможнейшего царя мучителем, несправедливым обидчиком и хищником - что такому следует по св. правилам?" Паисий отвечал: "84-е правило св. апостол пишет: кто ни есть опозорит царя сверх права, будет казнен, а если и духовного чину, будет изложен, а если мирской человек, да будет проклят". Стрешневу Никон заметил: "Для чего ты говоришь безыменно: некто называет нашего царя мучителем? Если речь о нас, то не мы одни так исповедуем, но вся тварь соболезнает и совоздыхает с нами о лютых наших скорбях. А неправда и немилость царя явны всем, кроме тебя одного". Против ответа Паисия Никон возражал: "Правило св. апостол говорит так: аще кто досадит царице или князю без правды, аще есть причетник, да извержется, аще мирский человек, да отлучится. Сказано: аще досадит без правды, а не вообще досадит; сказано: причетник, а не архиерей да извержется; и ина слава солнцу, ина слава звездам... Правило упоминает только о двух лицах - причетнике и о мирянине и вовсе не говорит, чтобы их казнить: ты солгал на правило". Но дело в том, что Паисий и Никон представили одно и то же правило в двух различных переводах, равно неточных. В точном переводе с подлинного текста оно гласит: "Аще кто досадит царю или князю не по правде, да понесет наказание, и аще то будет клирик, да извержется, а если мирянин, да отлучится". Выражение "да понесет наказание" совсем не значит "да будет казнен". Название же клирика обнимает всех принадлежащих к церковному клиру, а не одних причетников. Никон укорял своего противника напрасно. Затем Никон привел толкование на означенное правило и сказал, что "досаждать царю всем возбранено, а не архиереям, обличать же царя по достоянию не возбранено, и мног уже лик злопострадавших собран у Господа для обличения неподобных дел царских". Наконец, Никон пытался объяснить, что иное значит "дерзновение", с каким он обличает царя, а иное "дерзость", и привел из ветхозаветной истории множество примеров, в чем одни обнаруживали свое дерзновение и в чем другие - дерзость (л. 928 - 955).

Неизвестно, почему Никон не написал возражений на вопросы и ответы 28, 29 и 30. В 28-м ответе говорилось: Никон несправедливо жалуется на то, что его не позвали на Собор и не выслушали, зачем он оставил кафедру; зовут на суд только виноватых, а невиноватый сам идет на суд оправдаться; Никон сам должен был явиться на Собор или, если б ему то помешали, прислать на Собор

от себя грамоту с объяснением всего, что было нужно. В 29-м ответе Никон несправедливо укоряет архиереев, будто они нарушили данную ему присягу и отверглись его. Не они отверглись, а он отвергся от них, оставил их и убежал, куда захотел. В 30-м ответе Никон несправедливо предал проклятию Стрешнева за то, что последний будто бы приучил свою собаку благословлять. За такое маловажное дело не должно проклинать; проклятие налагается только за смертные грехи и только тогда, когда виновный по троекратном обличении не покается.

Никон трудился над своими "Возражениями", вероятно, довольно продолжительное время, судя по тому, что в предпоследнем возращении упоминает о событии, случившемся уже в июле и августе 1663 г., да иначе и невозможно было написать такую громадную книгу. Он, кажется, думал, что, чем обширнее будут его "Возражения", тем убедительнее и тем сильнее он поразит своих противников, но вышло наоборот. Он всячески старался распространять и подкреплять свои мысли, не только главные, но и побочные, набором библейских текстов и церковных правил и выдержками из других книг. Но среди этого множества текстов и правил, приведенных притом большею частью неудачно и мало относившихся к делу, мысли самого Никона как бы расплывались и терялись, и уследить за ними по местам до крайности трудно. Нужно иметь великое терпение, чтобы читать книгу Никона даже по частям, и если предположить, что он успел выпустить ее и распространить, по крайней мере между своими приверженцами, то, наверно, мало нашлось охотников, чтоб прочесть и осилить ее всю. Видеть в этой книге обширную начитанность и ученость Никона не совсем основательно. Он имел под руками Библию, печатную Кормчую, толковое Евангелие и Апостол, да еще две-три книги и черпал из них полною рукою сколько хотел, а делать это, особенно из Кормчей при ее указателе, было вовсе нетрудно. Он переписал в свою громадную книгу едва ли не четверть Кормчей и разве только немногим меньше Библии, а многие тексты и правила переписал даже по нескольку раз - хотя, с другой стороны, невозможно отвергать и того, что Никон действительно хорошо знал и Библию и Кормчую еще прежде, чем принялся за свои "Возражения". Нравственный же облик Никона является в книге, к сожалению, в самом непривлекательном виде. Вопреки правде Никон утверждает, что не отрекался от своего престола, что все сказки об этом очевидцев - выдумка, что бывший на него Собор в Москве был только слепым орудием царя, что сам царь умолял его, Никона, писаться великим государем и пр. Вопреки правде с озлоблением нападает на Уложенную книгу и называет ее проклятою за то, будто она отдала весь суд над архиереями и вообще духовенством мирским людям, а не по одним только делам искомым. Вопреки правде и христианской любви называет своих противников, Паисия, Питирима, князя Одоевского, антихристами, безбожниками и другими поносными именами, а самого царя клятвопреступником, гонителем Церкви, нарушителем всех заповедей Божиих, всех канонов. Книга дышит гордостью, гневом, даже ненавистию и оставляет в душе читателя самое тяжелое впечатление.

Между тем, пока Никон писал свою книгу "Возражений", события шли своим чередом. Месяца через три или четыре после того, как Паисием Лигаридом составлены были ответы на вопросы Стрешнева, в один из дней Четырнадцатницы (Филиппова поста), тот же Паисий, как сам говорит, "приглашен был частным образом думными боярами и спрошен, каким образом Церкви избавиться от такого продолжительного вдовства, ибо постыдно ей быть без пастыря. Я отвечал: легко избавиться, если только правительство от души согласится исполнить мою мысль". Государь, которому было передано сказанное Паисием, изъявил согласие и после многих вопросов и предложений Паисию в частной с ним беседе произнес: "Ради самой истины открой мне твою мысль о средствах к исправлению Церкви нашей". Паисий отвечал: "Отправь грамоты к четырем Восточным патриархам, и объяви им все дело о Никоне, и тотчас же достигнешь своего желанья". Государь обещал подумать об этом и посоветоваться с боярами. Долго ли он размышлял и совещался с боярами, но окончательное решение в душе его последовало 21 декабря 1662 г., в день памяти святителя Московского Петра. В этот день, как говорится в официальной записке, великий государь, находясь на всеобщем бдении в соборной церкви у мощей святителя, "прииде во умиление" о ней, что она вдовствует без пастыря уже пятое лето, и о несогласии в церковном пении и в церковных службах, вследствие чего в народе многое размышление и соблазн, а в иных местах и расколы, и о том, что Никон, хотя оставил свой престол, предает проклятию людей без соборного решения и без всякого испытания и творит иные подобные дела. И в тот же день, 21 декабря, государь дал указ:

1. Ради всяких церковных вин, которые учинились на Москве при бытии патриарха Никона и доныне действуют, быть Собору в мае или в июне 1663 г.

2. На этот Собор пригласить Вселенских патриархов и всех русских архиереев, для чего тем и другим послать царские грамоты.

3. Для приготовления необходимых для Собора сведений вызвать в Москву Рязанского архиепископа Илариона и придать к нему боярина Петра Михайловича Салтыкова, да думного дьяка Прокопия Елизарова, да дьяка Лукиана Голосова, чтобы они взяли расписки и сказки за руками а) у соборных ключарей - что патриарх Никон взял из соборной церкви образов и всякой церковной утвари с распискою и без расписки; б) у патриарших приказных людей - что он взял из домово́й казны денег, золотых и ефимков, и всякой домово́й казны, хлеба, лошадей и иного чего, когда поехал из Москвы, оставя престол; что при нем променено патриарших вотчин и кому, что у кого выменено или взято в цену или без цены, где и когда и те вымененные и взятые вотчины все ли ныне в домовых патриарших вотчинах или куда отданы; в) у справщиков печатных книг - сколько при Никоне было выходов книг печатных и каких и выходы эти во всем ли сходны между собою или в чем не сходны; все ли целы на Печатном дворе книги, печатные и письменные харатейные, и переводы из присланных греческих книг, с которых печатаны новые книги, или некоторых нет и где они ныне; г) у старца Арсения Суханова - что он купил в

Палестине книг и иного чего для Никона, и что за все то дано денег, и куда то отдано.

4. Послать государевы грамоты во все монастыри к архимандритам, игуменам и строителям с братиею, чтобы они отписали к государю и прислали сказки и расписки за своими руками, сколько патриарх Никон взял себе у тех монастырей церковных каких потреб или монастырской казны, хлеба, лошадей и иного чего и монастырских вотчин на мену и в цену или без цены, в каких местах и когда.

Немедленно приступили к выполнению этого царского указа, и в частности приготовлены были грамоты к патриархам: Константинопольскому Дионисию, Александрийскому Паисию, Антиохийскому Макарию, Иерусалимскому Нектарию и бывшему Константинопольскому Паисию. Грамоты были составлены по прежним образцам и все по главному содержанию сходны между собою, кроме некоторых особенностей, помещенных в грамоте к Дионисию как патриарху Вселенскому и к нему только относящихся. В этой последней грамоте после титулов, царского и патриаршего, приветствий и благожеланий от царя патриарху и общих рассуждений о благотворности святой веры, о необходимости единения между Церквами и верующими царь Алексей Михайлович говорил патриарху: "К вящему утверждению соединения нашего молим твое преблаженство, если тебе возможно самому направить твои красные ноги и прийти к нам, да преподашь нашей Церкви благословение и мир, да исправишь в ней неисправности и разрешишь недоумения. А у нас есть ныне неисправности и недоумения, которые без Вашей святости разрешиться не могут. Прежде бывший у нас патриарх Никон самопроизвольно оставил свой престол, и рукоположить иного на его место без Вашего совета и благословения мы не дерзаем, хотя правила повелевают ожидать рукоположения иного архиерея на место прежнего не более трех месяцев, а со времени оставления нас Никоном идет уже пятое лето. Имея в виду правило: аще епископы на митрополита что имеют, Константинограда патриарху да возвещают, - мы не находим для себя ничего другого, как только писать к твоему преблаженству и молить тебя, да придешь к нам и разрешишь недоумение. Да будет тебе еще известно, что Никон, когда был патриархом на престоле Великороссийской нашей Церкви, присвоил себе в своем титуле посягательство на вашу паству в градах Киевских и писался патриархом всея Великия, и Малыя, и Белыя России и рукоположил епископа Каллиста в Полоцке не в свою область. Мы все церковное управление полагали на его рассуждение и следовали его совету: о сем, как придешь к нам, да рассудишь и нас от сего да разрешишь. Если же тебе самому невозможно подвигнуться к нам, то молим тебя, преблаженнейший, пошли к нам от себя хоть экзарха, мужа искусного во всем и сияющего жизнью, словом и мудростию, и другого с ним местоблюстителя, подобного ему, или, если возможно (о чем наиболее умоляем), пошли бывшего прежде тебя на престоле святейшего патриарха Паисия, как нам знакомого, если еще он жив и свободен. Просим тебя еще написать к Антиохийскому патриарху, да подвигнется и он с тобою прийти к нам, если можно, а если нет, то да пошлет к нам от себя мужей, во всем искусных и испытанных, равно снести письменно

и с патриархами Александрийским и Иерусалимским, да потщатся и они сами прийти к нам или прислать от себя православных и благочестивых мужей или даже свои послания за своими руками". К этому главному содержанию своей грамоты царь сделал еще два прибавления. В первом довольно подробно говорил и ходатайствовал пред патриархом о епископе Мстиславском Мефодии, подвергшемся его проклятию, о чем у нас будет речь особо впереди. Во втором излагал следующее: "Дошло до нашего царского слуха чрез людей крепко умных, которым можно верить, как патриарх Никон тайно от нас посылал бывшего архидиакона Евфимия с своими письмами к Вашему преблаженству и что тот прелагатай Евфимий, быв у Вашей святыни, возвратился к Никону патриарху с Вашими посланиями. Мы желаем, пастырь честнейший, узнать от Вашей святыни, какие письма дерзнул вручить Вашему преблаженству Евфимий и какой ответ принял он от Вашей святыни, словесный и письменный... О вас, пастырях, сказано: *Вы есте свет миру* - да просветишь же нас светом твоего пастырского рассуждения, да отнимешь от нас всякую мглу сомнения в делах церковных". Грамота эта вместе с грамотами к другим патриархам писана или переписана в самых последних числах декабря 1662 г. Возник вопрос: с кем же послать эти грамоты к патриархам? Перебирали многих, но ни на ком не останавливались. Наконец, Паисием Лигаридом указан был "ученейший иеродиакон Мелетий, соотечественник и друг его". На Мелетия и пал выбор. Это был иеродиакон Цареградского патриарха Парфения, приехавший к нам еще в ноябре 1655 г. Сначала ему назначено было у нас жалованья по десяти денег на день, но с 16 августа 1656 г. государь велел отпускать ему по гривне на день "для его учения, что он учит греческому пению дьяков певчих и подьяков". С того времени он постоянно, в начале каждого года (в сентябре), подавал челобитные о продолжении ему прежнего жалованья как учителю певчих и получал просимое. Когда прибыл в Москву Паисий Лигарид, Мелетий близко сошелся с ним, даже переселился к нему, так что самое жалованье Мелетию отпускалось в общей сумме, отпускавшейся на содержание Паисия и его свиты. За Мелетия поручились пред царем Паисий Лигарид и архимандрит Никольского монастыря Дионисий святогорец, и царь сказал: "Я уверен, что Мелетий послужит нам верно и возвратится с добрыми вестями".

Вести о всем этом быстро достигли патриарха Никона. Он понял, какая гроза собирается над его главою, и поспешил написать государю письмо, чтобы предотвратить эту грозу. "Мне сделалось известным, - писал Никон, - что ты, великий государь, изволил писать ко Вселенским патриархам о Соборе нашего ради отшествия с черным дьяконом Мелетием греком. Если это правда, воистину мы не отмечаемся и хвалим твое изволение как Божественное, если восхотят сами быть и сотворить суд о всем по евангельским заповедям и канонам, ей, не отмечаемся... А что твое благородие изволил собрать на суд над нами митрополитов, епископов и архимандритов, это противно заповеди Божией, ибо нет такого правила, чтобы епископы судили своего патриарха, особенно им же рукоположенные, и не в его присутствии... Если созванный тобою Собор по составленному им определению, список которого мы имеем, хочет осудить меня за одно отхождение, то следует низвергнуть и Самого Христа, потому что Он много раз отходил зависти ради иудейской, и св.

Предтечу, и всех св. апостолов и пророков... К тому ж когда благородие твое был с нами в добром совете и любви и мы писали к тебе ради ненависти людской, что невозможно быть предстоятелем в великой Церкви, каков был тогда ответ твой и писание? Оно хранится в тайном месте одной церкви, которого не знает никто, кроме нас. Смотри, благочестивейший царь, не случилось бы тебе чего от таковых твоих грамот, не будет ли это в осуждение (тебе) пред Богом и созываемым тобою Вселенским Собором, рассуди о всем этом. Пишу твоему благородию не потому, чтобы я вновь искал высоты престола или боялся великого Собора, а желаю только, чтобы Церковь была без смущения, и тебе, великому государю, не вменился грех пред Богом, и не случилось зазора. Епископы наши обвиняют нас одним правилом Двукратного Собора, которое не о нас написано, но, когда о них самих предложится множество правил, от которых никому из них нельзя будет избыть, тогда, думаю, не останется ни один архиерей или пресвитер достойным, а все постыдятся и осудятся от св. правил... Слышали мы, что твое благородие изволил послать с своими царскими грамотами Мелетия... но он человек злой, на все руки подписывается и печати подделывает, и здесь такое дело за ним было; думаю, оно и теперь в Патриаршем приказе и известно Арсению Греку и другим, которых он знает. Есть у тебя, великого государя, и своих много помимо такого воришки..." Это письмо Никон прислал в Москву с старцем Аароном, строителем Воскресенского монастыря. Аарон 24 декабря подал письмо царскому духовнику, протопопу Лукиану, и просил представить государю и вместе доложить, что патриарх желает у него славить Христа. Духовник отвечал: "Нынче не время подносить письмо государю, а по времени поднесу". И 26 декабря действительно поднес письмо государю и доложил о желании Никона Христа славить у него, государя. Выслушав то письмо, государь сказал духовнику: "Нас винит, а себя правит". На следующий день, 27 декабря, к царскому духовнику вновь явился старец Аарон, который успел уже побывать в Воскресенском монастыре, повидаться с Никоном и возвратиться с прибывшими оттуда накануне архимандритом Герасимом, наместником Иосифом и другими старцами для славления у государя. Аарон подал духовнику новое письмо патриарха Никона и просил поднести письмо государыне царице, а государю доложить, что Никон находится в селе Черневе и просит позволения видеть государевы очи. Духовник отнес письмо к царице и доложил государю о Никоне. И государь сказал: "Видеться мне с патриархом в Москве непригоже, да и не для чего, а как Вселенские патриархи будут, тогда, если Господу угодно, увидимся; кроме того, я пошлю к патриарху в Чернево окольного". Немедленно составлена была для окольного инструкция, по которой он должен был сказать Никону от лица государя следующее: "Присылал ты к государеву духовнику, благовещенскому протопопу Лукиану, письмо, чтобы он поднес то письмо великому государю, да ты же приказывал тому же протопопу о своем приезде в Чернево, чтоб государь пожаловал велел тебе приехать в царствующий град Москву помолиться Пресв. Богородице и видеть его государевы очи. И протопоп Лукиан поднес твое письмо государю и о приезде твоем в царствующий град докладывал. И великий государь велел тебе сказать, что ради многой мирской молвы ехать тебе ныне к Москве

непристойно, потому что в народе ныне молва многая о разности в церковной службе и о печатных книгах, и от твоего приезда ныне в Москву можно ожидать в народе всякого соблазна, так как ты своею волею оставил патриаршеский престол, а не по какому-либо изгнанию, и чтобы ты ради всенародной молвы и смятения изволил ехать ныне в Воскресенский монастырь, пока будет о том в Москве Собор. А к тому Собору будут Вселенские патриархи и власти, в то время и о твоём приезде на тот Собор присылка к тебе будет, а на Соборе великий государь будет говорить обо всем. Если же тебе для каких-нибудь важных дел с вел. государем видеться ныне надобно, тебе б написать о том государю и про те дела объявить, и государь против того твоего письма изволит к тебе кого послать или писать. А до Собору ради многонародного несогласия и молвы ехать тебе к Москве никак нельзя. Да ты же писал от себя к Газскому митрополиту Паисию и жаловался, будто ты невинно с престола своего изгнан и об иных подобных делах - и о том о всем его, великого государя, терпение от тебя многое. А как приспеет время Собору, тогда великий государь о всех тех делах говорить будет". Затем в инструкции окольному было наказано: "Если патр. Никон начнет говорить, что он по отшествии своем из Москвы посылал к государю о многих делах и потребах многажды, а от государя письма к нему не бывало ни о чем, то отвечать: от государя не писывано к тебе на твои письма потому, что писать не довелось, да и потому, что, как был ты на патриаршестве, о чем писывал к тебе государь, ты по отшествии своем с престола про те государевы письма говаривал в разговорах со многими". Последние слова заслуживают особенного внимания: они объясняют, почему государь по удалении Никона с кафедры на все его письма действительно никогда не отвечал письменно, а только чрез своих посланных, если находил нужным.

С этою инструкциею окольный Сукин и дьяк Башмаков на следующий день, 28 декабря, за два часа до света прибыли в Чернево, но Никона там не нашли. Они расспрашивали о нем, но услышали различные ответы. Посельский старец Воскресенского монастыря Серапион, проживавший в Чернове, и некоторые случившиеся там патриарховы боярские дети сказали, что Никон в Чернево не приезжал, а староста села Чернева Васильев уверял, что Никон приезжал в Чернево вечером в субботу (27 декабря) и скоро уехал. Подобные же показания с некоторыми подробностями дали и другие допрошенные. Что же, однако, случилось? На основании этих самых показаний и сохранившихся отрывков письма, какое написал тогда царский духовник Лукиан к Никону, можно догадываться, что дело происходило так: старец строитель Аарон, прибывши вместе с другими Воскресенскими старцами в Москву 26-го числа вечером, тогда же отправил нарочного к Никону с письмом, чтобы он спешил в Москву, так как государь говорил о нем духовнику своему и богомольцу: "Пятый-де год не могу дожидаться его". Никон быстро собрался в путь, вечером 27-го числа был в Чернове и, покормив только здесь лошадей, отправился в Москву. Потому-то его и не нашли в Чернове утром следующего дня царские посланные: он был уже в Москве. В тот же день, 28 декабря, пришел к царскому духовнику старец Филофей, объявил ему, что Никон в Москве на Воскресенском подворье, и просил доложить о том государю. Духовник доложил, но государь с гневом сказал: "Я посылал в Чернево, и патриарха там

не нашли... не следовало действовать обманом... Патриарху (Никону) до приезда Вселенских патриархов очей моих не видать". Духовник обо всем написал к Никону и присовокупил: "А что старец Аарон писал к тебе, будто великий государь мне, богомольцу своему, говорил: "Пятый-де год не могу дожидаться его" - и иные будто бы речи говорил, то все Аарон тебе, великому святителю, солгал, забыв страх Божий". Никон немедленно уехал в Воскресенский монастырь, а Аарон за его обман взят под стражу и впоследствии сослан в Соловецкий монастырь. Действовал ли так Аарон сам собою или, что вероятнее, по приказанию Никона и предварительному соглашению с ним, во всяком случае попытка Никона видеться с государем и удержать его от посылки к Восточным патриархам совершенно не удалась. И, возвратившись в Воскресенский монастырь, Никон прислал к государю новое письмо, в котором, сознаваясь, что своею просьбою о свидании с ним в Москве согрешил пред ним "безместно и непрощенно", убедительно испрашивал себе прощения.

Не удалась также и попытка Никона очернить черного дьякона Мелетия грека, которого царь намеревался послать с своими грамотами к Восточным патриархам. Никон писал царю, что Мелетий на все руки подписывается и печати подделывает, и сослался на Арсения Грека и его знакомых. Немедленно (26 декабря) позван был Арсений Грек, который был уже теперь строителем Спасского монастыря, и спрошен: какое дело он знает за Мелетием? Арсений указал на черного попа Иосифа грека, жившего в том же монастыре. Позвали Иосифа, и он сказал, что Мелетий с архимандритом Дионисием святогорцем написали на него, Иосифа, подложную грамоту от имени Антиохийского патриарха Макария; Мелетий подписал ее за Макария, а Дионисий подал патриарху Никону, который и отдал ее на хранение Арсению Греку. Позвали на очную ставку с Иосифом самого Мелетия, и он отвечал, что грамота та вовсе не подложная, а писал ее архимандрит Иаков грек в марте 1656 г. по приказанию патриарха Макария. Позвали Иакова грека, и он удостоверил, что действительно писал ее он, Иаков, по приказу Макария, как он был в Москве, а руку к ней приложил сам Макарий по-арабски, да на той же грамоте подписался и митрополит Никейский Григорий. Мелетий оказался оправданным, царь не поколебался в доверии к нему, и 1 января 1663 г., щедро снабженный деньгами на дорогу и для раздачи милостыни на Востоке, Мелетий отправился в путь с царскими грамотами к Восточным патриархам. А 2 января царь разослал ко всем своим архиереям грамоту, чтобы они, избрав архимандритов, игуменов и других искусных иноков из своих епархиальных монастырей, явились в Москву на Собор к 9-му числу мая. Вероятно, рассчитывали, что Мелетий успеет к маю или июню пригласить в Москву патриархов или по крайней мере привезет от них ответные грамоты. Но путешествие его продолжилось почти полтора года, и мы пока расстанемся с Мелетием и возложенным на него поручением.

В начале 1663 г. сосед Воскресенского монастыря по имениям Иван Сытин, уже имевший дело с патриархом Никоном, подал на него новую челобитную, в которой жаловался, что Никон пытал пыткой его крестьян, а иных и перевешал. Царь прислал челобитную к Никону, и Никон отвечал государю: "Свидетельствуюсь св. Евангелием, что я того дела совсем не ведаю.

То сделал малый, иноземец, который, застав крестьян Сытина на озере в воровстве рыбы, побил их без моего ведома батогами. Этого малого посылаю к тебе, государю, для расспросов; сотвори суд праведный, как имеешь сам судиться в день Судный... Попомни свое обещание, данное при нашем избрании в великой церкви, чтобы тебе не вступаться ни во что священное, как творишь ты ныне над нами великие неправды, слушаешь клеветников - врагов Божиих... Писал бы еще о многом, но скудость возбраняет: не имею и бумаги". Иноземец, однако ж, посланный Никоном, его боярский сын Александр Лускин, показал (22 февраля), что на озере он действительно сам, без ведома патриарха побил батогами пойманных в воровстве крестьян, но потом, когда крестьяне начали грозиться поджогом и он, схватив их, привел в Воскресенский монастырь, то Никон велел побить их за ту похвальбу в другой раз батогами. Тогда царь послал (25 февраля) сказать об этом Никону и спросить его, во что священное царь вступается, каких клеветников слушает, какие великие обиды творит ему. Никон отвечал: "Я свидетельствовался Евангелием в том только, что без моего ведома крестьяне побиты на озере иноземцем за воровство, а не в том, что они в монастыре биты, здесь действительно я велел побить их слегка батогами за их невежество предо мною. А в священное как государь не вступается? У меня все отнято: митрополитами и всем духовным чином государь владеет... Кто клеветники? Да вот такие, как Роман Боборыкин и Иван Сытин. Их челобитные на меня государь принимает, творит о тех делах сыски, а о чем я государю челом бью, указов о том не получаю... Какие обиды государь мне творит? Разослал грамоты по всем монастырям, и "про посулы и про взятки, что я, будучи на патриаршестве, у кого взял, сыскивают". Лживых свидетелей, которым быть на Соборе, - а Собору я и сам рад, только бы был праведный, - подкуплено против меня с пятьсот человек, а чтоб подкупить еще других в Палестине, туда послано 30000 рублей. Газский митрополит по указу государеву на меня пишет и путает, да у меня есть его тетради, и я дам ему ответ во всем не только правилами, но и Евангелием... Ваши духовные власти грамоте умеют немногие, а Пителир митрополит и того-де не знает, почему он человек..." Тогда царские посланные заметили Никону: "Напрасно он говорит, будто он один грамоте умеет; из всяких чинов найдутся люди, готовые говорить с ним книжным учением и правилами, а говорить есть что; только все удержано государскою милостию до Собора, а на Соборе будут Вселенские патриархи".

Месяца через два возобновилось дело Боборыкина с Никоном, начавшееся и продолжавшееся в 1660 - 1661 гг., но тогда не оконченное, - дело о спорной земле, с которой Никон, не дождавшись царского указа, приказал своим людям снять сено и хлеб и свезти в пользу монастыря. Дело остановилось на том, что Никон отказался выслать монастырских крестьян для расспросов в Москву и написал к царю резкое письмо. И как после этого не последовало из Москвы никакого указа о свезенном сене и хлебе, то Никон приказал хлеб обмолотить - в умолоте вышло зерна, по монастырским записям, будто бы 67 четвертей. Боборыкин в течение 1662 г. много раз приезжал в монастырь и настаивал, чтобы ему хлеб тот отдали. Но хлеб был уже издержан, и Никон говорил Боборыкину, чтобы он подождал, что купит столько же хлеба и отдаст. Не дождавшись исполнения этого обещания, Боборыкин с наступлением 1663 г.

подал опять челобитную на Никона, и из Москвы присланы были в Воскресенский монастырь окольный Сукин да дьяк Брехов с царским указом, чтобы Никон учинил с Боборыкиным сделку во всем.

Никон согласился, велел казначею принести шестьсот рублей, сколько нашлось в монастырской казне, и предложил Боборыкину взять из этих денег за 67 четвертей обмолоченной ржи по той цене, по какой тогда рожь в Москве продавалась. Боборыкин отвечал: пожато и обмолочено с той земли 600 четвертей с лишком - и, взяв со стола все шестьсот рублей, примолвил: это-де мне за половину. Ввиду такой неправды Никон прекратил сделку и объявил окольному и дьяку, что с Боборыкиным никакой сделки совершить нельзя: для него не напасись денег и от его ложного челобитья не откупиться и всем монастырем. Через несколько времени, а именно 16 июля, прибыли к Никону думный дворянин Баклановский да тот же дьяк Брехов с многими людьми - подьячими и стрельцами и принесли царскую грамоту. Выслушав эту грамоту, Никон подробно рассказал пришедшим весь ход тяжбы своей с Романом Боборыкиным и предъявил на него много других жалоб. Но Никону вновь предложили, чтобы он добровольно "сделался" с Романом, а когда Никон отвечал, что "он Романовою землею не владеет, а владеет своею купленною и Роман напрасно вклепывается", то Баклановский и Брехов объявили, что в таком случае им приказано отмежевать спорную землю Роману Боборыкину по его сказке, и поехали отводить ту землю. Раздраженный Никон как только узнал, что отмежевание действительно началось, созвал всю братию в церковь, велел принести и прочитать жалованную грамоту царя на имения Воскресенского монастыря и, положив ее под крест и образ Богородицы на аналое посреди церкви, совершил молебен св. Животворящему Кресту, а по окончании молебна начал возглашать громким голосом во всеуслышание следующие и иные клятвенные слова, выбирая их из 108-го псалма: *Да будут дние его мали, и епископство (надзор, власть) его да примет ин: да будут сынове его сирьы, и жена его вдова... да будут чада его в погубление... И да потребится от земли память их, занеже не помяну сотворити милость, и погна человека нища и убога... Возлюби клятву, и придет ему и пр.* На другой день Никон вновь совершил с братиею тот же молебен и с теми же возглашениями. В монастыре случайно находился тогда Боборыкин и даже присутствовал на самом молебне, но ничего не сказал. А после донес в Москву, что Никон проклинал государя царя со всем его домом.

Алексей Михайлович немедленно позвал к себе архиереев, находившихся в Москве. Когда архиереи пришли к государю, он со слезами передал им, что слышал о поступке Никона, и прибавил: "Я грешен, но чем согрешили мои любезные дети, чтобы произносить на них клятву истребления, и царица супруга моя, и весь дом?" "Нам всем, - рассказывает Паисий Лигарид, - было стыдно слышать это, и все мы единогласно просили исследовать дело с точностию. Убедился этим державный и, отпустив нас, ушел к себе. Утром созвал Синод и синклит и совещался с ними, кого отправить к Никону. Общим мнением избран был Паисий Газский как человек ученейший (сравнительно с русскими иерархами - это была совершенная правда) и способный давать

прямые ответы вопрошающему". Вместе с Паисием избраны были из духовных Астраханский архиепископ Иосиф и богоявленский архимандрит Феодосий, а из светских - князь Никита Одоевский (составитель Уложения), окольниковый Родион Стрешнев и думный дьяк Алмаз Иванов. Синод решил, чтобы как духовные, так и светские члены приняли от Никона благословение и чтобы Паисий сначала обратился к патриарху ласково. Послы, сопровождаемые отрядом воинов, 18 июля прибыли в Воскресенский монастырь, когда Никон находился у вечерни, и известили его о себе. Никон чрез наместника монастыря старца Иосифа отвечал им, что готов принять всех их, кроме Газского митрополита, если последний не принес к нему грамот от Вселенских патриархов. Но старцу Иосифу заметили, что Паисий с двумя другими духовными лицами прислан от Собора, как светские лица от государя, и им велено всем вместе идти к патриарху, и пошли в сопровождении воинов. Пред помещением Никона по обеим сторонам стояло множество монахов. Никон вышел из своей кельи в сени навстречу пришедшим и прочел по обычаю "Достойно есть" и литию. Одоевский спросил его от имени государя о спасении, Никон дважды поклонился, о здоровье государя не спросил. Светские приняли благословение от Никона, но власти, т. е. духовные, к благословию не подошли вопреки решению Синода. Окинув их глазами, Никон покраснел, как бы пристыженный, и спешно вошел в свою келью. За ним последовали и депутаты. Паисий начал первый говорить к Никону по-латыни, что царь и Собор прислали спросить его, за что он предал проклятию благочестивого государя, его супругу и чад. Слова Паисия переводил на славянский язык царский толмач Симеон. Никон повел речь уклончиво, обиняками, но Паисий настаивал: "Отвечай мне по-евангельски: да, так да; нет, так нет; проклинал ты или не проклинал царя?" *Никон:* "Я служу за царя молебны, а не проклиная его на погибель". *Паисий:* "Как же не проклинаешь, когда привел ужасные проклятия псалма на самодержца, чтобы иной принял надзор за его царством, чтобы супруга его царица стала вдовою, чтобы законные дети их осиротели?" Тут Никон закричал на Паисия: "Вор, нехристь, собака, самоставленник, мужик! Есть ли у тебя от Вселенских патриархов ко мне грамоты? Не в первый раз тебе ездить по государствам и мутить и здесь хочешь сделать то же... Зачем ты носишь красную мантию вопреки правил?" *Паисий:* "Затем, что я из настоящего Иерусалима, где пролил пречистую Кровь Свою Спаситель мира, а вовсе не из твоего лжеименного Иерусалима, который не есть ни новый, ни древний, но третий, т. е. грядущего антихриста". *Никон:* "Зачем не говоришь со мною по-гречески, на родном своем наречии, а по-латыни, на проклятом языке язычников?" *Паисий:* "Но ты и сам услышишь этот язык от папы, когда придешь в Рим для оправдания себя по делам своим. Скажи мне, пожалуй, что общего между тобою и папой, от которого ты не получил ни патриаршества, ни благословения? И теперь переходишь к нему, ищешь у него суда по апелляции! Языки же не прокляты, когда в виде огненных языков сошел на апостолов Дух Утешитель. Не говорю по-гречески потому, что ты совсем не знаешь этого золотого языка, но скажу тебе на ухо шепотом по-ромейски: ты, великий законник, откуда научился облекать в иноческое одеяние безбородых мальчиков?" После Паисия заговорил было Иосиф Астраханский, но Никон ему

в ответ: "Помнишь ли ты, бедный, свое обещание? Обещался ты и царя не слушать, а ныне говоришь! Разве тебе, бедному, что дали? Я ни слушать тебя, ни говорить с тобою не стану". За духовных заступились бояре, и Одоевский сказал: "Митрополита, архиепископа и архимандрита выбрали освященным Собором и о том докладывали великому государю, а ты их бесчестишь и тем наносишь многое досаждение и великому государю; Газский митрополит приехал к государю, и грамоту с ним прислал к царскому величеству Иерусалимский патриарх Паисий". К этому Газский митрополит прибавил еще от себя: "Меня ты называешь вором, собакою, самоставленником напрасно; я послан к тебе от освященного Собора с доклада великому государю; ты бесчестишь не меня, а великого государя и весь освященный Собор, и я отпишу о том Вселенским патриархам. А что называешь меня самоставленником, за это месть примешь от Бога: я поставлен от Иерусалимского патриарха Паисия, и ставленая грамота за его рукою у меня есть. Если бы ты был на своем патриаршеском престоле, я бы тебе свою ставленную грамоту показал, но теперь ты не патриарх, достоинство свое и престол самовольно оставил, а иного патриарха на Москве теперь нет, потому и грамоты от Вселенских патриархов к Московскому со мною нет". Никон снова закричал на Паисия, называл его вором и отказался говорить с ним. Паисию пришлось замолчать.

Тогда обратились к Никону Иосиф Астраханский и бояре и спрашивали его по извету Романа Боборыкина: "Для чего ты на молебнах жалованную государеву грамоту приносил, клал под крест и под образ Богородицы и велел читать ту грамоту, для чего выбирал из псалмов клятвенные слова и говорил?" *Никон*: "26 июля на литургии, после заамвонной молитвы, я со всем Собором служил молебен, и государеву жалованную грамоту прочитать велел, и под крест и образ Богородицы клал, но клятву произносил на обидящего, на Романа Боборыкина, а не на великого государя, за государя же на ектениях Бога молил". *Иосиф и бояре*: "Хотя б тебе от Боборыкина или от кого другого и была какая обида, клясть их тебе не следовало. А в государевой жалованной грамоте Романовой земли не написано; скажи правду: для чего ты ту грамоту приносил в церковь, клал под образ и на кого произносил клятвы?" *Никон*: "Клятву произнес я на Романа, а не на великого государя, а если вам мнится, что те клятвенные слова, выбирая, я говорил к лицу государя, будь я анафема. Приносил я в церковь государеву грамоту и велел прочитать потому, что в ней все земли Воскресенского монастыря да и та Романова вотчина записаны в Поместном приказе по государеву же указу. А за великого государя я на молебствии Бога молил и после молебствия читал над грамотою вот какую молитву". При этом Никон вынес из другой комнаты тетрадку и начал было читать по ней ту молитву, но ему заметили: "Вольно тебе показывать нам и иные молитвы - на молебне ты говорил из псалмов клятвенные слова". Никон не запирался, что такие слова из псалмов говорил, и присовокупил: "А хотя б и к лицу великого государя я говорил? Да за такие обиды я и теперь стану молиться: приложи, Господи, злославным земли". *Бояре*: "Как ты забыл премногую милость и почтение к тебе великого государя свыше прежних патриархов и не боишься праведного суда Божия, говоря такие непристойные речи про государя! Какие тебе от великого государя обиды?" *Никон*: "Он закона

Божия не исполняет и в духовные дела и в святительские суды вступается, делают-де всякие дела в Монастырском приказе и служить нас заставляют". *Бояре*: "Царское величество, государь благочестивый, закон Божий хранит, в духовные дела и в святительские суды не вступается. *Монастырский приказ учрежден при прежних государях и патриархах*, а не вновь для расправы мирских обидных дел. Даточных людей и поборы с монастырских крестьян берут для избавления православных христиан от нашествия иноплеменных, а не для прибыли и корысти; издавна бывало в окрестных христианских государствах, что во время нашествия неприятелей брались даже церковные утвари на жалованье ратным людям; сам ты с своих вотчин вспоможения государю никакого не делаешь, хотя вотчины те пожаловал государь же. Неправды же всякие начал делать ты, будучи на патриаршестве, начал вступать во всякие царственные дела и в градские суды, начал писаться великим государем, посылал от себя в приказы указы памяти, и всякие дела без указа государева брал из приказов, и начал многим людям чинить обиды, отнимать вотчины, людей и крестьян беглых принимать. Великому государю о тех твоих обидах много было челобитья; ты поступал не по-архиерейски, противно преданию св. отец, за такие обиды Бог тебе не потерпел. Возгордившись пред великим государем, ты самовольно оставил свой патриаршеский престол, и, живя в монастыре, гордости своей не покинул, и делаешь такие злые дела, чего бы тебе и помыслить не годилось, и повелению великого государя и всему освященному Собору во всем противишься и делаешь все по своему нраву". Еще Никон говорил: "Мне б дожидаться Собора, и я великого государя оточту от христианства, и у меня на письме уже все изготовлено". *Власти и бояре* отвечали: "Ты про великого государя говоришь такие непристойные речи, забыв страх Божий, и за это поразит тебя Бог", а бояре прибавили: "Нам про великого государя такие злые речи и слышать страшно, и, если б ты не был такого чина, мы б тебя за такие речи и живым не отпустили". Никон обратился к властям: "Какой у вас теперь Собор и кто приказывал вам его созывать?" *Власти*: "Этот Собор мы учинили по повелению великого государя ради твоего неистовства, а тебе до того Собора и дела нет, потому что достоинство свое и патриаршество оставил". *Никон*: "Я достоинства своего и патриаршества не оставлял". *Власти и бояре* уличали его письмом, которое он прислал по отречении от своей кафедры и в котором написал, что он, как пес, на свою блевотину не возвратится, и назвал себя бывшим патриархом, и примолвили: "По этому письму тебе и патриархом именоваться не годится". Никон с сердцем: "Я и теперь великому государю не патриарх". *Власти*: "Ты по самовольному твоему с патриаршеского престола отшествию и по нынешним неистовствам и всем нам не патриарх; достоин ты за свои неистовства ссылки и подначальства крепкого, потому что великому государю делаешь многие досады и в мире смуту". *Никон* с великим криком: "Явно, что вы пришли на меня, как жида на Христа". Долго кричал он, и власти, ничего не говоря, пошли от него из кельи к себе. "Разговор, - пишет Паисий Лигарид, - продолжался много часов, и происходило великое смятение. Никон, часто потрясая палкою и стуча ею крепко по полу, волновался, гремел, один противоречил всем... Когда говорил сам, то растягивал речь и оканчивал ее, где ему хотелось, а когда другие говорили, прерывал их слова, путал и не

давал кончить... Мы вышли из его кельи совершенно испуганными его дерзостью, раздражительностью и невоздержностью в речах".

Бояре, выходя от патриарха, сказали, чтобы он прислал архимандрита, наместника, попов и дьяконов и живущих у него иноземцев для допроса. "Никого не пришлю я из своих под мирской суд; берите сами, кто вам надобен". В тот же вечер приглашены были на гостиный монастырский двор, где имели помещение царские посланные, архимандрит и наместник, были допрашиваемы властями по извету Боборыкина и дали сказки, которые и отправлены были к государю. Про иноземцев, живших у Никона, архимандрит и наместник сказали, что знают из них по именам только двух: крестника его, немца Дениску Долмана, да белорусаца Наливайку Ольшевского, а эти двое знают имена и прочих. На другой день утром взяты были оба эти иноземца и после допроса посажены под караул. Они показали, что у Никона живут еще иноземцы: Андрей, Александр и Михаил Лыскины - служилые, шкловский посадский человек Евстафий Глумилов, еврей Михаил с женою, Михаил да Иван Магнусовы - немцы, Павел Гиреж и Тихон Булдиский. Этот другой день был воскресный. Некоторые из прибывших с властями и боярами из Москвы пошли в церковь помолиться и там замешкались, потому что Никон, взошедши на так называемую Голгофу, произнес длинную проповедь, в которой, уподобляя себя Христу, прилагал к себе всю историю Его страданий и, между прочим, говорил: "Вот уже пришла воинская спира; явились в суд Ирод и Пилат, т. е. Родион и Никита - бояре, а с ними и Иуда предатель - Алмаз; приблизились также архиереи Анна и Каиафа - Иосиф и Паисий" и пр. Слова эти немедленно были записаны и отправлены в Москву к государю вместе с отписями бояр о всем случившемся. А между тем продолжались допросы и прочей братии монастыря, показавшие, с какою грубою дерзостью произносились Никоном слова проклятия на молебне. Вечером того же дня вокруг монастыря поставлена была стража - стрельцы, потому что Никон, по сказанию Паисия Лигарида, задумал было поскорее бежать (хотя, судя по характеру Никона, это кажется сомнительным) и уже приготовил себе самую легкую повозку, но бегство его тотчас было замечено, он был остановлен, и вокруг его кельи, как и сам он говорит, не упоминая, впрочем, о своем бегстве, поставлены были московские стрельцы с мушкетами, с протазанами да с бердышами. В 21-й день июля, когда ударили в монастырский колокол, призывавший братию на послушание вынимать из печей кирпич для строившейся церкви, и когда Никон собирался туда же идти, к нему явились думный дьяк Алмаз Иванов да архимандрит Феодосий и сказали: "Тебе б из монастыря не ходить, а сидеть в келье". И с того времени, шел ли Никон в церковь или к каменному делу для осмотра, за ним следовали десятник да десять человек стрельцов с ослопьем. В 28-й день июля все члены депутации, светские и духовные, пришли к Никону и с большим шумом говорили: "Государь царь и власти велели тебе жить в Воскресенском монастыре и, кроме кельи да церкви, никуда не ходить". А митрополит Паисий сказал, что с Собора прислана грамота, которую он, Никон, должен выслушать. "Да они все моего рукоположения, - отвечал Никон, - они пишут не от правил, а выдумали новые законы, будто могут судить своего патриарха; но такие новые законы, по первому правилу Седьмого Вселенского Собора, да будут

прокляты". Последовало большое смятение, все говорили и кричали. Наконец, князь Одоевский объявил Никону: "Государь указал быть здесь голове стрелецкому с стрельцами для караула". И все вышли от Никона и отправились в Москву. А спустя неделю и стрельцы московские тайком сошли с караулов на гостинный двор да в день Преображения вместе с головою стрелецким рано утром уехали в Москву же.

Когда возвратившиеся из Воскресенского монастыря власти и бояре представлялись государю, то он, взглянув с улыбкою на Паисия, спросил: "Ну что, видел Никона?" "Поистине, - отвечал Паисий, - лучше бы мне было не видеть такого чудовища, лучше бы я хотел быть слепым и глухим, чтобы не слышать его циклопских криков и громкой болтовни". Не остался в долгу и Никон пред своим соперником. Вслед за тем как царские посланные отправились в Москву, Никон отправил к государю длинный извет, в котором особенно нападал на Паисия, жаловался на его грубость, что он не принял от патриарха благословения, как следовало бы, не приветствовал ласковым словом, убеждал государя не доверять такому самозванцу митрополиту, не имеющему законных свидетельств, и взводил на него множество и других обвинений. Но на извет Никона не обратили внимания.

Вскоре после этого посетил Никона архимандрит афонского Констанонитова монастыря Феофан. Он был родом не грек, а белорусец и потому, отправляясь в Москву за милостынею для своей обители, упросил, чтобы ему дали грамоту за печатями всех афонских монастырей в удостоверение того, что он действительно есть архимандрит одной из афонских обителей. Находясь в Москве, Феофан отпросился у государя на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, но между тем самовольно отправился в Воскресенский, хотя иноземцам запрещено было ездить туда без позволения государева. Когда об этом узнали, Феофана подвергли допросу, и он не стал заператься, но оправдывал себя, что будто бы не знал о таком запрещении, и ссылаясь на пример другого какого-то архимандрита Исаакия, который ездил туда тоже без спроса у государя. О своей же поездке в Воскресенский монастырь Феофан показал, что, находясь в Москве, встретил Никонова келейника, новокрещеного Дениса, и сообщил ему, что привез к патриарху грамоту от двадцати монастырей Афонской горы и мощи священномученика Власия. Никон прислал за архимандритом телегу. Представляясь патриарху, Феофан принял у него благословение и поднес ему грамоту от афонских монастырей и святые мощи (архимандрит умолчал, что привез еще Никону, о чем свидетельствует сам Никон, изданную в Риме книжицу "Толкование на песнь "Величит душа моя Господа", где напечатано было письмо Паисия Лигарида под его мирским именем Панталеона к одному архиепископу римской веры). Никон принял архимандрита ласково, умыл ему ноги и звал его к своей трапезе. У патриарха за трапезою ели в тот день много мирских людей, человек с двести. И патриарх говорил про Паисия, митрополита Газского, как он по указу государеву приезжал к нему с боярами, что бояре у его благословения были, а Паисий не был и братского целования не учинил, за что стало патриарху гневно, и между собою учинили они прекословие, и ради гнева патриарх

поступил дерзостно - назвал Паисия псом и иные досадительные слова ему сказал. "Но, - продолжал Никон, - хотя я ему такие оскорбительные слова говорил, только гнева на него не держу и, памятуя правила св. отец, не получа с ним прощения, Божественной службы чуждаюсь. А он называл меня латинником, будто я хочу идти под суд папы Римского. И то он на меня взносит, не рассудя: я-то говорил на папино лицо по такому намерению, что у нас глава нового Рима - Цареградский патриарх, и я под суд хочу идти к нему, а не к латиннику. И с того времени по сие число у меня с Паисием пря, и за очи он называет меня не патриархом, а я его - не митрополитом. А как он прежде сего именовал меня патриархом и ходил ко мне под благословение, в то время и я его митрополитом именовал и никаких досадительных и бесчестных слов ему не говаривал. А ведаю я про то подлинно, что он благословен и рукоположением посвящен в митрополиты Цареградским (Иерусалимским) патриархом Паисием". Отпуская Феофана, Никон благословил его иконою, дал ему на милостыню 20 рублей и велел отвезти его в Москву тому же своему келейнику. Если верно передал архимандрит Феофан слова Никона, то они дают невысокое понятие о Никоне. Его объяснение, будто, говоря о суде пред папою, он разумел вовсе не папу, а патриарха нового Рима, т. е. Цареградского, напоминает иезуитскую уловку известного Иоасафа Кунцевича, который, желая привлечь в унию православных полочан, сначала уверял их, что и он, как они, подчиняется Вселенскому же патриарху, разумея под этим именем в своей совести не Цареградского патриарха, а папу. И если Никон подлинно знал, что Паисий посвящен в митрополиты законною властью, то за что же называл его самоставленником, самозванцем и под.

Вина архимандрита Феофана состояла не в том одном, что он самовольно ездил к Никону, но еще в том, что предварительно не заявил в Посольском приказе грамоту, которую привез с Афона и отдал Никону; по возвращении от Никона в Москву самовольно, без дозволения государева, служил здесь литургию в приходских и домовых церквах и в мирских домах говорил непригодные речи, а спустя немного времени начал часто ходить в Посольский приказ и докучать, чтобы государь пожаловал ему милостыню и отпустил из Москвы на Афонскую гору. Когда же Феофану объявили, что отпустить его теперь невозможно, так как вокруг Киева и во всей Малороссии находится неприятельское войско, польское и татарское, он отвечал, что поляки и татары ему нестрашны, и продолжал упорно настаивать на своем отпуске. Между тем было дознано, что Феофан собирал в Москве тайным образом вести о государевых ратных людях и всякие другие, а некоторые из греков, бывших в Москве, сообщили, что он до приезда в Россию был у польского короля и гетмана Потоцкого, у жены которого состоял прежде отцом духовным, и что Потоцкий отпустил его в Москву как своего лазутчика, чтобы он собрал там нужные сведения и про все разведать. Сделалось понятным, отчего так настойчиво хлопотал Феофан о своем отпуске именно теперь, когда гетман Потоцкий вступил с своим войском в черкасские украинские города. И потому по указу государя от 11 декабря 1663 г. Феофан за все его вины сослан был под строгий надзор в Кириллов монастырь. Оттуда он писал письма к патриарху Никону с просьбою походатайствовать об освобождении его чрез государева

духовника и Федора Михайловича (Ртищева); писал о том же к самому Ртищеву и к думному дьяку Алмазу Иванову; писал к находившемуся в Москве какому-то "пану Ериповичови, педагогу детей епископовых", чтоб о заточении его известил епископа, а епископ письменно попросил бы о нем Ртищева и самого государя; писал еще к какому-то дьякону Арсению в Москве, чтобы уведомил о нем чрез писание не только епископа, но и "пана гетмана" через запорожских казаков, какие находятся в Москве. Но, не видя никакого успеха от всех своих писем, Феофан решился бежать и действительно бежал из Кириллова монастыря ночью под 7 октября 1665 г. Как только государь получил известие об этом, тотчас приказал разослать указы в Псков, Киев и другие места с описанием примет бежавшего Феофана (указано было и на то, что он "речью словесен и языком греческим, турским, и волоским, и польским навычен"), чтобы его, где бы он ни появился, в монашеской или в мирской одежде, не пропускали за границу, а схватили и в оковах представили в Москву. Послал государь дьяка Димитрия Шубина и к патриарху Никону, чтобы он дал такой же приказ в монастыри своего строения относительно бежавшего Феофана, и Никон обещался исполнить, но сказал: "Я знаю Феофана и не чаял от него ничего худого; недавно он писал мне из Кириллова, но в письме нет ничего дурного", причем вручил письмо дьяку и присовокупил: "Есть и похуже его, архимандрита, митрополит Газский; он всякой ереси научен, и мясо ест, и на землю молдавского князя навел турецкого царя, который и овладел ею". Впрочем, все эти хлопоты о поимке Феофана скоро прекратились: 18 октября он был схвачен в Вологодском уезде на устье реки Кубены, в восьмидесяти верстах от Кириллова монастыря, и, будучи приведен в монастырь, пред всем монастырским Собором объявил за собою государево слово в надежде, что будет вызван в Москву для допроса. Но государь приказал (от 13 ноября), чтобы допросили Феофана в монастыре про то слово и отписали в Посольский приказ, а самого Феофана сослали в Соловецкий монастырь. Феофан государева слова не объявил, а дал только за своею рукою письмо к государю и в декабре был сослан в Соловецкий монастырь.

Судя по тому, что Никон мог угощать своею трапезою разом по двести человек мирян и жаловать по двадцати рублей милостыни, как видели мы из рассказа архимандрита Феофана, нельзя, конечно, предположить, чтобы он, Никон, находился тогда в крайней бедности. А после таких резких, хульных, непростительных отзывов о царе государе, какие позволил себе Никон в своих разговорах с царскими посланцами и особенно в своей книге "Возражений", трудно было подумать, чтобы вскоре за тем не устыдился Никон обратиться к тому же оскорбляемому и унижаемому им государю и говорить ему о своей крайней нужде, просить у него пособия, уверять его, что невинен пред ним, что на него, бедного патриарха, все клеветают и лгут. Между тем Никон так именно поступил. В начале ноября 1663 г. он написал к государю следующее письмо: "Пришли вести, что польские и литовские люди идут в твои государевы города и стоят недалеко от Вязьмы, пойдут и дальше. А мы живем в пустом месте, прискудали до конца, хлеба и денег нет. Милосердый великий государь! Выдай милостивый твой указ, чем нам пропитаться и защититься на пустом месте. Помяни святое свое слово, как присылал я сельничего своего Афанасия

Ивановича Матюшкина, и он говорил пред Христовым св. образом много раз: "Великий государь тебе велел сказать, что не покину тебя вовеки". А когда в прошлых годах объявили о татарском нашествии и я приходил в Москву, то думный дьяк Алмаз Иванов сказывал мне твоим государевым словом: "Ступай, живи в своих монастырях, и великий государь тебя не покинет, велит уберечь". Когда ты, великий государь, был на освящении церкви в Воскресенском монастыре и я тебе говорил, что место хорошо, да строить нечем, то ты дал слово свое: строй, а мы не покинем. Вспомнив все это, обратись на милость. А что тебе лихие люди *клевежут на меня, ей, лгут*. А я ныне за твоим государевым словом хотя и умереть рад здесь. Если не попомнишь слова и обещания твоего, то на тебе Бог взыщет, а мне смерть - покой по писаному". Это послание передать государю Никон просил Федора Ртищева, к которому, между прочим, писал: "Пишем, надеясь на твое незлобие и вспомнив, как ты был здесь после отъезда нашего из Москвы и слово свое дал быть нашим братом и строить о всяких монастырских нуждах. Да и в прошлом 1662 г. как ты присылал брата своего Федора Соковнина, а в другой раз Порфирия, то приказывал, чтоб нам тебя иметь в любви своей, как прежде". Какие были последствия этого послания Никонова к государю, неизвестно.

Пора нам вспомнить об иеродиаконе Мелетии, отправившемся на Восток еще 1 января 1663 г. Прибыв в Константинополь, Мелетий вручил царские грамоты патриарху Дионисию. Случайно там находился и патриарх Иерусалимский Нектарий. Дионисий сначала принял одну царскую грамоту, адресованную на его имя, но потом по соглашению с Нектарием и по его совету вскрыл и остальные грамоты, а подателю их велел жить скрытно в особой келье. Грамоты оказались краткими; в них говорилось только, что патриарх Никон самовольно оставил свою кафедру, и она уже пять лет пребывает праздною, и все четыре патриарха приглашались в Москву для исследований и распоряжений по этому случаю. Подробно же передать патриархам о деле Никона поручено было Мелетию и на память ему дана была какая-то записка, показанная им и патриархам, в которой заклинали его рассказать патриархам все, что он слышал о Никоне от самого государя. Ехать в Москву патриархи признали для себя по обстоятельствам делом невозможным, но рассудили составить и написать на бумаге соборное определение, или свиток *τόμος*, по делу Никона, чтобы отправить к государю. Только как же составить? Основаться на словесных показаниях одного человека, Мелетия, было бы противоканоническим, и патриархи придумали составить свое определение безыменно, вовсе не упоминая о Никоне, а как будто имея в виду вообще архиерея или патриарха на тот случай, если бы он совершил такие проступки, какие приписывались Никону. Между тем в Москве начали беспокоиться: приближался май месяц, в который по предположению должен был открыться в Москве Собор на Никона, а ответа от патриархов не было никакого. И вот 24 апреля 1663 г. Паисий Лигарид докладною запискою спрашивал государя: "1) Должен ли я писать и повторить патриарху Вселенскому о деле патриарха Никона? 2) Должен ли я молить Иерусалимского патриарха, пребывающего в Царьграде, чтобы приехал в царствующий град Москву и своим присутствием украсил хотящий быть Поместный Собор? 3) Что нужно написать Мелетию,

который, как слышу, уже давно в Царьграде?" Писали ли что из Москвы или не писали, только в мае занялись в Царьграде составлением соборного определения, или свитка, как значится в самом его начале. Времени потребовалось немало, потому что определение вышло очень обширно: оно изложено в 25 главах в форме вопросов и ответов. Оба патриарха, находившиеся в Царьграде, подписали это определение в двух совершенно сходных списках; потом один список был отправлен к патриарху Александрийскому Паисию с самим иеродиаконом Мелетием, а другой список Нектарий послал с своим калугером к Антиохийскому Макарию. Патриархи эти внимательно рассмотрели грамоту и также подписали. Между тем Нектарий Иерусалимский успел уже переехать из Константинополя в Яссы. И здесь-то, наконец, вручены были Мелетию оба списка грамоты патриархов Иерусалимским первосвятителем, который сделал к ней еще особую приписку от себя в феврале 1664 г. Довольно долго, однако ж, и по получении грамоты Мелетий оставался в Яссах частью потому, что на всем пути, и в Молдавской земле, и в Малороссии, происходили военные движения, а частью с целию, не удастся ли как-нибудь склонить на поездку в Москву Иерусалимского патриарха, который то давал обещание ехать, то отменял, так что на случай его приезда русским правительством сделано уже было распоряжение встретить его с такими же почестями, с какими принят был прежде Иерусалимский патриарх Паисий. Когда же патриарху Нектарию будто бы прислан был султанский указ не ехать никуда, далее Ясс, Мелетий отправился в Москву и после многих тревог на пути и нападений от ратных людей прибыл в нее в мае 1664 г., в самый день Пятидесятницы вместе с Амасийским митрополитом Косьмою, который выдавал себя за соотечественника и даже племянника Иерусалимского патриарха Нектария.

Соборный свиток, или грамота. Восточных патриархов, привезенный Мелетием в двух списках, принят был в Москве с великою радостью. На все вопросы по делу Никона здесь изложены были такие ответы, что освященному русскому Собору оставалось только воспользоваться ими, чтобы порешить это дело окончательно. Патриархи в своих ответах объясняли и утверждали: 1) царь есть верховный владыка в своем царстве и имеет право наказывать всех сопротивляющихся ему своих подданных, хотя бы кто из них занимал самое высшее место в Церкви; в монархии должно быть одно начало - царь, а не два, и патриарх в вещах мирских должен покоряться царю наравне с прочими подданными и не вправе требовать от него никаких отчетов в его делах, а в вещах церковных не должен изменять древних уставов и обычаев; если же дерзнет сопротивляться царю или изменять древние уставы, то да будет лишен своего достоинства (гл. 1 - 5, 24). 2) Если епископ, или митрополит, или патриарх захочет усвоить себе какие-либо названия, не свойственные его сану, и именоваться государем, увлекаясь гордостью и мирскою славою, то да извергнется; если захочет обладать и мирскою властью, и священническою честью, да извергнется; если дерзнет вмешиваться в чужие епархии и ставить туда священников, то вместе с поставленными от него да низложится (гл. 10, 11, 13). 3) Никакой архиерей не должен самовольно иждивать доходы своей епархии на постройку своих монастырей или на заселение новых мест - иначе

подлежит наказанию (гл. 12). 4) Если кто ударит слугу епископа или патриарха, то обида восходит на самого владыку лишь в том случае, когда слуга действовал от имени своего владыки, а если слугу того ударили или бесчестили словесно царские сановники за его строптивость, то обида остается только на нем одном и не восходит на владыку, и такая обида подлежит приговору только мирского суда; если же владыка сам собою изнесет слово на бывшего, то будет виновен и без всякого оправдания (гл. 25). 5) Если епископ или патриарх своею волею отречется от своего престола, сам сложит с себя архиерейские одежды пред множеством народа, говоря, что не будет более архиерействовать, и отойдет в монастырь, то уже не может снова воспринять свой сан и архиерействовать, а должен считаться простым иноком; если же по таком отречении бесстыдно и дерзновенно начнет архиерействовать там, куда удалился, и хиротонисать, то да извержется вместе с хиротонисованными; если даже не отречется от своего престола, а только своевольно удалится от него и без благословной причины останется в удалении от него более шести месяцев, да извержется; если даже будет пребывать в пределах своей епархии, в каком-либо монастыре или селении более шести месяцев вдали от своей кафедры, да извержется, и Поместный Собор имеет полное право поставить на эту кафедру и епархию нового архиерея (гл. 14 - 20). 6) Никакой архиерей или патриарх не должен отлучать какого-либо христианина от Церкви, пока не объявится вина его, за которую церковные правила повелевают отлучать; если же отлучит кого несправедливо, по гневу или нерассудительности, то сам подлежит отлучению (гл. 6). 7) Начальствующий в какой-либо местной Церкви митрополит или патриарх подлежит суду своих епископов, хотя бы они были его рукоположения, так как по архиерейской благодати они равны ему, и хотя бы число их было менее двенадцати; если же обвиненный ими захочет перенести свое дело в высший суд, то этот суд по отпадении папы Римского, которому был прежде предоставлен Церковью, принадлежит ныне Цареградскому Вселенскому патриарху, и если с Цареградским патриархом согласятся и прочие патриархи и вместе произнесут решение, то это уже будет решение окончательное, беспрекословное, ибо хотя они живут в епархиях под игом басурманов и иногда даже изгоняются от своих престолов, но благодать Святого Духа в них чрез то не оскудевает и они не лишаются дарованной им от Бога власти вязать, и решить, и произносить верховный суд в Церкви (гл. 7 - 9, 21 - 23). В заключение своего соборного свитка патриархи поместили следующее общее определение: "Архиерей, который окажется виновным против изложенных вопросов и ответов, да примет заслуженное наказание и да извержется от архиерейского достоинства и власти, на место же его да поставится в ту епархию другой канонически". А патриарх Нектарий в своей приписке к свитку сделал пояснение: "Настоящее определение простирается не только на епископа или митрополита, но и на патриарха; должен составиться Собор, и виновный должен быть позван на Собор однажды, дважды и трижды; если явится и даст ответы, то по ответам и судится от Собора; если же не явится, то Собор и заочно осудит его окончательно".

Теперь, казалось, ничто уже не воспрепятствует положить предел несчастной смуте, столько времени нарушавшей мир Церкви и государства. К

сожалению, нашлось препятствие. Надобно заметить, что еще в то время, когда иеродиакон Мелетий отправился с царскими грамотами к Восточным патриархам, начались попытки помешать успеху этого предприятия. Некоторые из находившихся в Москве греков, преданных Никону, с ведома ли его или без ведома, начали вслед за Мелетием слать в Константинополь к своим родным и знакомым письма, чтобы возбудить там между соплеменниками общественное мнение в пользу Никона. В письмах этих утверждали, что Никон большой филэллин и великий защитник православной веры, что он - второй Златоуст и царь ходит к нему тайком, ночью, слушать его беседы, а только бояре его ненавидят; что грамоты, повезенные Мелетием к патриархам, составлены Паисием Лигаридом, которого подкупили бояре; что Мелетию дано 8000 золотых для подкупа самих патриархов и пр. Такие вести разглашались по всему Константинополю между греческим населением и высказаны были даже Вселенскому патриарху, а какой-то Мануил Мапвал даже будто предлагал тайно двум находившимся в Царьграде патриархам 15000 золотых, чтобы только они подали свой голос за Никона, а не против него, и когда не достиг желаемого, то искал убить Мелетия. Об всем этом сообщал государю сам Мелетий. Потерпев неудачу в Константинополе, интрига в пользу Никона тотчас же была перенесена в Москву. В марте, пока Мелетий с ответною грамотою патриархов медлил еще в Яссах, 22-го числа прибыл в Путивль Иконийский митрополит Афанасий и, называя себя племянником Цареградского патриарха Дионисия, заявил, что едет от дяди своего, патриарха, с тайными речами к государю по его великому царскому делу, и прибавил, что видел в Яссах иеродиакона Мелетия, который за ратными людьми не мог ехать далее. Немедленно пропущенный в Москву Афанасий не согласился открыть здесь свою тайну в Посольском приказе, сказав, что дал присягу патриарху объявить ту тайну только одному государю. Явившись затем пред лицо государя, Афанасий произнес: "Меня прислали Цареградский патриарх и весь Собор и велели сказать: как Господь пришел к ученикам Своим, дверем затворенным, и сказал: "Мир вам", так и я от имени Цареградского патриарха и всего Собора говорю тебе, государь: примиришь с Никоном патриархом и призови его на престол по-прежнему". Государь усомнился, потому что у Афанасия не было никакой грамоты от патриарха, и спросил: "А знаешь ли ты о посольстве Мелетия?" "Знаю, - отвечал Афанасий, - но Мелетия патриархи не приняли и твоих грамот и милостыни не взяли". "Как же это так? Мелетий писал мне совсем иное", - возразил царь. Приехал, наконец, Мелетий и привез соборный свиток четырех патриархов за их подписями. Царь созвал синклит и освященный Собор, свиток патриарший торжественно был прочитан, и вдруг Иконийский митрополит Афанасий объявил пред всеми, что свиток и подписи патриархов на нем подложны. Поднялся большой шум во всей палате, между Мелетием и Афанасием завязался спор, стали присматриваться к подписям. Паисий Газский сказал: "Я признаю за подлинную подпись патриарха Антиохийского Макария; она начертана сперва по-арабски самим патриархом, потом по-гречески его экономом и подписчиком, священником Иоанном Хиосцем, почерк которого я вполне знаю". А Косьма, митрополит Амасийский, приехавший с Мелетием, заявил: "Я очень хорошо узнаю подпись патриарха Иерусалимского Нектария:

он мой соотечественники старый друг". Все обрадовались этим двум свидетельствам. Тогда сам Афанасий сознался, что и подпись Вселенского патриарха не заключает в себе подделки. Осталась незасвидетельствованною только подпись Александрийского патриарха.

Нектарий Иерусалимский, подписавший соборный свиток в феврале 1664 г., спустя около месяца, именно 20 марта, написал к государю грамоту еще от себя лично, и если бы эта грамота была доставлена в Москву своевременно, вскоре после возвращения туда Мелетия, то могла бы вполне удостоверить царя в подлинности соборного свитка, привезенного Мелетием. Ибо в начале своей грамоты Нектарий подробно рассказал, как приняты были в Царьграде царские грамоты, посланные с Мелетием, и как составлена была патриархами ответная грамота, или соборный свиток, и обозначил самое содержание свитка, всецело направленное к осуждению Никона. Но далее Нектарий повел уже речь в защиту Никона и писал: "Нам кажется, что Вы можете покончить дело мирным образом. Пригласите однажды и дважды кир Никона, чтобы он возвратился на свой престол, и покажите ему для точного соблюдения статьи нашего соборного свитка... Если Никон окажется преступившим эти статьи, но раскается и даст обещание следовать им, то достоин прощения... Просим Ваше величество не приклонять слуха к советам людей завистливых, особенно если такие будут духовного сана... В настоящем положении, когда наша Церковь находится под игом рабства, мы уподобляемся кораблям, потопляемым беспрестанными бурями, и в одной Вашей Русской Церкви видели как бы Ноев ковчег для спасения от потопа. А теперь кто внушил Вам отвращение от мира?... Помыслив о сем, миролюбивейший государь, последуй кротости Давида, восприими ревность по вере православной и постарайся со тщанием вновь возвести законного патриарха Вашего на престол его... Если Никон говорит, что он не отрекался от престола, но от непокорных, то, очевидно, он обличает непокорность народа - покажите ж к нему должное повиновение, как к строителю благодати... Он не подал письменного отречения своему Собору, и Ваше величество, равно как и весь народ, не принимали этого отречения..." В заключение, однако ж. Нектарий сказал: "Если Никон по вторичному приглашению не согласится возвратиться на свой престол, то извольте поступить по правилам, указанным в нашем соборном свитке, ибо нельзя же столичному городу быть без духовного пастыря. Необходимо одно из двух: или возвратить Никона, или на его место возвести другого, только гораздо лучше было бы возвратить Никона". К сожалению, эта грамота Нектария почему-то слишком запоздала и доставлена в Москву не раньше ноября или даже декабря того года, а потому не могла уже оказать никакого влияния на ход событий. Царь Алексей, долгое время не имевший возможности убедиться совершенно в подлинности соборного свитка, привезенного Мелетием, пришел к мысли, что одних патриарших грамот недостаточно для окончания дела Никонова и непременно нужно пригласить в Москву лично самих патриархов, и решился снова отправить к ним посольство. Для этого назначены были тот же иеродиакон Мелетий и грек Стефан Юрьев, называвший себя племянником патриарха Дионисия, с несколькими светскими при них лицами. В сентябре 1664 г., они выехали из Москвы, а от 22 октября Стефан грек извещал Паисия

Лигарида, что в Киев прибыли они еще 14 октября и проживают там за невозможностью двигаться далее, что Мелетий едет "с великою пышностью и гордо", открыто выдает себя за царского посла, так что все соседние места сведали, куда и зачем он едет, и с ним ехать крайне опасно, потому что все дороги заняты, чтоб его схватить. Царские посланцы, очевидно, подвигались вперед весьма медленно, и в то время, когда они еще продолжали свой путь к патриархам для приглашения их в Москву, Никон решился на отчаянный поступок, чтобы предотвратить созвание этого Собора.

В ночь с 17-го на 18-е число декабря, под неделю святых отец, часа за полпята (4 1/2) до света, к Никитским воротам города Москвы подъехало до десяти саней с сидевшими на них людьми и человек пять или шесть верховых. Они постучали в ворота, которые были заперты, и, объявив часовому стрельцу, что едет "звенигородская власть" (т. е. Савина монастыря), велели открыть ворота, и были пропущены. То же самое они объявили потом и также были пропущены у Смоленских ворот, у Троицких, у Отводной башни и быстро поехали к Успенскому собору. В соборе шла заутреня, читалась вторая кафизма. Вдруг загремели северные двери, и в церковь с шумом двинулось множество людей: впереди шли "напролом, с великим бесстрашием" люди "в служилом платье", за ними старцы, за старцами несли крест, а за крестом следовал патриарх Никон с посохом в руках. Крест поставили в церкви у Спасова образа, против патриаршего места, а Никон взошел на патриаршее место и, отдав свой посох одному из старцев, взял стоявший там посох святителя Петра. Старцы запели "Ис полла эти, деспота" и потом "Достойно есть". Никон приказал остановить чтение Псалтири, а соборному дьякону Михаилу велел говорить ектению: "Помилуй нас. Боже" - и сам с посохом святителя Петра пошел прикладываться к святым иконам, к мощам чудотворцевым и к ризе Господней. Возвратившись на патриаршее место, Никон, когда окончилась ектения, за которой поминалось и его имя, прочел молитву "Владыко многомилостиве" и послал сказать митрополиту Ионе, находившемуся в церкви, чтоб шел под благословение к патриарху. А надобно заметить, что Иона, митрополит Ростовский, был тогда блюстителем патриаршего престола после столько ненавистного Никону митрополита Крутицкого Питирима, который с 6 августа этого года сделался митрополитом Новгородским. Иона в испуге не осмелился противиться Никону и явился принять у него благословение, которое вслед за митрополитом приняли также протопоп и прочие духовные лица, бывшие в церкви, а за ними и многие из народа. Тогда Никон послал Иону вместе с своим Воскресенским архимандритом и ключарем собора к великому государю и велел известить о своем приходе. Царь, находившийся тогда также на утренней службе в церкви преподобной мученицы Евдокии, что у него на сених, был поражен известием, какое передали ему Иона и ключарь, и тотчас же послал звать к себе думных бояр и архиереев. Весь двор внезапно осветился, и в нем происходили шум, беготня и общее смятение, как будто случилось неожиданное нашествие врагов. Но скоро собрались бояре и митрополиты: Павел Крутицкий, Паисий Газский и Феодосий Сербский (этот Феодосий еще с 1662 г. оставлен был государем в Москве для служения в Архангельском соборе и жил в Кремле у Никольских ворот в доме, принадлежавшем прежде боярину князю Борису

Михайловичу Лыкову). Царь негодовал, бояре кричали, архиереи призывали Бога. И с общего совета царь приказал идти в соборную церковь митрополиту Крутицкому Павлу да боярам - князю Никите Одоевскому, князю Юрию Долгорукову, окольниковому Родиону Стрешневу и думному дьяку Алмазу Иванову и говорить Никону: "Ты самовольно оставил патриаршеский престол, обещался не быть впредь патриархом, съехал жить в монастырь, и о том писано к Вселенским патриархам; зачем же ныне приехал ты в Москву и вошел в соборную церковь без ведома великого государя и без совета всего освященного Собора? Поезжай опять в свой монастырь". Никон отвечал: "Сошел я с престола, никем не гонимый, и пришел ныне на свой престол, никем не званный, чтобы великий государь кровь утолил и мир учинил; от суда же Вселенских патриархов я не бегаю, а пришел на свой престол по бывшему мне явлению, и вот возьмите письмо к великому государю". Митрополит Павел и бояре сказали, что без ведома государя принять того письма не смеют и известят о нем государя. Государь, выслушав их, приказал им в другой раз идти к Никону, повторить ему прежнее приказание, а письмо у него взять. Никон, отдавая им письмо, сказал: "Если великому государю приезд мой в Москву ненадобен, я пойду в монастырь назад, но пока от государя не будет отповеди на мое письмо, из соборной церкви не пойду". Письмо было доставлено государю и тотчас же прочитано. Сначала Никон описывал здесь будто бы бывшее ему явление: "Слыша смятение и великую молву о патриаршеском столе, как одни то, другие иное говорят, каждый что хочет и ни в чем нет истины, я в 14-й день ноября 1664 г. удалился в пустынь вне монастыря (т. е. в свой скит) на молитву и пост, да известит мне Господь Бог, чему подобает быть; молился довольно со слезами, и не было мне извещения. С 13 декабря уязвился я любовью более прежнего, приложил молитву к молитве, слезы к слезам, бдение к бдению, пост к посту и постился даже до 17 декабря, со вторника до субботы ничего не ел и не пил, не вкушал сна, лежа на ребрах, и, только утомившись, садился на один час в сутки; все труждался, и молился со слезами, и вопиял к Господу Иисусу, да явит волю Свою. И когда после многого труда сел я в церкви на месте своем, вдруг сведен был на меня малый сон, и я видел: я в соборной церкви, в ней великий свет, но из живых людей никого не видно, а стоят одни усопшие святители и священники по сторонам, где гробы митрополитов и патриархов. И какой-то святолепный муж, украшенный честною сединою, в святительских одеждах, обходит всех других святителей с хартиєю и киноварницею в руках, и все подписываются. Я со страхом подошел к нему и спросил: что вы подписываете? Он отвечал: о твоём пришествии на св. престол - и по моей просьбе показал мне самую хартию. Я спросил: а ты подпишешь? Уже подписал, отвечал он. Я со вниманием посмотрел в хартию и по указанию его прочел подпись: "Смиранный Иона, Божию милостию митрополит". Я с дерзновением пошел к своему (патриаршему) месту, и едва хотел взойти, как увидел стоящего на нем святителя в архиерейских одеждах и ужаснулся. Но он сказал мне: не ужасайся, брате, такова воля Божия; взыди на стол свой и паси словесные Христовы овцы. И вдруг сделался невидим; я же, утвердившись, взошел на свое место и думаю, что тот стоявший святитель был чудотворец Петр. Ей-ей, было так: Господь мне в том свидетель. Аминь".

Нельзя не заметить, как сходно это новое видение Никона с тем, которое будто бы было ему еще в январе 1661 г. и тоже происходило в соборной кафедральной церкви и при участии тех же святителей.

Окончив сказание об этом новом своем видении, Никон в том же письме поместил еще от себя целое послание к царю, царице, царским детям и сестрам и, выразив им в самом начале свои благожелания, продолжал: "Я нахожусь теперь в св. великой соборной церкви Пресв. Богородицы... и пришел видеть пресветлые лица ваши и поклониться пресветлой славе царствия вашего... пришел видеть, как у вас, государей, и у всех живущих в царствующем граде Москве и во всех градах? Пришли мы в кротости и смирении, как научил нас Господь: *Научитесь от Мене, яко кроток сечь и смирен сердцем*, и несем с собою мир, завещанный нам Господом... И не один только мир даровать кому мы имеем власть благодатию Божию, но и оставление грехов... А если и больше сего восхощет царское величество услышать, мы не отречемся сказать: желаешь ли принять Самого Христа? Мы твоему благородию покажем, как это сделать по слову Господа: *Приемляй вас. Мене приемлет...* Приими нас во имя Господне и отверзи нам двери дома твоего..." Когда окончилось чтение письма патриарха Никона, "все мы ужаснулись, - говорит Паисий Лигарид, - такому ложному откровению и единодушно воскликнули: ангел сатаны послан был к Никону, преобразившись в ангела света". И по приказу государя отправились в соборную церковь все бывшие у него митрополиты - Крутицкий, Газский и Сербский и трое прежних бояр и объявили Никону: "Письмо твое великому государю донесено, и он, государь, и власти, и бояре письмо то выслушали, а ты, патриарх, из соборной церкви поезжай в Воскресенский монастырь по-прежнему да поспеши до восхода солнца, чтобы не случилось потом чего неприятного". Услышав это и увидев трех архиереев, Никон вознегодовал, и, схватив посох святителя Петра, быстро спустился с патриаршего места, и, едва поклонившись иконам, бегом вышел из храма. Бояре сказали Никону, чтобы оставил посох святителя в соборной церкви. "Отнимите у меня силою", - отвечал Никон, и, садясь в сани, отряс прах от ног своих, и велел сделать то же своим спутникам, а затем поехал из Москвы за час до света. Немедленно доложили государю, что Никон увез посох святителя Петра, и государь послал за Никоном окольничего князя Димитрия Долгорукого да полковника и голову стрелецкого Артемона Матвеева и велел проводить его за Земляной город. При прощании с ними здесь Никон, как бы забыв свое сонное видение, будто бы заставившее его приехать в Москву на свой стол, сказал им: "Я приезжал к Москве по вести (т. е. по приглашению), а не собою". Одоевский, как только возвратился, передал эти слова Никона государю. И в тот же день государь, и власти, и бояре приговорили послать вслед за Никоном митрополита Крутицкого Павла, да окольничего Родиона Стрешнева, да думного дьяка Алмаза Иванова, да чудовского архимандрита Иоакима, чтобы они взяли у патриарха увезенный им посох и спросили, по какой вести он приезжал. Посланные догнали Никона в его монастырском селе Черневе, где он остановился. Никон встретил их у нижнего крыльца, вошел с ними в комнату и, выслушав их речи, сказал: "К Москве я приезжал и в соборную церковь вошел не самовольно, но по вести из Москвы и посоха не отдам, потому что некому

его отдать". Когда же митрополит Павел и окольный с товарищами начали его всячески упрашивать, он отвечал Павлу: "Тебя я знал в попах, а в митрополитах не знаю, и, кто поставил тебя митрополитом, того не знаю, и посоха тебе не отдам, да и с своими ни с кем не пошлю, потому что не у кого тому посоху быть". А ко всем сказал: "Кто прислал мне ту весть из Москвы, вам не скажу, а открою тем, кому великий государь укажет". Митрополит и окольный в тот же день (18 декабря) известили обо всем государя и получили от него приказ вновь говорить Никону об отдаче посоха, которого никто из прежних святителей и никогда не выносил из соборной церкви, и с собой не воживал, и вновь допрашивать Никона, по какой вести он приходил в Москву и кто, и кого, и почему присылал к нему с тою вестью. Если же он посоха не отдаст и про весть подлинно не скажет, то они, царские посланные, в ту же ночь отписали бы к государю, а сами до указа государева не выезжали из Чернева и Никона не выпускали. Услышав об этом, Никон значительно сдался и сказал: "Кто прислал мне весть, по времени объявлю". Потом читал самое письмо, в котором была прислана эта весть, и продолжал: "Я принял письмо потому, что когда государь был в Савином монастыре (на празднике преподобного Саввы, 3 декабря) и я посылал к нему, государю, своего архимандрита, то милость ко мне государева была такова, какой по отшествии моем никогда не бывало; после того прислано было ко мне первое письмо, а другое прислано 17 декабря, чтоб мне быть в Москве 18-го, и я, видя ко мне милость государя, принял те письма за прямую правду". Но посоха и теперь не соглашался отдать и только после многих и усиленных убеждений и просьб, продолжавшихся с пятого часа дня до одиннадцати часов ночи, объявил, что и посох и письма те пошлет к государю со своим архимандритом Герасимом. Тут Никон совершенно переменяет тон и со смирением начал говорить царским посланным: "Ведомо мне, что великий государь посылал ко Вселенским патриархам, чтобы они судили об отшествии моем и о поставлении нового патриарха, и я бью челом великому государю, чтобы он ко Вселенским патриархам не посылал. Я как сперва обещался (вот теперь Никон сам сознался, что отречение его от кафедры, подлинность которого он столько времени и так упорно отвергал, действительно было), так и ныне обещаюсь, что на патриаршеский престол Великой России не возвращусь - у меня и в мысли того нет. Я хочу, чтобы на мое место избран был новый патриарх, кого великий государь изволит и освященный Собор изберет, и так-де Церковь вдовствует немало лет. А как поставлен будет новый патриарх, я ни в какие патриаршие дела вступаться не стану и не до чего мне дела не будет. Только повелел бы великий государь жить мне в монастыре, который устроен по его царскому указу, и новопоставленный патриарх не имел бы надо мною никакой власти, а имел меня за брата; да мне бы ведать Воскресенский и Иверский и иные приписные к ним монастыри, а Новгородскому митрополиту в те монастыри не вступаться, ибо у него и без того останется в епархии до 150 монастырей и больше 2000 церквей; да не оставил бы государь своей милости ко мне в потребных вещах, чем бы мне пропитаться до смерти, а век-де мне недолог, и теперь уже мне близко 60 лет". Никон настоятельно просил, чтобы все это царские посланные передали государю, и сказал, что воскресенский архимандрит поедет вместе с ними, повезет государю посох и письма, а в

письмах написано, от кого и с кем они присланы. И в ту же ночь, 19 декабря, за два часа до света, царские посланные вместе с Воскресенским архимандритом прибыли в Москву и поднесли государю и посох чудотворца Петра, и письма, писанные к Никону, и статейный список своей посылки.

Посох был отнесен митрополитом Павлом в соборную церковь и поставлен на прежнем месте, а привезенные письма были прочитаны пред государем и всем освященным Собором и синклитом. Оказалось, что автором писем был известный уже нам по преданности Никону боярин Никита Алексеевич Зюзин и что в письмах он от имени самого царя, царицы и всего царского семейства приглашал Никона приехать в Москву. Зюзин, которому показали письма, тотчас сознался, что одно письмо писано его рукою, а другое - список с его письма, сделанный рукою патриарха Никона, что и Никон отписывал ему, но письма Никона он жег, а его письма Никон возвращал ему, только последнего не возвратил. Зюзина подробно расспрашивали (22 декабря) и потом велели ему написать сказку. В сказке Зюзин показал, как он еще пред отречением Никона от кафедры убеждал его чрез дьяка Ивана Калягина не оставлять ее, как по отречении Никона в то же лето много раз упрашивал его чрез дьяка Торопова оставить упорство и возвратиться на кафедру, как вел с ним переписку из Новгорода, когда Никон находился в Иверском монастыре и в Крестном, - о всем этом мы уже упоминали. Затем Зюзин писал: "Идя из Новгорода, я был у него, патриарха (в Воскресенском монастыре), и говорил ему: зачем сшел с кафедры дерзостно и оставил Церковь и доселе нейдешь и не смиришь себя пред Богом и великим государем? И он сказал: сшел с сердца, а по времени возвращусь, а ты-де пиши ко мне и впредь о том - о пришествии моем". Верное свидетельство, что Никон постоянно лелеял мысль возвратиться на свой престол, и только выжидал удобного случая, и с этою целию поручил Зюзину писать к нему. "И я, - продолжал Зюзин, - писал к нему и словом приказывал о пришествии его сперва с Ароном старцем, а потом с попом Сысоем, чтобы смирил себя, возвратился". Письма не производили действия. Но вот настал декабрь 1664 г. Однажды с Зюзиным встретился думный дворянин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и, между прочим, передал ему: "7 декабря говорил мне великий государь, что приезжал к нему от патриарха Воскресенский архимандрит и бил челом и со слезами говорил от патриарха, чтоб смуте не верить никакой, и государь сказал: "Смуте не верю и гнева моего на патриарха нет, приезжал ко мне в Хорошево Иван Неронов и поносил патриарха, и я-де тому ничего не поверил". Зюзин тотчас пришел к мысли, что нужно написать к Никону и что время теперь для возвращения его самое благоприятное. И немедленно написал и послал письмо с попом (новгородским) Сысоем Андреевым, всячески убеждая патриарха поспешить в Москву. Но Никон отвечал: "Мне без письма великого государя нельзя быть". И Зюзин, недолго думая, решился написать от лица самого государя и уверял в письме, что сам государь чрез Афанасия Нащокина приказал ему, Зюзину, тайно известить Никона, чтобы приехал в Москву на 19 декабря к заутрене в собор и стал на своем месте. Для доставления такого письма патриарху Зюзин сначала обратился было к патриаршему дьяку Ивану Калягину, но Калягин подивился, услышав, будто государь зовет Никона на патриаршество, и спросил: "Да

подлинно ли так?" - а потом сказал: "Нельзя мне отъехать, да и не смею". Зюзин попросил отца своего духовного, справщика Печатного двора старца иеромонаха Александра, указать надежного человека для доставки письма патриарху. Старец указал на преданного Никону иподьякона Никиту, и на другой день, 13 декабря, в келье старца Александра Зюзин увиделся с Никитою, рассказал ему о содержании письма, и Никита охотно отправился с письмом в Воскресенский монастырь, куда и прибыл в ту же ночь. Никон находился в своем скиту, тотчас принял Никиту, прочел письмо и сказал: "Буди воля Божия, сердце царево в руце Божией". А утром послал отписку к Зюзину, что "будет в Москву"; только просил известить подлинно, в какой день прийти, как въехать. И Зюзин 15 декабря послал к Никону с тем же Никитою новое длиннейшее письмо; сначала извещал, что ему, патриарху, велено приехать в Москву не под 19, а под 18 декабря, под воскресенье, в соборную церковь к заутрене; потом излагал подробную инструкцию, что сказать при въезде у городских ворот, как войти в соборную церковь, стать на патриаршее место, что потом делать, как послать к государю с известием о своем приходе, а далее весьма обширно рассказывал, будто 7 декабря государь говорил не одному Афанасию Ордину-Нащокину, но вместе и стрелецкому полковнику, и голове Артемону Матвееву, что никакого гнева на патриарха не имеет, весьма желает видеть его опять на кафедре, нуждается в его советах, да сам не может звать его и писать к нему "духовенства и синклита ради", а пусть Никон приедет своею волею в соборную церковь, никто ему не возбранит, и поручил Нащокину приказать ему, Никите Зюзину, чтобы он тайно написал Никону от имени государя о всем этом. Получив и прочитав это письмо, Никон сказал: "Не буду противиться воле Божией и государеву указу" - и в заутреню 16 декабря послал с тем же иподьяконом ответ к Зюзину, а с 17-го под 18-е число действительно приехал в Москву и поступил точно так, как наказано было в последнем письме Зюзина. Под конец своей сказки Зюзин написал, что виноват без всякого оправдания пред Богом и государем, что сам собою, не обмысля, дерзнул звать Никона в Москву от имени государя, что ни с кем об этом не советовался и поклепал в письме на Афанасия и на Артемона. Кроме Зюзина допрошены были также Ордин-Нащокин, поп Сысой, иподьякон Никита и старец Александр, и все объяснили, насколько каждый участвовал в деле или в сношениях с Зюзиним, причем старец Александр сообщил, что Зюзин еще 17 декабря, в субботу, показывал и прочитал ему видение Никона, то самое, которое потом Никон привез с собою ночью под 18 декабря и посылал из соборной церкви к царю (старец изложил в своей сказке само содержание этого видения). Значит, Зюзину оно прислано было Никоном еще 16-го числа, может быть, с иподьяконом же Никитою, которого Никон отпустил тогда от себя рано утром, и, следовательно, в то самое время, когда Зюзин уверял Никона, что его призывает в Москву на патриаршую кафедру сам царь, Никон уверил Зюзина, что его, Никона, призывает туда Сам Бог чрез угодников Своих, Московских святителей, т. е. оба обманывали друг друга. Зюзину, однако ж, за свой обман пришлось дорого поплатиться. Его потребовали 3 февраля для допросов на пытку, и жена его Мария, как только услышала об этом, тотчас вскрикнула: "Ох!" - и скончалась. На пытке Зюзин повторил прежние свои речи, что писал к

Никону сам собою, "ни с кем не мысля и никому про то неведомо". И бояре приговорили Зюзина за то, что он своим обманным письмом "св. Церковь поколебал, на помазанника Божия солгал и людей тем возмутил", к смертной казни. Но государь по просьбе своих детей, Алексея и Феодора Алексеевичей, отменил смертную казнь, а велел только сослать Зюзина в ссылку в Казань на службу, поместья его и вотчины отписать на себя, государя, и отдать в раздачу, самому же Зюзину для прокормления и уплаты долгов оставить только его дом и домашнее имущество. Марта 13-го государев указ объявлен был Зюзину, и затем он был сослан, куда указано. Выдал Никон преданного ему человека, хотя и мог бы не выдавать, и этим себя не оправдал, а его погубил.

Не один Зюзин подвергся допросам вместе с лицами, которые по его указаниям так или иначе будто бы участвовали с ним в приглашении Никона в Москву и соборную церковь; то же самое происходило и с лицами, которые пропустили Никона в Москву и принимали его в соборной церкви. Еще 18 декабря допрошены были стрельцы, стоявшие на часах у ворот, чрез которые проехал Никон, сам митрополит Ростовский Иона и соборные: протопоп, два ключаря, священник, дьякон, возглашавший ектению, иеродиакон митрополита, иподьякон и один певчий - и все показали, как было дело, а иные и повинились, в чем признавали себя виновными. Более всех оказался виноватым митрополит Иона, и именно в том, что принял благословение от патриарха Никона и своим примером увлек к тому же и других. Государь, как только услышал из уст Ионы сознание в этом, сказал ему: "Ты, митрополит, поставлен блюстителем соборной церкви и знал соборное изложение всех вас, под которым есть и твоя рука, что патриарх Никон самовольно оставил свой престол и обещался на него не возвращаться и что про его самовольное отречение по изложению всего освященного Собора писано нами ко Вселенским патриархам, а до рассуждения Вселенских патриархов и до большого Собора определено сообщения с Никоном не иметь". Иона пред государем оправдывался и говорил, что совершил то забвением, устрася его, Никона, и его внезапного пришествия. Но государь, как сам выражается, за такое "презрение Ионою изложения всего освященного Собора и за неопасное блюстительство соборной церкви" не захотел принять от Ионы благословения и велел рассмотреть дело Собору. Архиереи, бывшие тогда в Москве, Павел Крутицкий, Паисий Газский, Нектарий, архиепископ Погонеанийский, и др., собравшись 22 декабря в патриаршей крестовой палате, признали митрополита Иону виновным в том, что он, забыв свое соборное рукоподписание и будучи наместником патриаршего престола, прежде всех принял благословение от бывшего патриарха Никона и тем подал худой пример прочим церковникам. Но, желая оказать снисхождение к немощи своего собрата, предложили ему, чтобы он по обычаю, какой существует в подобных сомнительных случаях на Востоке, возложив на себя епитрахиль и омофор, очистил себя от зазора следующею клятвою: "Свидетельствуюсь Богом, что я не имел никакого согласия и совета с бывшим патриархом Никоном о пришествии его на престол, что принял от него благословение без хитрости, будучи устрасен его внезапным пришествием и одержим ужасом, и что в то время мне не пришло на ум мое соборное рукоподписание, которое сотворил я, о непринятии Никона на патриаршеский

престол". Если Иона согласится, продолжали заседавшие на Соборе, очистить себя таким образом, тогда он может быть свободным от всякого зазора и нет нужды для суда над ним созывать всех архиереев, а довольно только послать к ним грамоты и спросить их мнения: достоин ли теперь Ионе оставаться наместником патриаршего престола и держать начало между архиереями в соборной церкви? До получения же ответов Иона может совершать литургию с архимандритами и священниками, но не в соборной церкви и не с архиереями. На другой день, 23 декабря, тот же освященный Собор в патриаршей крестовой палате определил, что великому государю можно, без всякого сомнения, принимать благословение от митрополита Ионы, когда он очистит себя от зазора. И в тот же день государь разослал ко всем архипастырям свои грамоты, приказывая немедленно отписать: быть ли впредь митрополиту Ионе блюстителем соборной апостольской церкви и великому государю ходить ли к нему. Ионе, под благословение? В 27-й день января 1665 г., когда от архиереев получены были ответы, собрались в крестовую патриаршую палату митрополиты: Павел Крутицкий, Паисий Газский, Косьма Амасийский и Феодосий Сербский - и на основании тех ответов определили: Ростовского митрополита Иону, когда он очистится от зазора, как указано в соборном постановлении 22 декабря, от наместничества престола патриаршего отлучить вовсе, от начальствования же между архиереями воспятить впредь до рассмотрения и указа всего освященного Собора, а о принятии от Ионы благословения царем государем, когда он соизволит, не может быть никакого сомнения. И 10 февраля действительно состоялся в Москве Собор, на который успели прибыть почти все русские архиереи: митрополиты - Питирим Новгородский, Лаврентий Казанский, Павел Сарский (Крутицкий) и епископы - Симон Вологодский, Филарет Смоленский, Иларион Рязанский, Иоасаф Тверской, Арсений Псковский - и были приглашены митрополиты: Паисий Газский и Феодосий Сербский. Этот Собор вновь допрашивал Иону, почему он принял благословение от Никона. И Иона оправдывался, просил прощения и, собственноручно переписав в соборной церкви то самое клятвенное свидетельство, или исповедание, какое было предложено ему на Соборе 22 декабря, представил теперь это свидетельство за своею подписью новому Собору. И Собор решил: "Митрополиту Ионе блюстителем соборной апостольской церкви впредь не быть, а в том его внезапном погрешении быть свободным и в соборной церкви в своей ему прежней степени сообщаться и служить невозбранно". Вспомнил Собор и принявших вслед за Ионою благословение от патриарха Никона протопопа и двух ключарей собора и отлучил их за эту вину от священнослужения, но 21 февраля протопоп Михаил и ключари Иов и Феодор били челом о помиловании, и те же архиереи ради торжественного дня рождения благоверной государыни царевны Евдокии Алексеевны разрешили им служить по-прежнему невозбранно в соборной церкви в своих степенях. Наконец, в двадцатых числах марта государь своими грамотами известил всех архиереев, что он, посоветовавшись с освященным Собором, указал: "Митрополиту Ионе быть на митрополии его в Ростове, а на Москве блюстителем соборной апостольской церкви быть Павлу митрополиту".

О внезапном пришествии Никона в соборную церковь, наделавшем столько тревог в Москве и для некоторых сопровождавшемся такими тяжкими последствиями, Алексей Михайлович поспешил известить Восточных патриархов. В грамотах патриархам, Цареградскому и Иерусалимскому, которые сохранились и писаны Паисием Лигаридом в 1665 г., без означения месяца, царь горько жаловался, что Никон в полночь, в неделю пред Рождеством Христовым без всякого стыда и с великим напыщением внезапно ворвался в соборную церковь, имея вокруг себя множество людей, и самовольно вступил на патриарший престол и начал распоряжаться; что он потом "втай и мучительно украде" посох святителя Петра и едва согласился отдать; что, отходя из соборной церкви и из Москвы, отрясал прах от ног своих и велел то же сделать своим спутникам и что от такого насильственного вторжения Никона "истинно град весь смятется внутрь и вне", тем более что тогда явилась на небе комета, как бы предвещавшая свирепый приход его. Подробнее рассказать о всем этом патриархам царь обещался впоследствии, когда они или сами придут, или пришлют от себя уполномоченных на Собор в Москву. В грамоте к Иерусалимскому святителю Нектарию царь извещал также о получении его грамоты от 20 марта, написанной в защиту Никона, и высказывал, что сам же он, святитель, утвердил прежде своею рукою соборный свиток четырех патриархов, отлучающий Никона от престола, а теперь говорит иное, но голос всех четырех патриархов, без сомнения, важнее голоса одного из них, и притом младшего, и что отречение Никона было совершенное и принято всем освященным Собором, а в заключение, приглашая Нектария в Москву на Собор, просил: "Принеси достойный жребий, держа прямо вес, ниже мне, ниже ему (Никону) норовя, но прямо рассекая правды борозду".

Несомненно, что грамота Нектариева не понравилась в Москве. Это еще более видно из того, что человек, с которым Нектарий прислал свою грамоту, грек Севастос, или Севастиан Дмитриев, был взят под стражу, и у него отобрали грамоту, написанную тем же патриархом на имя Никона. В июне 1665 г. Севастиан несколько раз был призываем на суд для допросов и даже пред лицо самого государя и хотя содержался в заключении "вверху в палатах" царя, но находил возможность вести переписку с Никоном, к которому показывал величайшую преданность и уважение, за что, конечно, и страдал. Вообще видно, что греки, приходившие тогда к нам и проживавшие в Москве, как бы разделялись на две враждебные партии. Одни из них держались могущественного Паисия Лигарида и под его покровительством хотели служить царю, надеясь, конечно, получить от него богатое воздаяние в виде милостыни, таковы особенно были наперсник Паисиев иеродиакон Мелетий и грек Стефан, которые и отправлены были с грамотами по делу Никона к патриархам. Другие по зависти и ненависти к Лигариду и его сподручникам старались противодействовать им и служить Никону в чаянии для себя от него благ, когда он вновь сделается Московским патриархом. Таков был Севастиан Дмитриев, который в своих письмах к Никону прямо выражался, что благодарит Бога, сохраняющего Никона "ради прибытку и похвалы нашему роду (т. е. грекам)", или молит Бога, да сохранит Никона "в пользу многих и во хвалу нашему роду". А еще более таков был известный нам Иконийский митрополит Афанасий,

который хотя сослан был в Симонов монастырь, но и оттуда вел переписку с Никоном, и выражал в своих письмах крайнюю ненависть к Лигариду и его сотрудникам и глубочайшее уважение к Никону, и говорил ему: "Опять блаженство твое будет патриарх Московский - не будет иначе". Да и те греки, которые, по-видимому, служили государю, не отличались честностью и, переводя для него письма, приносимые с Востока, иное в них опускали, иное прибавляли или искажали по своему хотению, на это жаловался государю сам патриарх Нектарий в грамоте от 20 марта, и огорченный государь по этому случаю тогда же повелел произвести розыск. Были и такие греки, которые из одного лагеря переходили в другой, враждебный, что пришлось испытать на себе лично Лигариду. В Москве находился какой-то греческий иеродиакон Агафангел, сделавшийся известным государю с невыгодной стороны, но почему-то понравившийся Паисию. Последний неоднократно просил у государя позволения взять Агафангела к себе, и государь, хотя сначала не соглашался и предупреждал Паисия об испорченности этого иеродиакона, наконец уступил просьбе. Заняв при Лигариде должность толмача и вместе смотрителя нового дома, который царь построил для Лигарида, Мелетий определил к нему двух слугителей, которых привез с собою из Селевкийского монастыря. Эти слуги чрез несколько времени обокрали Паисия и золотые, которыми наделил его царь за службу, отдали Агафангелу, а ящик с множеством денег, жемчуга и других драгоценностей захватили с собою и бежали. Немедленно царские люди с Агафангелом во главе отправлены были отыскивать беглецов и нашли их на ночлеге в Троице-Сергиевом монастыре. Агафангел велел сковать их, перевез в Москву и посадил у себя в доме под стражу, но ночью, взяв от них себе все похищенное ими, отпустил их. Тогда по приказу государя сам Агафангел был закован в цепи и доставлен в патриархию для заключения под стражу. Спустя несколько дней он успел вымолить себе позволение отправиться вновь для отыскания бежавших воров и представил за себя поручителей. Но, получив свободу, уехал тайно в Воскресенский монастырь к патриарху Никону и наговорил ему тысячу обвинений на Газского не только устно, но и письменно. Обрадованный Никон, снабдив Агафангела письмами и деньгами, спешно отправил его в Константинополь для противодействия там иеродиакону Мелетию и патрону его Лигариду. Попытка, однако ж, не удалась. Агафангел был схвачен в Киеве и, закованный, привезен в Москву.

Не прошло и месяца со времени нежданного посещения Никоном столицы, как к нему посланы были из Москвы (13 января 1665 г.) архимандрит Чудова монастыря Иоаким (впоследствии патриарх) да думный дьяк Дементий Башмаков. Прежде всего они объявили, что их послал великий государь со всею палатою и со всем освященным Собором сказать патриарху Никону "спаси Бог" за то, что патриарх явил правду свою, отдал смутное письмо Зюзина, не утаил его воровского дела и чтобы впредь не верил таким ссорщикам и, если будут, также объявлял их. Затем посланные передали Никону два предложения. Первое состояло в следующем: ты в селе Черневе поручил митрополиту Павлу и окольникему Стрешневу известить государя, чтобы он не посылал к патриархам, что и без них можно дело устроить, что ты согласен впредь патриархом в Москве не быть, уступить свое место другому и ни во что не

вступаться, и тогда же выразил желание прислать о том письмо к великому государю. Никон принял это предложение с радостью и на другой же день, 14 января, в ответ на предложение написал весьма обширное письмо. Здесь он подробно изложил те условия, при которых соглашался на всегданнее отречение от Московской кафедры и избрание на нее нового патриарха, определял свои отношения к будущему патриарху, давал обещания разрешить все, что прежде, во дни своих огорчений, от великой кручины износил на царское величество, на честный синклит и на священный Собор, также на Симеона Стрешнева, Боборыкина, Сытина и др., и пр. Все содержание этого письма по статьям чрез несколько месяцев рассмотрено Собором и тогда делается нам известным. Излагая второе предложение Никоиу, царские посланцы говорили: все архиереи, находящиеся в Москве, митрополиты Павел Крутицкий, Паисий Газский, Косьма Амасийский, Макарий Гревенский, умоляют государя, чтобы он дозволил удаивать исповеди и святого причастия разбойников и других подобных преступников, ежедневно схватываемых и осуждаемых на смерть. Между тем во дни твоего патриаршества по твоему совету и словесным убеждениям царь издал указ, запрещающий допускать таких людей к исповеди и святому причастию, и потому ныне царь в смущении и требует от тебя письменного изложения твоих мыслей по этому предмету как для успокоения своей совести, так и для прямого ответа архиереям, советуяшим противное. Никон признал это царское требование справедливым, но сказал, что для выполнения его нужно время, и обещался прислать требуемый ответ по истечении нескольких дней. В своем ответе, который действительно был прислан, Никон по-прежнему отстаивал, что преступников, осуждаемых на смерть, не должно удаивать исповеди и святого причастия, и главным образом опирался на слова Спасителя: *Не мечите бисера пред свиньями*. Паисий написал против этого ответа особое сочинение, которое и посвятил митрополиту Крутицкому Павлу. Но что особенно произвело смущение - при том же своем ответе Никон изложил множество и самых тяжких обвинений на Паисия, о которых узнал от иеродиакона Агафангела. Царь был совершенно поражен, когда прочел эти обвинения, и в присутствии нескольких бояр, позвав к себе Паисия, показал ему написанное Никоном. Находчивый Паисий тотчас отвечал: "Правосуднейший государь! Если хоть одна из этих клевет подтвердится, я буду виновен во всех, а если хоть одна окажется ложною, я буду считаться и вообще оправданным. Ибо первый мой иерарх (Иерусалимский), апостол Иаков сказал: *И же весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен* (Иак. 2. 10)". Ответ понравился царю, и он сказал: "Теперь не время разбирать (оканчивалась Четырнадцатница), а после Светлой недели Воскресения Христова произведено будет тщательное расследование по этим обвинениям на тебя". А чтобы поддержать опечалившегося Паисия, государь подарил ему в неделю ваий прекрасную митру к крайней досаде узнавшего об этом Никона, который вслед за тем еще более огорчен был известием, что Паисий в Великий четверток при умовении ног представлял собою святого апостола Петра. Когда прошло Фомине воскресение, Паисий подал челобитную, чтобы скорее рассмотрены были введенные на него обвинения, и писал, что хотя он подлежит суду

Иерусалимского патриарха, но добровольно подчиняется Собору русских святителей. Государь повелел собраться всем во дворец и с величайшим вниманием исследовать две первые и главнейшие статьи обвинения, будто Паисий неправославно верует и не содержит в целости преданий святых отцов и будто он занимается магиею и астрологию. Явилось множество свидетелей в защиту Паисия, утверждавших, что обвинения ложны, что он совершенно в том не виноват, и свои свидетельства подкрепляли своими подписями. На другой день среди страшных тревог приведен был пред царские палаты под сильную стражею и закованный в цепи иеродиакон Агафангел и на все обличения еще с большею дерзостью повторял свои клеветы, крича на весь царский двор. Оттуда послан он был в патриархию, чтобы пред лицом Собора дал отчет во всем, что сказано и написано было им против Газского. Но и здесь упорно стоял на своем, хотя ничего не мог доказать, и потому как явный клеветник отправлен был в цепях на заключение в новый монастырь, Вознесенский. Просидевши там немалое время, Агафангел наконец раскаялся и, явившись на Собор, торжественно объявил, что все изустные и письменные обвинения его против Газского ложны. Паисий простил раскаявшегося, но прочие архиереи не согласились оставить его без церковной епитимии для вразумления других иеродиаконов.

Собор этот, разбиравший присланные Никоном обвинения на Лигарида, происходил, вероятно, спустя недолгое время после Фоминой недели 1665 г. Но другой Собор, обсуждавший письмо Никона от 14 января того года с изложением условий патриарха на совершенное отречение от Московской кафедры, не мог быть раньше сентября, с которого по тогдашнему счету начался уже 1666 г., ясно означенный на определении этого Собора. Настоящему письму, видно, придавали большое значение, потому что для обсуждения его по повелению государя собрались все архиереи Русской земли, кроме двух, Сибирского и Астраханского, приславших, однако ж, свои повольные грамоты. Содержание письма Собор разбил на 32 статьи и на каждую дал особое решение. Для большего удобства статьи вместе с решениями на них можно подвести под несколько общих отделов. 1) Никон говорил, что ему с 14 января 1665 г. не именоваться патриархом Московским и всея России, а именоваться только патриархом, не вступаться ни в какие духовные дела Московского государства, не творить ничего в Москве без совета брата его и сослужителя, нового Московского патриарха, твердо держать все предания церковные и книги, исправленные при нем с старых греческих книг, и вместе выражал желание, чтобы ему не возбраняли приходить в Москву, когда случится ради нужд, равно не возбраняли приходить и на Соборы ради духовной пользы и заседать на Соборах под настоящим патриархом, выше всех митрополитов, архиепископов и епископов. Собор изъявил согласие на все эти статьи, но прибавил: а) Никону не именовать настоящего патриарха Московского своим сослужителем, а иметь и именовать архипастырем, и начальником, и старейшиною, и повиноваться ему во всем, и без воли его не только в Москве, но и где-либо не делать ничего, как поступают и прочие архиереи; б) для прихода в Москву Никону каждый раз предварительно испрашивать разрешения от государя и благословения от патриарха, подобно всем другим

архиереям, а без указа государева и благословения от патриарха в Москву не приходять; равно и на Соборы в Москву без повеления государева и благословения патриаршего не приходять; в) содержать Никону не только книги, при нем исправленные, но и те, какие и впредь с греческих книг исправлены будут, и по ним отправлять службы и поминать настоящего Московского патриарха в молитвах, как церковных, так и домашних (ст. 2, 4, 5, 23 - 26). 2) Никон желал, чтобы на пропитание его за ним оставлены были все три монастыря его строения - Новый Иерусалим, или Воскресенский, Иверский и Крестный, а также и приписные к ним монастыри со всеми их вотчинами; чтобы царь подтвердил за монастырями все эти вотчины, а церковные пустые земли вблизи и около Воскресенского монастыря пожаловал тому монастырю; чтобы еще и из доходов патриаршего дома, которые старанием его, Никона, будто бы возросли до двадцати тысяч в год, выдавалась ему часть деньгами и провизиею, как по обычаю Восточной Церкви и другим архиереям, своею волею оставившим кафедры, дается пропитание из достояния их бывших кафедр, и чтобы никому из христиан не возбраняемо было приходять к Никону благословения ради или для подаяния ему милостыни. Собор решил: а) оставить за Никонем три монастыря его строения со всеми их вотчинами, но Воскресенский монастырь отнюдь не называть Новым Иерусалимом, потому что Иерусалим на земле один - в стране Иудейской и названием Нового Иерусалима простые, неведущие люди крайне соблазняются и потому изрекают хульное слово на Никона; б) приписными же монастырями и их вотчинами впредь Никону не владеть ни в чем - довольно с него на пропитание и на все его нужды трех монастырей его строения со множеством крестьянских дворов, принадлежащих каждому из них, соляных варниц и рыбных ловлей; в) пустые церковные земли, лежащие вблизи и вокруг Воскресенского монастыря, Никону возвратить в патриарший дом по-прежнему, а не приписывать к Воскресенскому монастырю; г) уделять что-либо Никону из доходов патриаршего дома, по правилам, нельзя, да и прибыль их учинилась милостию государя, а не старанием Никона и, как видно из записных книг, ни в один год не возвышалась далее девяти тысяч; д) такого обычая, чтобы оставившему свою кафедру архиерею выдавалось пособие от его бывшей кафедры, неизвестно, а известно только, что новый архиерей по любви дает бывшему архиерею какой-либо монастырь для содержания, да и сам Никон, когда был Новгородским митрополитом, ничего не давал из своих митрополичьих доходов предместнику своему, митрополиту Аффонию, который кроме насущного хлеба в Хутынском монастыре ничего не имел; е) приходять к Никону не возбраняется никому из христиан, пока не произойдет какой-либо мятеж или соблазн (ст. 1, 6 - 12, 14, 21). 3) Никон желал, чтобы ни в монастыри его строения и приписные к ним, ни в вотчины их с их приходскими церквами и священным причтом, ни во всякие дела всех их крестьян не вступались ни Московский патриарх, ни другие архиереи, в епархиях которых находились те монастыри и вотчины; чтобы архимандритов, игуменов и вообще духовенство для тех монастырей и их вотчин посвящал сам он, Никон, или кому из других архиереев соблаговолит он иногда предоставить свою грамотою; чтобы духовенство тех монастырей и вотчин не привлекалось на суд к мирским судьям; чтобы монастыри его

строения записаны были в степени и настоятели их призывались в Москву на соборные служения и другие церковные собрания и чтобы по смерти его монастыри приписаны были не к патриаршему дому, а к области царствующего града Москвы. Собор решил: а) по священным правилам, все монастыри Никонова строения должны состоять под властью тех архиереев, в области которых находятся, и Никон не должен ведать в своих монастырях и их вотчинах никаких духовных дел без согласия и дозволения тех архиереев, а должен о всяком таком духовном деле писать к ним и только по их совету и повелению действовать, иначе же отнюдь ничего не творить; б) не должен Никон сам собою и поставлять архимандритов, игуменов и вообще духовенство для своих монастырей и вотчин без дозволения тех же архиереев или должен посылать к ним своих ставленников для посвящения; в) тем же самым церковным правилам и царским законам, по которым судятся все архиереи, монастыри и духовенство в России, должен подлежать и Никон с своими монастырями и духовенством; г) когда будет в Москве новый патриарх, то соборне просить его, да напишет он по совету с великим государем в степени все три монастыря Никонова строения; д) по смерти Никона каждый из этих монастырей приписать в ту епархию, в которой он состоит, а не в архиерейские дома (ст. 13 - 18°). 4) Никон давал обещание молить Господа Бога, да простит и разрешит всех, на кого он, Никон, после отшествия своего от великой кручины и огорчения жаловался и износил суд Божий, т. е. царя, синклит и освященный Собор, и да обратится прах, который отрясал он, Никон, от ног своих, исходя из Москвы, на отмщение ее, в благословение ей, чтобы не быть ей осужденною более Содомы и Гоморры; давал также обещание просить и разрешить архиереев, воздвигших на него будто бы незаконный суд на своем Соборе, если только они покаются и будут просить прощения, равно простить и разрешить бояр, клеветавших на него или преобидевших его в вещах житейских, движимых и недвижимых, если поищут у него прощения и вознаградят его за убытки.

Собор отвечал: а) ни царское величество, ни синклит, ни архиереи ни в чем не преобидели Никона, когда он был на своей кафедре, напротив, все почитали его более прежних Русских патриархов, но сам он обещания своего не сохранил, самовольно оставил врученную ему от Бога паству без пастыря, не объявив благовременно о своем отшествии ни царю, ни Собору, и потому должен жаловаться и износить Божий суд разве только на самого себя и на свое упорство, а не проклинать неповинных в его отшествии; если бы даже его в чем и обидели, то как ученик Владыки Христа он долженствовал молиться за творящих ему обиду и как пастырь с долготерпением и незлобием переносить немощи своих пасомых и с любовью исправлять их, а не увлекаться гневом, не проклинать по страсти; б) Никон сотворил дерзость, отрясши прах от ног своих в осуждение царствующему граду Москве паче Содомы и Гоморры, и такой дерзости не сотворил никто и нигде из прежде бывших святителей, хотя иные из них потерпели неповинное изгнание: святой Златоуст, двукратно изгнанный, никого не клял, а с радостью переносил свое изгнание; святитель Филипп Московский, с бесчестием и биением изгнанный от своего престола и паствы, не только не клял невинных, но благословлял самих своих врагов; Никону,

получившему священство и архиерейство на благословение и на молитву о грехах людских и о благосостоянии всего правоверного царства, а не на проклятие, подобает каяться в своей дерзости и молить Бога о прощении; в) архиереям, собиравшимся в 1660 г. на Собор в Москве, не в чем каяться и просить себе прощения у Никона: они вовсе не производили суда над ним, не осудили его ни на извержение, ни на изгнание; они только исследовали достоверность его отречения от кафедры и на основании канонов положили избрать на эту кафедру нового патриарха; г) никому из бояр и других христиан не возбраняется, если кто обидел Никона словом или делом и по совести чувствует себя виновным, просить у него прощения и разрешения, как подобает христианину просить себе прощения и у всякого обиженного им собрата, но, с другой стороны, и сам Никон должен просить себе прощения у тех, кого он обидел, и возратить им то, что взял или отнял у них (ст. 27 - 31). В заключение своего письма Никон сказал: "Если же иначе, вопреки Божественным канонам и союзу любви, совершится избрание нового патриарха по власти мира сего, то избранный да наречется по справедливости не патриархом, а как бы прелюбодеем и хищником, и вместо мира да будет меч Божий и разделение". Собор отвечал: новый патриарх будет избран по церковным правилам и прежним примерам благочестивым государем и священным Собором вместе, а не светскими властями, никогда в том не участвовавшими, и будет поставлен Собором русских архиереев с согласия Вселенского патриарха. А союз любви сохранится, если Никон во всем будет покорен Московскому патриарху, иметь его архипастырем и старейшиною и имя его во всех своих монастырях и церквах всегда поминать в первых за церковными службами, тогда и патриарх Московский будет любить и почитать Никона как бывшего своего собрата. Но если Никон начнет в чем-либо не покоряться ему и производить смуты и мятежи, в таком случае настоящий патриарх должен будет судить Никона по священным правилам. У всех православных христиан, находящихся под державою царского величества, едина вера и не должно быть никакого разделения - остается только всем нам и патриарху Никону молить Бога, да будет меч Божий на прекословящих и не покоряющихся святой Восточной православной Церкви, и святейшему настоящему патриарху Московскому, и всему священному Собору и да будет тот меч не на пагубу им, но на страх, на познание истины и на обращение их к святой Восточной католической православной Церкви. Разобранное нами соборное определение сохранилось до нас или известно нам только в черновом списке и без надлежащих подписей, но отсюда вовсе не следует, чтобы не было и белого списка, подписанного всеми присутствовавшими на Соборе архиереями и другими лицами. Странно было бы предположить, чтобы дело, для которого по воле государя собраны были все архиереи Русской земли, оставлено было неоконченным и чтобы определение Собора после надлежащего утверждения его членами не было представлено на усмотрение государя.

Впрочем, было ли или не было подписано это определение Собора, но только Никону оно сообщено не было или, как выражается сам Никон, ответа ему на его письмо, посланное к царю с чудовским архимандритом Иоакимом и думным дьяком Башмаковым, не было никакого. Может быть, царь, прочитав

решения Собора, увидел, что лучше их совсем не сообщать Никону, так как большая часть предложенных им условий была или отвергнута, или значительно изменена Собором и в решениях соборных высказано было так много горького и оскорбительного для самолюбия бывшего патриарха, что о принятии им этих решений нечего было и думать; скорее он мог только разразиться новыми выходками против царя и членов Собора. Не менее вероятно представляется догадка, что царь счел излишним и неуместным сообщать Никону решения Собора. Сам Никон просил, чтобы его дело было покончено без призыва и участия Восточных патриархов, выражал желание сделать уступки, обещал прислать свои условия. Царь мог согласиться на предлагаемую попытку потому, что хотя и отправлены были грамоты его к патриархам, приглашавшие их на Собор в Москву, но ответа от патриархов еще не было никакого, нельзя было поручиться, придут ли они или снова откажутся прийти, как уже отказались прежде. Согласившись на эту попытку, царь потребовал от Никона письменного изложения его условий, велел Собору обсудить эти условия. Но вот 12 ноября 1665 г., может быть, в то самое время, когда Собор оканчивал или окончил свои решения, возвратился один из царских посланцев к патриархам "с вестовыми листами" от Цареградского патриарха и царь узнал, что если не все, то некоторые патриархи уже едут в Москву на Собор. После этого оставалось только прекратить попытку об окончании дела Никонова без участия Восточных патриархов и не для чего уже было сообщать Никону соборных решений по его письму, тем более что на принятие их Никоном невозможно было и рассчитывать. Впрочем, как увидим впоследствии, это письмо Никоново, вероятно, вместе с соборными решениями на него было представлено Восточным патриархам, судившим Никона, и внимательно рассмотрено ими со всем Собором.

Мы оставили царских посланцев, иеродиакона Мелетия и грека Стефана с бывшими при них, ровно год тому назад в Киеве, где они выжидали безопасного пути для своей дальнейшей поездки. Ближе других патриархов находился к ним Иерусалимский Нектарий, проживавший еще в Молдавии, - туда они и отправились. Но сам Мелетий не поехал к Нектарию, а послал Стефана с подьячим Оловенниковым. Это было в январе 1665 г., когда Нектарию еще не было известно, как принято в Москве письмо его в защиту Никона. Явившись к Иерусалимскому святителю, Стефан и подьячий сказали: "Великий государь просит и молит тебя, чтоб ты изволил потрудиться для христианского дела, пошел в Московское государство". Нектарий отвечал: "Ко всем нам прежде прислан был от великого государя Мелетий грек, и он знает, что я затем и приехал в Молдавскую землю, чтобы отсюда идти в Москву, но за войною мне никак нельзя было тогда проехать. С Мелетием мы послали к великому государю правила (известный соборный свиток), и по ним почему до сих пор ничего не сделано?" Оловенников объяснил, что Афанасий, митрополит Иконийский, отвергал подлинность подписей под тем свитком и что хотя подлинность эта была потом засвидетельствована, но без Вселенского патриарха призывать на Собор Никона и на его место ставить другого невозможно, и прибавил: "Да у великого государя и другие дела есть, которые без вас никак устроить нельзя: весь церковный чин в несогласии, в церквах

служит всяк по-своему, а пастыря нет". Нектарий сначала сказал решительно: "Пойду, хотя бы мне и смерть принять, потому что я считаю великого государя царем вселенским; он единственный царь христианский, единственная наша надежда и похвала". Но потом начал колебаться и то выражал согласие идти, то отказывался, и наконец, получив какие-то письма из Византии, объявил, что ему совсем не позволено ехать на север. После этого царская миссия на Восток разделилась: Стефан поехал к Цареградскому патриарху Дионисию, которого называл своим родственником, а Мелетий, которому наказано было государем пригласить в Москву во что бы то ни стало по крайней мере двух патриархов, отправился к Александрийскому и Антиохийскому. Прибыв в Константинополь, Стефан представился патриарху скрытно и подал ему царские грамоты. Патриарх приказал Стефану не являться лично в патриархию, а приходиться в дом какой-то сиятельной Роксандры и чрез ее посредство иметь сношение с патриархом. В апреле 1665 г. Стефан отпущен был из Царьграда, и Дионисий отправил с Стефаном свои ответные грамоты к царю, в которых сильно порицал Иконийского митрополита Афанасия, смутившего своею ложью царя и весь его синклит, и рекомендовал Паисия Лигарида как человека разумного и сведущего в церковных делах, а вместе будто бы послал и к самому Паисию наказ быть представителем его, патриарха, в Москве и председательствовать на местных Соборах по делу Никона - так по крайней мере свидетельствует сам Лигарид, замечая, что этот патриарший наказ находится в царском казнохранилище. И действительно, в приказе Тайных дел сохранилась следующая грамота патриарха Дионисия к государю: "О Никоновом деле мы много потрудились с великим прилежанием и составили главы в двух свитках (списках), ни в чем между собою не разнствующих. Извещаю твоей пресветлости, что по тем главам ты имеешь власть обладать и патриархом, у вас поставленным, как и всеми синклитами, ибо в одном самодержавном государстве не должно быть двух начал, но один да будет старейшина. Проклятый тот Афанасий, движимый отцом лжи, без всякой нужды пришел к вам, лжесвидетельствуя на свитки и правильные главы. Он ложно говорил, будто послан от нас и единокровный нам. Знай, что он сосуд злосмрадный и много уже лет отлучен от Церкви, и потому да будет он сослан в какое-либо место, чтобы плакать о душе своей, и да не возвратится в наши страны до конца своей жизни... Мы признали кир Паисия (Лигарида), святого и благоразумного митрополита Газского, послали ему право, как рассудительному и сведущему в делах церковных, быть нашим заместителем, защищать те правильные главы и решать всякие сомнения, предлагаемые от сопротивной стороны, править суд вместе с освященным Поместным архиерейским Собором и председательствовать на нем как представляющему нашу персону в том одном деле даже до окончания его". Стефан прибыл в Путивль 21 октября, а в Москву 12 ноября и представил государю эту патриаршую грамоту, на которой потому и сделана помета: "12 ноября 1665 г.". Он же привез известие, что и черный дьякон Мелетий возвращается в Москву, а с ним едут Александрийский патриарх Паисий да Синайский архиепископ, а поехали они на Астрахань потому, что "на Волошскую и Мутьянскую земли проехать им от воинских людей никак нельзя". Приезду Стефана, продолжает свое сказание Паисий Лигарид, с

патриаршими грамотами в Москве очень обрадовались. Но Афанасий Иконийский начал и теперь противоречить и дерзко утверждать, что грамоты подложны. Он прямо укорял Стефана в подделке этих грамот, оба явились пред лицо царя, жарко препирались, даже бранились между собою, пока Стефан не одержал победы, а Афанасий опять не отправлен в Симонов монастырь. Скоро, однако ж, увидим, что в душу царя запало глубокое сомнение относительно подлинности настоящих грамот, хотя он этого теперь и не обнаружил.

Между тем Паисий торжествовал и спешил воспользоваться привезенными из Царяграда грамотами для публичного оправдания себя. В декабре, 17-го числа, он подал государю обширную челобитную, или докладную записку, в 8 статьях, из которых, к сожалению, первая и начало второй не сохранились. Здесь Паисий писал: "Когда по воле Вашего величества я был у Никона с боярином князем Никитою, с Астраханским архиепископом и другими, он прямо называл меня нехристианином и язычником, а в поучении своем - Каиафою и потом прислал свой свиток, скрепленный его подписью, изрыгающий на меня великие и мерзкие хулы, из которых самые важные состояли в том, будто я еретик и волхв. Теперь пришли грамоты, свидетельствующие о мне, что я архиерей, митрополит Газский, муж, украшенный учением и премудростию, почему и поставлен как судия именной и посол апостольского Константинопольского престола. Ничто теперь уже не препятствует к очищению моей славы, к объявлению моего архиерейского достоинства, к опровержению всех на меня хулений моего противника Никона. И я прошу Ваше царское величество, да объявятся эти патриаршие грамоты, свидетельствующие о моей невинности, всему синклиту, ибо пред всем синклитом я был обещан по внушению лукавого дьявола Агафангела, которому одному поверил Никон... Пришельцем и блуждающим архиереем зовет меня Никон, не имеющим никаких грамот. Но и святейший патриарх Иерусалимский, приславший сюда столько грамот, никогда не писал обо мне таких неистовств и не объявлял меня пред Вашим величеством таким человеком, хотя и знает, что я не расположен к Никону. Архидиакон патриарха Досифей хотя и говорит в своем листе, что я держусь боярской стороны и составляю от имени государя грамоты, которыми будто бы способствую к окончательному падению Восточной Церкви, но почему же не написал, что я еретик и блуждающий без грамот? Иерусалимскому архидиакону следовало бы написать это обо мне, так как я от области Иерусалимской. Прошу, да будет извещен Никон на основании настоящих грамот Дионисия, что я воистину имею апостольский престол св. Филимона, единого от семидесяти. Да и сам Никон прежде признавал меня в архиерейском достоинстве, когда прислал мне свою грамоту, а потом презрел меня и не признает за архиерея, говоря, будто я не имею ставленной грамоты, а грамота у меня есть от Иерусалимского патриарха, который постриг меня в монахи, поставил потом и митрополитом во святых св. Гроба Господня... Если же Никон назовет ложными патриаршие грамоты по внушению Афанасия Иконийского, который прежде и соборный свиток патриархов подвергал сомнению, в таком случае и конца не будет подозрениям, и всякие грамоты, привозимые к нам с Востока, придется считать сомнительными... Правда, можно бы тайно спросить самого Дионисия, не чрез

того же Стефана, который привез его листы, но чрез другого вернейшего мужа во избежание всякого подозрения... Но Дионисий явственно просит и молит, чтобы впредь грамоты по этому делу к нему не были присылаемы ради тиранства от турок и опасностей от татар". Последние слова заслуживают особенного внимания. Паисий, верно, знал или догадывался, что государь думает тайно послать другое лицо к Дионисию и спросить его про грамоты, привезенные Стефаном, и не без причины старался удержать государя от этого. Далее в той же своей докладной записке Паисий Лигарид объяснял царю, что лучше не приглашать в Москву на Собор бывших патриарха Цареградского Парфения и митрополита Адрианопольского Неофита, которые жили теперь в Букаресте и к которым по приказанию царя уже приготовлены были Паисием пригласительные грамоты. Отъезд и в Москву из Букареста не остался бы незаметным для турок, а это навело бы подозрение их на тамошнего воеводу Радула. Приглашение бывшего патриарха Парфения на Собор весьма не полюбилось бы настоящему патриарху Дионисию, да и на Соборе Парфению пришлось бы сидеть и подписаться не на своем месте, потому что истинный экзарх и представитель настоящего патриарха Дионисия (т. е. сам Паисий) не уступил бы Парфению председательства. Наконец, и подсудимый Никон может не признать авторитета бывшего патриарха, равно как и бывшего митрополита Адрианопольского Неофита и других архиереев, изгнанных от своих престолов. Бесплезно было бы приглашать на Собор таких архиереев. В заключение своей докладной записки, вспомянув слова святого Симеона Богоприимца: *Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко*, Паисий писал: "Дерзаю и я, недостойный, сказать: ныне отпусти раба твоего, благочестивейший царь, прежде нежели собрался Собор Поместный, не говорю еще - Вселенский, на который ожидаются Вселенские патриархи. Поистине я пришел сюда не для прений и не для суда над Никоном, а только ради великого долга моей епархии и получил щедрую твою милостыню, половину которой украл у меня вор Агафангел... Отпусти меня, пока не съехался в царствующий град Москву Собор Вселенский, чтобы мне порадеть о душе своей. Если столько терплю еще до Собора, то что же буду терпеть после? Довольно уже, всемилостивейший государь, довольно! Не могу более служить твоей святой палате; отпусти раба твоего, отпусти. Как свободно и без зову пришел я сюда, так же вольно и свободно да отойду в свою митрополию радеть о душе моей и о людях, Богом мне врученных". Но царь, разумеется, не отпустил. С самого приезда Паисия в Москву, едва только он сделался известным государю, последний признал в нем для себя человека дорогого и незаменимого по делу Никона. По своему уму, образованию, знанию церковных канонов, находчивости Паисий скоро сделался главным советником и руководителем в этом деле и пред лицом государя, и в думе боярской, и в собраниях архиереев, а в сношениях и переписке государя с восточными иерархами - самым доверенным его лицом, как бы правою его рукою или домашним его секретарем. В то же время Паисий сумел привлечь к себе расположение государя своею ловкостью и угодливостью: представлял ему витиеватые приветствия во дни его рождения и именин и по случаю великих праздников, сообщал ему на бумаге даже политические известия о соседних государствах и тут же свои соображения и советы. За то и Паисию ни в чем не

было отказа. Еще в сентябре 1662 г., спустя лишь несколько месяцев после своего прибытия в Москву, он просил для себя и для своей свиты о прибавке царского жалованья - и жалованье было увеличено. В сентябре 1665 г. снова просил о том же, а вместе и о царской милостыне для уплаты подати с его Газской епархии туркам и Иерусалимскому патриарху Нектарию за три истекшие года, всего в 1700 ефимков, и притом об отпуске этой суммы золотыми червонцами, - и эта просьба была исполнена. Паисий сделался главным ходатаем за греков, приходивших в Москву то за милостынею, то по делам торговым и нередко подвергавшихся здесь опале, и ходатайство его всегда имело силу. Царь видимо для всех дорожил этим человеком, хотя, вероятно, и знал его недостатки и слабости, о которых с такою резкостью и преувеличениями не раз доносил Никон. И Паисию, конечно, было даже приятно, когда царь не отпустил его, несмотря на его просьбу об отпуске, и тем вновь показал, как ценит его и считает для себя нужным.

В том же самом декабре месяце, когда Паисий Лигарид торжествовал в душе по случаю патриарших грамот, дававших ему такую высокую уполномоченность при решении дела о Никоне, сам Никон, ясно видя, что суда патриаршего уже не избежать, решился написать от себя грамоты к Восточным патриархам. В этих грамотах, переведенных на греческий язык и переписанных каким-то греком Димитрием Матвеевым, Никон изложил в общих чертах весь ход своего дела, стараясь представить себя во всем правым и во всем обвиняя царя, а также бояр, архиереев, в частности Питирима Крутицкого, и более всех Паисия Лигарида, причем с обычными своими преувеличениями выражался, будто Паисий выдавал себя "наместником от всех четырех патриархов" и председательствует на всех Соборах в Москве и будто царь, "аще что речет (Паисий), якоже от Божиих уст, слушает его во всем и, якоже пророка Божия, почитает его". Под конец своих грамот Никон говорил: "О сем молим пресвятость Вашу, за вся судите нас с царским величеством праведно, зане будете и Вы сами судитися в страшный день Второго пришествия Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа". Из этих грамот нам известна только одна, писанная к Цареградскому патриарху Дионисию. Передавать здесь подробно содержание ее было бы излишним - она будет читана во время суда над Никоном, и тогда мы более с нею познакомимся. Предстояло немалое затруднение Никону, как доставить свои грамоты патриархам. Он вручил их двоюродному своему племяннику, состоявшему в числе его боярских детей, Федоту Тимофееву Марисову, и послал его к находившемуся тогда в Москве запорожскому гетману Брюховецкому с просьбою, чтобы гетман взял его с собою в Малороссию и оттуда отпустил в Царьград. И когда гетман не согласился, то клирик Никонов Иван Шушерин подкупил (за 50 рублей и 50 золотых) одного из казаков, бывших при гетмане, Кирилла Давидовича, который и взял с собою Марисова, сказав, что это его племянник, приведенный в Москву прежде в числе пленных из города Львова. Скоро, однако ж, правда открылась, и в январе 1666 г. из Москвы послан был Брюховецкому приказ схватить Марисова. И он был схвачен в черкасских городах и доставлен в Москву с порученными ему грамотами. Царь благодарил гетмана и велел произвести расспросы Марисову и писавшему грамоты греку Димитрию

Матвееву, а сам прочел грамоту Никона, адресованную к патриарху Дионисию, и даже сделал на ней свои пометки. Очень естественно, если грамота эта, наполненная страшными обвинениями против царя, произвела на него самое тяжелое впечатление.

Алексей Михайлович хотя не отпустил от себя Газского митрополита, но не послушал его совета не сноситься более с Цареградским патриархом по делу Никона. Нет, царь непременно хотел разрешить вкравшиеся в его душу сомнения. Он избрал надежнейшего человека, келаря Чудова монастыря Савву, и отправил его к патриарху Дионисию до того скрытно, что это отправление, по замечанию Лигарида, скорее походило на бегство, чем на посольство: о нем знали только трое. Из Москвы возвращался на Афон архимандрит тамошнего Павлова монастыря Иоанникий с царскою милостынею для всех афонских монастырей и с посланием к ним какого-то архиерея, писанным от 26 января 1666 г. С этим-то архимандритом и поехал келарь Савва и удобно прибыл в Фессалонику. Там оказался и патриарх Дионисий, внезапно оставивший свою кафедру и бежавший из Царьграда от турок. Савва тайно представился бывшему патриарху и говорил ему: "Святый владыко! Царь Алексей Михайлович молит тебя, приди в Москву, благослови дом его и разные нужные вещи исправь. Реши, что делать царю: умолять ли Никона патриарха, чтобы возвратился, или другого поставить? Иконийский митрополит Афанасий от тебя ли прислан, и родственник ли тебе, и приказывал ли ты ему словесно, чтобы умолять Никона о возвращении? С Мелетием дьяконом сколько грамот прислал ты? Стефан грек был ли у тебя и послал ли ты с ним грамоту, чтобы митрополиту Газскому быть экзархом?" Дионисий отвечал: "Ехать в Москву никак не могу. Благословляю государя, чтоб или он простил Никона, или другого поставил, смиренного и кроткого; если он боится другого поставить, то мы принимаем грех на свои головы; царь - самодержец: все ему возможно. Мелетий приезжал сюда несмирно - все турки об нем узнали - и сделал мне убытку на двести мешков. Иконийский митрополит Афанасий мне не родня. На нем был турецкий долг, он выпросил себе отсрочку на неделю, да и ушел. А я с ним ни одного слова не приказывал: пусть держат его крепко и отнюдь не отпускают. Если царь его отпустит, то большую беду Церкви сделает. Как Мелетий дьякон приходил, то мы с Нектарием патриархом написали две грамоты слово в слово, и руки свои приложили, и одну послали с Мелетием в Александрию, а другую Нектарий послал с своим калугером в Антиохию. Стефан грек у меня не бывал; только хартофилакс (секретарь патриарха) докучал мне, чтоб я написал в грамоте - быть Газскому экзархом. Но я ему этого не позволил, и если такая грамота объявилась у царя, то это плевелы, посеянные хартофилаксом. А Паисий Лигарид - лоза не Константинопольского престола; я его православным не называю, ибо слышу от многих, что он папешник, лукавый человек. Стефана грека не отпускайте ж, потому что и он великое разорение Церкви православной сделал, как и Афанасий Иконийский". Из этого ответа Дионисиева, который келарь Савва представил в своей сказке государю, последний должен был убедиться не только в подлинности свитка четырех патриархов, принесенного Мелетием, и в лживости Иконийского митрополита Афанасия, но и в том, что Стефан грек - обманщик, вовсе не был у Дионисия, а сносился только с

секретарем его и привез грамоту об экзаршестве Паисия Лигарида подложную, которую, вероятно, купил у патриаршего секретаря за деньги или даже составил сам, и что этот Стефан, судя по жесткому о нем отзыву Дионисия, вовсе не племянник его и не родственник. Конечно, ловкий Паисий мог и теперь извернуться и всю вину свалить на одного Стефана, мог уверять и даже уверить царя, что Стефан обманул и его, Паисия, верно рассчитывая подслужиться и угодить ему в чаянии больших милостей. Но об экзаршестве своем Паисий больше уже и не заикался и не только, как увидим, не председательствовал вместо Цареградского патриарха на последующих Соборах в Москве, но подписывался ниже других митрополитов, русских и греческих. В своем историческом сказании Лигарид об этом свидании Саввы с патриархом Дионисием выражается глухо и именно говорит: "Когда Савва был принят Дионисием и принял от него благословение, то объяснил ему причину своего пришествия (спор Афанасия Иконийского с Стефаном греком о подложности принесенных последним грамот). Дионисий назвал все достоверным, в особенности утвердил подлинность свитка четырех патриархов и подписей их, и отпустил Савву, не наделив его никаким письмом ввиду опасностей пути". Затем Лигарид продолжает: "Заезжал Савва и ко Вселенскому патриарху Парфению (вновь вступившему на кафедру по удалении Дионисия), но этот и ухом не повел на просьбы Саввы, оставаясь верным обязательству, которое дал константинопольскому епарху Кипурхию, не писать ничего к русским и не принимать от них никаких грамот без ведома и позволения султана. Таким образом, Савва возвратился без результатов, не получив успеха в своих огромных надеждах; предполагал воздвигнуть трофеи выше всех, а вышел ничем, ни третьим, ни четвертым мегарцем по лжи". Очевидно, что тайное посольство келаря Саввы было не по душе Лигариду.

Если один из посланных царем в сентябре 1664 г. для приглашения патриархов в Москву, Стефан грек, ездивший к патриархам Иерусалимскому (в Молдавию) и потом Константинопольскому, не достиг своей цели, то усилия другого посланца, иеродиакона Мелетия, отправившегося к патриархам Александрийскому и Антиохийскому, увенчались полным успехом. Мелетий сначала прибыл в Египет и после продолжительных собеседований с патриархом Александрийским Паисием убедил его ехать в Россию. Из Египта отправился на Синайскую гору для поклонения святыне и склонил тамошнего архиепископа Ананию области Иерусалимского патриарха явиться также в Москву на предполагаемый Собор. Антиохийский патриарх Макарий находился в Грузии для собирания милостыни (кстати, заметим, что вся богатая царская милостыня, какую он вывез в 1656 г. из России, была отобрана у него турками, укорявшими его в измене за долгое пребывание у московского государя). Мелетий переехал в Грузию и убедил здесь патриарха Макария снова посетить Москву, где оказано было ему прежде столько гостеприимства, а на пути склонил к такой же поездке и бывшего Трапезундского митрополита Филофея из церковной области Цареградского патриарха. Убедивши патриархов ехать в Москву, Мелетий сопровождал их на всем пути. Путь был весьма трудный и тяжелый, особенно для таких старцев, каковы были патриархи, совершался чрез крутые горы и по местам непроходимым. Когда Паисий Александрийский

прибыл в Тифлис, то Макарий Антиохийский, странствовавший по Мингрелии, снесся с ним и просил его ехать в Шемаху и там пождать его, Макария. В 4-й день апреля 1666 г. Макарий отправился также в Шемаху и в самый праздник Воскресения Христова соединился здесь с Паисием, чтобы продолжать путь вместе Каспийским морем на Астрахань. С патриархами находились кроме их свит и два другие приглашенные Мелетием иерарха. Синайский и Трапезундский. В Шемахе они пробыли недолго, потому что в Москве давно уже знали о приближении их к границам России и оттуда заблаговременно сделаны были распоряжения как о приеме дорогих гостей, так и о путешествии их по самой России. Еще от 11 марта послана была из Москвы Собором русских святителей Астраханскому архиепископу Иосифу грамота, чтобы он встретил святейших патриархов в Астрахани и проводил в Москву с подобающею честью; если будут спрашивать, для каких дел зовут их, то отвечал бы, что по отдаленности Астрахани от Москвы не знает, но думает, что для дела по отшествию патриарха Никона с престола и для иных великих церковных дел, а о том, что сам был у Никона с князем Никитою Ивановичем Одоевским, отнюдь не сказывал бы, и во всем был бы как можно осторожен, и своим духовным и мирским людям приказал бы ничего не говорить о том с людьми патриаршими, а как придут в Москву, тогда и объявлено будет им все по делу Никона. В то же время и царь послал грамоту такого же содержания Астраханскому архиепископу и приказал астраханскому воеводе. Из Астрахани своевременно послан был корабль к Шемахе для приема патриархов. Выждав попутного ветра, они сели на корабль и поплыли Каспийским морем; на середине пути к ним подошел другой царский корабль, больший по размеру, и принял на себя значительную часть пассажиров с первого корабля. Через несколько дней патриархи вошли в реку Волгу и по ней прибыли в Астрахань. Здесь встретили их торжественно Астраханский архиепископ и все духовенство, в блестящих облачениях, с богато украшенными хоругвями и иконами, и астраханский воевода с свитою бояр при бесчисленном стечении народа и при звоне колоколов во всех церквах, как в светлый праздник, при громе пушек и мортир повели патриархов в приготовленное для них пристанище. Из Астрахани они отправились в Симбирск, а отсюда ехали уже сухим путем. Для подъема патриархов и всех их спутников выставлялось по 500 лошадей. Дороги были исправлены и по местам устроены новые мосты. Между тем патриархи, окруженные такими необычайными почестями, скоро позволили себе выйти из пределов принадлежащей им власти. Сопровождавшие их царские приставы доносили в Москву, что патриархи, подвигаясь вперед, принимают по городам и селам челобитные и даже творят суд и расправу: в Симбирске расстригли и засадили в тюрьму протопопа Никифора за то, что он не хотел креститься тремя перстами и употреблять новоисправленные Служебники, т. е. за приверженность к расколу, и там же расстригли дьякона женского монастыря за связь с монахиною, а в городке Черне расстригли попа по жалобе на него духовной дочери и по сыску нескольких священников и мирских людей. Этого мало. Государю было донесено, что патриархи взяли с собою из Астрахани бывшего наборщика Печатного двора Ивана Лаврентьева, сосланного по царскому указу на Терек за то, что завел в Москве латинское согласие к

соблазну православных; везут также с собою слугу гостя Шорина, Ивана Туркина, сосланного за то, что извещал воровских казаков своими грамотками, по которым они грабили царский насад, торговые суда и многих людей убили. Государь счел нужным написать от 5 сентября иеродиакону Мелетию, сопровождавшему патриархов, называя его "многострадальным", чтобы он, соблюдая полное уважение к ним, вежливо объяснил им, пусть бы не огорчали великого государя и воров в Москву не привозили, а отдали воеводам.

Навстречу патриархам для приветствования их государь послал двух бояр с своими письмами к тому и другому от 14 сентября, где и как происходила эта встреча, неизвестно. Вторая почетная встреча патриархам сделана была от лица освященного Собора верст за пятьсот от Москвы. Архимандрит суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Павел встретил их 11 октября в арзамасском лесу за сорок верст, не доезжая до Арзамаса, и объявил, что прислан по указу государя от всего освященного Собора с грамотами, которые подписаны были архиереями 18 сентября. Оба патриарха вместе с Трапезундским митрополитом, Синайским архиепископом и иными властями вышли из экипажей. Тогда Павел сначала приветствовал Александрийского патриарха от имени русских владык, спросил о его здоровье, просил им его благословения и подал ему соборную грамоту; потом точно так же поступил по отношению к Антиохийскому патриарху. Патриархи спросили о здоровье государя, его семейства и всех русских архиереев и велели Павлу ехать с ними в Муром. Здесь, написав ответные грамоты, вручили их (13 октября) Павлу и послали с ним мир и благословение государю и всему освященному Собору. Затем для приветствования патриархов царь послал от себя своего ближнего боярина, сановитого мужа Артемона Сергеевича Матвеева, с царскими гостинцами и письмом от 15 октября. За сорок верст от Москвы, в селе Рогоже, 29 октября встретил патриархов от имени царя и всех архиереев архимандрит владимирского Рождественского монастыря Филарет и приветствовал подобно тому, как прежде приветствовал архимандрит Павел. Когда патриархи приблизились к столице, начался новый ряд встреч, гораздо более торжественных. Еще за городом встретил их архиепископ Рязанский Иларион, который как человек ученый сказал им речь. У земляной городской ограды, или вала, встретил митрополит Крутицкий Павел с крестами, иконами и многочисленным духовенством и также сказал речь, которую тут же переводил по статьям на греческий язык никольский архимандрит Дионисий святогорец. Патриархи были в омофорах, епитрахилиях и митрах, с посохами в руках и, приложившись к святым иконам, благословив духовенство и весь народ на все четыре стороны осенением креста, отправились со всем крестным ходом в город. У каменной городской ограды встретил митрополит Ростовский Иона с несколькими архиереями и архимандритами, и затем на Лобном месте - митрополит Казанский Лаврентий, сказавший также речь, которую переводил для патриархов иеродиакон Мелетий. Наконец, пред вступлением их в Успенский собор встретил их митрополит Новгородский Питирим с знатнейшим духовенством и приветствовал речью, которая переводима была тем же иеродиаконном. Приложившись в церкви к святым иконам и выслушав краткое молебствие, утомленные патриархи отправились в приготовленное для

них помещение на Кирилловском подворье. Через два дня, 4 ноября, в воскресенье, патриархи представлялись царю, поднесли ему свои дары и сказали речь, в которой, призывая на него Божие благословение, выражали желание, да "даст ему Царь Христос благоденственное житие на укрепление тверди церковной, на радость их (греческого) рода и на славу бессмертную русского народа". Царь отвечал также речью, в которой благодарил Бога, подвигшего их предпринять такое дальнейшее путешествие в Россию для избавления ее Церкви от бедствий, благодарил и их самих, перенесших все трудности пути, и пожелал им щедрого за то воздаяния в настоящей жизни и в будущей. В тот же день у государя для патриархов был стол. В понедельник присланы были царские дары патриархам, а в следующий день представлялись им все архиереи, кто с раззолоченными иконами, кто с серебряными чашами и кубками, затем архимандриты и игумены и после всех Паисий, Газский митрополит, приветствовавший патриархов витиеватою речью, за которую они выразили ему свою признательность. Когда все приветствия окончились и патриархи несколько освоились с новым своим положением, начались приготовления к Собору.

Но здесь мы должны на время остановиться. Нам нужно предварительно ознакомиться с тогдашним состоянием Киевской митрополии, начавшей воссоединяться со всею Русскою Церковью, и с состоянием вновь возникшего тогда русского раскола, так как в этом Соборе принимали участие вместе с архиереями Московского патриархата и архиереи Киевской митрополии и Собор рассуждал и постановил свое решение не только о патриархе Никоне, но и о русском расколе.